

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 1 (25) | 2022

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й   ж у р н а л

№ 1 (25)

Киров
2022

Главный редактор

В. Т. Юнгблуд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург),
ORCID: 0000-0002-8987-7591;

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c   j o u r n a l

№ 1 (25)

Kirov
2022

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

A. S. Drikker, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-8987-7591;

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

---

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Копырина С. Н., Черноухов А. В.</i> Медицинская инфраструктура на казенных заводах Урала во второй трети XVIII в.....	7
<i>Коршунков В. А.</i> Искалеченные и погибшие: трагические аспекты дорожной повседневности в России XIX – начала XX века.....	19
<i>Некрасов И. А.</i> Внутренняя политика императора Николая I и создание национально-государственной идеологии в 1820–1840-е гг.	30
<i>Лебедянцев И. М.</i> «Славянофилы» до славянофилов: спор о свойствах русского этноса и характере национального искусства на страницах журнала «Зритель» ..	37
<i>Уразгалиев Р. М.</i> Антинемецкая кампания в Нижнем Поволжье в годы Первой мировой войны.....	45

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Минкова К. В.</i> «Пока доктора раздумывают, пациент умирает»: как рождался план Маршалла.....	53
<i>Виватенко С. В., Сиволап Т. Е., Ларичева О. А.</i> «Возвращение праха»: перезахоронение останков Наполеона II в оккупированном Париже.....	62
<i>Немчанинов Д. Г.</i> Внутриполитические, региональные и международные аспекты польской государственности во время Второй мировой войны.....	68

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Новиков М. В., Перфилова Т. Б.</i> Исторический детерминизм в теоретических построениях М. М. Хвостова	82
<i>Лазаренко Е. И.</i> Докладные записки атташе по делам военнопленных при посольстве РСФСР в Берлине С. М. Семкова как исторический источник.....	95

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

<i>Марковчин В. В.</i> Черный сентябрь в Иране: союзники наносят удар.....	102
--	-----

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Проценко А. С.</i> Социальная структура кара-абызской культуры в IV–III вв. до н. э. (по материалам Уфимского могильника).....	117
---	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Климовская А. Я.</i> Пасторальные мотивы и образы романа Б. Пим «Несколько зеленых листьев»	123
<i>Мешкова О. В.</i> Сказка vs действительность в повести Ч. Айтматова «Белый пароход» и в романе Г. Яхиной «Дети мои».....	130

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Дюкин С. Г.</i> Феноменология рок-культуры как предмет современной гуманитаристики	139
---	-----

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Kopyrina C. N., Chernoukhov A. V.</i> Medical infrastructure at state – owned factories in the Urals in the second third of the XVIII century.....	7
<i>Korshunkov V. A.</i> Maimed and dead people: tragic aspects of the daily life on the Russian roads in the 19th and early 20th centuries	19
<i>Nekrasov I. A.</i> The internal policy of Emperor Nicholas I and the creation of a national-state ideology in the 1820s–1840s.....	30
<i>Lebedyantsev I. M.</i> "Slavophiles" before slavophiles: a dispute about the properties of the Russian ethnos and the nature of national art on the pages of "The Spectator" magazine.....	37
<i>Urazgaliev R. M.</i> The Anti-German campaign in the Lower Volgaregion during the First World War	45

GENERAL HISTORY

<i>Minkova K. V.</i> "While doctors are thinking, the patient is dying": how the Marshall Plan was born	53
<i>Vivatenko S. V., Sivolap T. E., Laricheva O. A.</i> "The Return of the Ashes": the reburial of the remains of Napoleon II in occupied Paris.....	62
<i>Nemchaninov D. G.</i> Domestic, regional and international aspects of Polish statehood during World War II	68

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

<i>Novikov M. V., Perfilova T. B.</i> Historical determinism in the theoretical constructions of M. M. Hvastov	82
<i>Lazarenko E. I.</i> Memos of the Attache for Prisoners of War at the RSFSR Embassy in Berlin S. M. Semkova kak historical source	95

HISTORY IN DOCUMENTS

<i>Markovchin V. V.</i> Black September in Iran: Allies strike	102
--	-----

ARCHEOLOGY

<i>Protsenko A. S.</i> The social structure of the Kara-Abyz culture in the IV–III centuries BC (based on the materials of the Ufa burial ground)	117
---	-----

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Klimovskaya A. Y.</i> Pastoral motifs and images of B. Pym's novel "A Few Green Leaves" ...	123
<i>Meshkova O. V.</i> Fairy tale vs reality in the story of Ch . Aitmatov's "White Steamboat" and in G. Yakhina's novel "My Children"	130

CULTURAL STUDY

<i>Dyukin S. G.</i> Phenomenology of rock culture as a subject of modern humanities	139
---	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 947 (470.5).05/.065«17»

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.061

Медицинская инфраструктура на казенных заводах Урала во второй трети XVIII в. *

С. Н. Копырина¹, А. В. Черноухов²

¹инженер, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.
Россия, г. Екатеринбург. E-mail: Sardana.kopyrina@urfu.ru

²доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения истории
государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина. Россия, г. Екатеринбург. E-mail: A.V.Chernoukhov@urfu.ru

Аннотация. Целью настоящей работы является реконструкция организации и принципов функционирования медицинской инфраструктуры на казенных заводах Урала во второй трети XVIII в. Целе-направленное промышленное освоение Урала повлекло за собой появление горнозаводского здравоохранения и аптечного дела, что послужило основной вехой в развитии медицины не только на горных заводах, но и в регионе в целом. В статье рассматривается история строительства аптеки в Екатеринбурге, появление и особенности функционирования госпиталей на уральских заводах. Рассмотрены вопросы, связанные с наймом аптекарей, лекарей и их деятельностью по обеспечению поставок лекарственных средств из Медицинской канцелярии в Москве, сбором лекарственных трав на Урале, заведением аптекарского огорода в Екатеринбурге. Отмечена важность строительства и функционирования аптеки в Екатеринбурге как учреждения, обеспечивающего регулярное изготовление лекарств собственными силами. Дана оценка системе обучения лекарских учеников, их деятельности по обеспечению медицинского обслуживания при казенных заводах Урала. Деятельность лекарей и аптекарей И. Шнезе, Х. Мендерса, И. Гриненберга по обучению учеников позволила обеспечить дальнейшее развитие медицинской службы на Урале. Проанализированы особенности организации лечения больных в отдаленных от Екатеринбурга заводских поселениях. Особое внимание уделено формированию команды медицинских служащих, которые смогли обеспечить функционирование системы медицинской помощи на огромной территории горнозаводского Урала. В середине XVIII в. Екатеринбургский, Пермский, Гороблагодатский и Нерчинский госпитали оказывали врачебную помощь работникам казенных мануфактур и близлежащих поселений, что позволяет утверждать о завершении формирования горнозаводской медицинской инфраструктуры на Урале к концу второй трети XVIII в.

Ключевые слова: госпиталь, аптека, медицинский персонал, медикаменты, болезни, уральские заводы.

Вопросы, связанные с состоянием медицинского обеспечения на территории Урала во второй трети XVIII в., не становились предметом специального углубленного изучения широкого круга авторов. Историография проблемы кратко освещается в работах, связанных с историей региона. В монографии Н. Корепанова «Первый век Екатеринбурга» [29] проанализированы основные вехи, связанные с работой госпиталя, аптеки в Екатеринбурге и деятельностью служителей данных учреждений. А. М. Сафронова написала ряд статей, посвященных становлению системы медицинских учреждений в Екатеринбурге [30, с. 51–70; 31, с. 56–79; 32, с. 131–141; 33, с. 434–453]. Т. Ю. Шестова в своей монографии привела данные по штатам Екатеринбургского госпиталя на 1737 г. [35], уделив внимание развитию системы медицинских учреждений на территории Пермской и Оренбургской губерний XIX в. Об историческом опыте развития здравоохранения на горнозаводском Урале написал В. И. Старков [34], который в своем труде собрал нормативные акты, штаты и сведения о первых лекарях на территории горнозаводского Урала.

© Копырина С. Н., Черноухов А. В., 2022

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00233 «Екатеринбург в 1733 г.: историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция».

В октябре 1734 г. произошла смена главного руководителя казенного горнозаводского хозяйства. Генерал-лейтенанта В. И. Геннина сменил действительный статский советник (генерал-майор) В. Н. Татищев. До приезда нового начальника в Екатеринбурге функционировал построенный во второй половине 20-х гг. XVIII в. госпиталь. При нем было помещение для аптеки, где хранились лекарства и необходимые материалы. Возглавлял это хозяйство штаб-лекарь И. Спринцель. В. Н. Татищев вместо имеющейся при госпитале ветхой аптеки решил построить новую – каменную. История строительства аптеки нуждается в уточнении. Авторы не могут согласиться с изданными ранее сведениями, согласно которым первая аптека в Екатеринбурге была построена в 1734 г. [31, с. 56–79]. Для обоснования этого представим полную хронику событий, восстановленную по архивным документам.

– 8 октября 1734 г. был издан указ В. Н. Татищева – «Для содержания аптеки дом построить как потребно». Выполнять приказано Екатеринбургской заводской конторе (далее – Контора), но для строительства здания необходимы чертежи и сметы, для сочинения которых потребовалось время.

– 14 октября 1734 г. из Конторы отправили доношение и просили уточнить «при котором месте дом строить», где набрать работников и получить припасы, «отколь повелено лес брать».

– 5 ноября 1734 г. вынесено решение Канцелярии – «строением показанного в доношении дому обождать».

– 11 ноября 1734 г. доктор Гриф доложил в Канцелярию – «к строению под аптеку дому место усмотрел я близ пруда, за двором генерал-поручика Геннина, на котором месте построен двор подъячего Дягилева, понеже место довольное». На этом планы 1734 г. о строении аптеки закончились. Нет сведений о возведении здания и в первой половине 1735 г. [5, л. 82–83].

– 13 августа 1735 г. Канцелярией принято решение – «дом, где ныне содержится аптека, продать с торгу откупщику Петру Перевалову или другим охотникам, кто более даст и продав перенести на другое место..., а где аптеке быть, о том еще не определено; и ради того по указу Ея Императорского Величества в Канцелярии главного заводского правления определили: под аптеку дом отвести и как надлежит устроить от заводской конторы где живет доктор Гриф в другой половине, в которой ныне имеется комиссия для рассуждения о ремеслах заводских...» [9, л. 467]. Дом, «где ныне содержится аптека», продать не удалось – не нашлось «охотников» приобретать ветхое строение, что видно из более поздних записей 1741 г. [23, л. 92]. Прогресса в деле строительства также не произошло. Пришли иные заботы – усилилась «башкирская шалость», сам В. Н. Татищев «ходил на войну». В 1737 г. В. Н. Татищев в середине года получил новое назначение и уехал с доктором Грифом из Екатеринбурга.

– 16 июня 1737 г. «по чертежу, учиненному о здешнем Екатеринбургском заводе, которой за рукою тайного советника господина Татищева показано – аптеке и лаборатории быть где ныне живет капитан Карл Брант» [23, л. 90]. На основании этого документа Н. С. Корепанов утверждает, что в 1737 г. здание аптеки было построено [29, с. 58].

– 26 августа 1738 г. инструкцией Х. Мендерсу Канцелярия приказала «здешнюю аптеку содержать в добром состоянии, чтоб строение было к приуготовлению и хранению лекарств способное ... всегда в чистоте иметь и от всякого вреда охранять, для того надлежит в Екатеринбургском казенном доме построить, чтоб от пожара был безопасен» [23, л. 88]. Бергмейстер Христиан Мендерс служил на Олонекских Петровских заводах, а в 1738 г. был принят на должность главного провизора «для содержания на Сибирских Екатеринбургских заводах аптеки и надзирания госпиталя и лазаретов». Срок контракта составил пять лет. 1 января 1747 г. срок уже второго контракта с аптекарем истек, а Мендерс желал остаться в той же должности и на тех же условиях, но не на «урочной термине», а «пока хочет». Однако решение этого вопроса оказалось не в пользу заявителя, так как выяснилось, что в аптеке с 1747 г. нужды не было, а потому и бессрочный контракт с Мендерсом заключить не представлялось возможным [1, с. 419–420].

– 19 июня 1739 г. указом генерал-берг-директориума запрещено, за исключением здания Канцелярии, каменное строительство в Екатеринбургском заводе [23, л. 92].

– 11 сентября 1741 г. Х. Мендерс отправил доношение в Канцелярию – «по усмотрению моему здешняя аптека стенами весьма сгнила и сего лета осела книзу вершка на полтора, при той же аптеке лабораторию построен поблизости и уже оной загорался два раза...». «Чулан, где содержатся материалы и травы весьма плох, многое в мокрую погоду гниет, а в ведренные дни весьма высыхает, отчего великий ущерб бывает. Того ради надобно на здешнюю аптеку свободные хоромы, где бы на лабораторию была построена каменная палата поблизости воды, также бы и пространные были огороды» [23, л. 88–88 об.]. Из представленных сведений мож-

но сделать вывод, что новая аптека не была построена, а использовалась уже имеющаяся при госпитале. В противном случае, как нововозведенное строение за столь короткий промежуток времени могло прийти в ветхое состояние?

– 26 апреля 1745 г. в доношении аптекаря Х. Мендерса в Канцелярию – «от 11 сентября 1741 года... представлено было доношение и требовано, чтоб вместо нынешней ветхой аптеки, за показанными в том доношении резонами, построить каменную. Но токмо на то указа еще мною не получено». А аптека «весьма обветшала и от гнилости села к земле, к тому же и потолок и матицы очень погнулись и задняя стена назад отвалилась и пол гораздо сгнил. И опасно того, чтоб в ней людей не убило и содержащие лекарства не раздавило...». Вновь пишет аптекарь о гибели трав в сарае, о лаборатории, чья близость к аптеке может привести к пожару. В заключении просил аптеку «разломать, а вместо той на том же месте по показанию моему построить новую, и наверху сделать для держания трав и материалов камору, и лабораторию от аптеки немного поотнестъ, и об оном, так ли быть, от Канцелярии главного заводов правления требую в непродолжительном времени решения» [23, л. 89–89 об.].

В июне 1745 г. в Канцелярии создали комиссию, целью которой был осмотр аптеки – «как она обветшала и не можно ль без перестройки вновь исправить так, чтоб еще несколько времени могла стоять». Членами комиссии были: Н. Клеопин, А. Порошин, И. Юдин. Механик Н. Бахарев и плотинный мастер Л. Грамотчиков осмотрели строение: в аптеке «две коморы», где «хранятся лекарства и прочее, к ним пристроена лаборатория, караульная изба». Стоять все еще «несколько времени» может. Но сделали вывод – аптеку «за ветхостью построить вновь» [23, л. 90 об.–91].

Решение трех вышеперечисленных начальников носило компромиссный характер. Фактически ветхое, неремонтопригодное здание решили чинить и использовать максимально возможный срок до создания критической ситуации. А далее – аптека по планам В. Н. Татищева должна быть каменной, но указом от 19 июня 1739 г. каменное строительство запретили, «да хотя б указа такого не было, то признается по не великому здесь расходу медикаментов и аптеке особливо быть не для чего. Но как в том было поступано до бытности его тайного советника, что медикаменты выписываны и привожены из Москвы и расход им содержал тот же лекарь, который у пользования больных находился. Также бы и ныне поступать, то можно было уменьшить на то происходимых не только расходов» [23, л. 92 об.].

Фактически горнозаводские руководители признали наличие аптеки в Екатеринбурге излишним и сделали вывод о более выгодной доставке медикаментов из Москвы, чем организацию производства лекарств на Урале. Н. Клеопин и И. Юдин уже с 20-х гг. XVIII в. были (и останутся после этих событий) в плохих отношениях. Но подписи поставили. А вот к чести Андрея Порошина нужно отметить – в протоколе заседания Канцелярии его подпись есть. А в доношении в Берг-коллегию – нет. Он воспользовался правом коллегиального управления, не пошел против совести и не подписал документ? А быть может, его в тот момент не было в городе. Доношение подписали двое [23, л. 97–98].

Благо в том, что без санкции Берг-коллегии привести в исполнение решение они не имели права. Поэтому дополнили решение – «а ежели отменить того не повелено будет, то не повелено ли же будет ту аптеку и содержащего оную бергмейстера Мендерса перевести в загородные покои, в коих в бытность здесь жил тайный советник господин Татищев. Ибо тамо каменные палаты и погреб и других покоев довольно есть, кои стоят в пусе, и чрез то можно будет избежать от вновь строения расходов и убытка».

В 1743 г. Х. Мендерс представил отчет о проделанной работе по первому контракту. При этом заметил – все, что он перечислил, члены Канцелярии могут сами лично обозреть и в каком оно состоянии ныне оценить. Так что заподозрить его в самовосхвалении сложно. Вот кусочки из отчета.

О госпитале – «и тако здешний госпиталь по словесному моему представлению в Канцелярии главного заводов правления за городом вниз реки угодном месте с умножением покоев построен. И тако болящие свежий воздух и воду имеют и попечением удовольствованы и здешним лекарем всею верностию лечатся» [17, л. 137 об.].

Об аптеке – «до прибытия сюда она четыре года аптекою называлась только имя носила, а ничего порядочного видеть было не можно, хотя доктор Гриф в год по шти сот рублей жалования, а аптекарский подмастерье там сто двадцать рублей получали. Но никакого от них строения не зачато. Наименьше же, чтоб какое от них лекарство действительно сделано было, не токмо чтоб он здешние медицинские материалы забирали, но все дорогою ценою из

Москвы сюда выписывали. И тако я в прибытносить свою сюда все в помешательстве и не порядочном учреждении нашел» [17, л. 138].

Об огороде с медицинскими травами Х. Мендерс написал: «учредил я медицинский огород в удобном месте, где я привезенные мною из дальних степей коренья былия семена насадил, тако же де и выписанные из Москвы семена насажал, чтоб всегда свежая трава, цветы, коренья и семена имел, которые б в здешнем воздухе росли, ибо оные здешним болящим весьма способнее и прибыльнее, нежели те, которые из другой страны выписываются. Собран и изготовлен мною живой травник о всех здешних трав, наклея траву на картузную бумагу по цвету ея живности, чтоб имеющиеся при мне мои ученики в познании и разбирании трав по сей книге следовать могли» [17, л. 138–138 об.].

О ремонте Х. Мендерсу сообщили, но скрыли намерение о закрытии аптеки до получения ответа из Берг-коллегии, куда доношение было отправлено 13 сентября 1745 г. [23, л. 97–98]. В конце декабря 1745 г. в Канцелярии получили ответ – пришлите «обстоятельное известие», как без аптеки «можно будет пробыть и в выписывании лекарств», возьмет ли лекарь и на каких условиях новые обязанности. Также было предписано ждать приезда Президента Берг-коллегии А. Ф. Томилова, который вскоре должен был посетить Екатеринбург [23, л. 99–99 об.]. Начались подсчеты, «цифирь» доходов и расходов [23, л. 102–102 об.]. Обратились к И. Шнезе. Он ответил витиевато, но с достоинством и честью. По документам можно утверждать, что его отношения с Х. Мендерсом были не дружеские, но деловые и доброжелательные. Не зафиксировано ни одного факта взаимных доносов или ругани. Солидные специалисты – иностранцы – вообще редко опускались до этого.

Здесь уместно привести доношение И. Шнезе о состоянии принятого им госпиталя. Написал он его 3 июля 1738 г., через год после отъезда В. Н. Татищева из Екатеринбурга. И возвращался к проблеме неоднократно. «Госпиталь, где больные пользуются стоит не у места, над запертою водою, коему надобно быть над проточною водою ниже пруда». Руководители согласились, приняли 19 июля 1738 г. решение – «обыскать место для строения нового по течению реки Исети на низу недалеко от города. И каким манером и сколько покоям быть, надлежит учинить чертеж» [15, л. 307–308].

Решение принято, но исполнять его не торопились. Прошло два года. И. Шнезе вновь констатировал – госпиталя «по силе одного указа и до ныне не построено». А далее, уже более подробно, описал медицинское хозяйство – «имеющийся ныне госпиталь весьма при месте своем в состоянии быть не угоден. К тому же и в тех и находящихся в нем больных покоев мало, в коем хотя и здоровым быть одну неделю, то от духа больных, лежащих в разных болезнях, имеет быть и он болен. По силе предписанного указа всемерно надлежит построить новый госпиталь, как в оном указе изображено с надлежащими покои».

Далее он просил издать указ, чтобы руководители всех заводских контор оперативно присылали больных, «не запуская их болезней, отчего за продолжением не присылки чинится оным вред». Была вновь поднята давняя проблема – скудность пищи. Вот две цитаты: «за скудно болящим в дачю пищу, коя им по силе лекарств потребна, почти напрасно казенные лекарства тратятся. Или же могут за не дачею той им довольной пищи, смотря по их болезням, коя пища имеет им быть в пользу, могут вред себе получить»; «прочие же, присылаемые в госпиталь для лечения болезней, за оскуднением пищи и в лечении быть не хотят и отпрашиваются домой» [15, л. 307 об.].

Екатеринбургские чиновники приняли решение по всем проблемам через два месяца:

– присмотреть «из старых офицерских квартир и которые можно перенести и построить нынешнею осенью для госпиталя при аптекарском огороде..., что притом расходов будет, поставить на счет госпиталя»;

– подтвердить, «по прежде посланным указам», заводским командиром под опасением штрафа больных отпускать, «не удерживая и не запуская вдаль болезнь»;

– о скудной пище необходимо лекарю просчитать все суммы от половинного вычитаемого жалования и сборных на медицину денег, сверить со штатами, уточнить – «сколько каждо годно остается» и прислать предложения по улучшению питания [15, л. 308–308 об.].

В конце 1741 г. «госпиталь был почти в готовности построен», а в следующем году вступил в строй [16, л. 265–266; 17, л. 137 об.].

2 августа 1746 г. в Канцелярии И. Шнезе сказал – «содержание аптеки на себя принимает он на таком порядке, как прежние лекари содержали, а не так, как ныне содержится, ибо и без того по его лекарской должности труда довольно есть. А в выписывании лекарств и со-

держании расходу, какой из того лучшей способ будет, о том Канцелярия главного заводов правления сама изволит рассмотреть» [23, л. 103].

После заявления штаб-лекаря И. Шнезе члены Канцелярии временно сняли вопрос об искоренении аптеки. И представили 19 августа 1746 г. президенту Берг-коллегии доклад, где просили решить лишь вопрос о месте ее нахождения. 18 ноября А. Ф. Томилов приказал – «аптеке должно быть внутри, а не за городом, как канцелярия предлагает, для прочности лучше сделать каменную и по удобности оной велеть бергмейстеру Райзеру с совета аптекаря и бергмейстера Мендерса сделать чертеж, по которому и обстоятельное определение» [23, л. 109–109 об.].

Отдавая такое распоряжение, генерал А. Ф. Томилов, конечно же, вспомнил свое тяжелое положение капитана в Екатеринбурге 1731–1732 гг. Да, к тому времени он четверть века «без всякого порока» отслужил в артиллерии и фактически случайно, прибыв из столицы в Тобольск с ревизией, по настоянию В. И. Геннина оказался в Екатеринбурге первым членом Обер-бергамта.

Работал очень добросовестно, а в феврале 1732 г. написал откровенно генералу В. И. Геннину – «понеже я от Дербенского похода стал быть болен ногами, а наипаче головою, а здесь будучи другой год не знаю какую пружестною болезнию внутреннею обременен и непристанно скорблю и многожды меня смертельно схватывало, тем же ныне лежу несколько недель в постели и о том все ведают». Далее он отметил – «излечение получить не могу», многих лекарств здесь «найти не можно и дабы не умер и мог совершенно вылечась еще в службе быть», просил отпустить в Московский госпиталь [2, л. 204–205]. В. И. Геннин ценил добросовестных людей – отправил лечиться А. Ф. Томилова. Он выздоровел, дорос до генерала, Президента восстановленной Берг-коллегии.

В октябре 1745 г. Х. Мендерсу, фактически инициатору строительства новой аптеки, поставившему вопрос о ветхости строения, отказали в прибавке жалования, но он заключил контракт – взял время на обдумывание ситуации – остался служить «на прежних кондициях» до 1 января 1747 г. А 4 октября 1746 г. решил «при здешних заводах остаться», но поставил условие – «токмо не на урошной перемене», «а пока пожелаю». И просил «донести» об этом А. Ф. Томилову.

Члены Канцелярии отправили в Берг-коллегию огромное послание. Приложили (на взгляд авторов) неубедительные цифры о малой роли аптеки в развитии медицинской инфраструктуры и заключили – «аптеке быть большой нужды не признавается», «аптеку отставить и бергмейстера Мендерса отсюда отпустить», а ежели «аптеку повелено будет по прежнему содержать», то Мендерса принять по контракту на три или пять лет, а «не пока в службе быть пожелаю» [23, л. 120 об.].

В феврале 1747 г. Канцелярия определила очередность действий для строительства новой аптеки: составление чертежа – сметы – отправка документации в Берг-коллегию – ожидание прибытия разрешительного указа – определение руководителей строительства и многое иное. Затянулось окончание этого дела надолго. У авторов нет точной даты введения в строй новой аптеки. Н. С. Корепанов указывает «к 1755 г. на месте старой аптеки» [29, с. 70].

Таким образом, хроника событий показывает, что до 1734 г. в Екатеринбурге функционировала аптека. Строительство новой растянулось на 20 лет, все попытки ее ликвидировать провалились. На каких «кондициях», в каких условиях жил главный аптекарь Х. Мендерс после 1747 г. – сведения выявить не удалось. Но до окончания строительства он не дожил, умер в 1753 г. Главное детище Х. Мендерса – аптекарский огород – на рубеже 40-50-х гг. XVIII в. угасал, а после смерти был заброшен. В дальнейшем его придется вновь восстанавливать уже штаб-лекаря И. Шнезе.

С новым зданием аптеки, увы, сложились неприятности. У строителей не было опыта возведения каменных специальных зданий. Поэтому уже в августе 1757 г. гезель Иоганн Якоб Тешнер доносил в Канцелярию – в аптеке в «нижнем апортаменте» окна малы, света и воздуха мало, от каменного пола «происходит немалая сырость, так что почти сгнил весь потолок, опасно дабы совсем не обвалился», материалы «весьма гниют и портятся». И «дабы о такой напрасной трате и гибели материалов к ответу потребован я не был», он просил выполнить ремонт [27, л. 5–5 об.].

Члены Канцелярии приказали горной заводской комиссии, работающей при Канцелярии, «со знающими разных художеств ремесленники» осмотреть помещения, представить заключение. Это было выполнено, подтвердилась «великая духота», сырость, гнилость и иные

беды. Предложены варианты утепления пола, на «чугунных столбиках» укрепление потолка, расширение окон и многое иное. Определено – «исправить всемерно должно ныне в летнее время не упуская оно... дабы лекарства были годными в пользу ко исцелению больных» [27, л. 6–11].

Конечно же, за остаток лета сделать ничего не удалось. От И. Тешнера вновь последовали требования о ремонте. В итоге все вылилось в ссору и канцелярские члены решили избавиться от нового «настырного» аптекаря. В 1758 г. он уехал в Москву. Аптеку принял штаб-лекарь И. Шнезе. Вновь, как и при И. Спринцеле, главный екатеринбургский лекарь наряду с госпиталем возглавил и аптеку [31, с. 76].

С В. Н. Татищевым приехали: доктор медицины – англичанин Джейкоб Гриф, лекарь – Эвергарт (Лаврентей) Сименс, нанятый Татищевым в марте 1734 г. в Петербурге, где он служил подлекарем в Кадетском корпусе и аптекарь – Генрих Тамм. Все они были в Екатеринбурге недолгое время. В статье А. М. Сафроновой вполне солидно отражен их труд [31, с. 56–79]. Однако восторженно оценивать работу Д. Грифа нет серьезных оснований. Он получал огромные деньги. Иностранцы, работавшие в этот период в более тяжелых условиях горной добычи и при плавке металла, получали лишь треть от этого жалования. Д. Гриф выполнял свои обязанности так же, как и его предшественники. Как только В. Н. Татищев получил новое назначение, он тут же последовал за ним. Лечить генерала намного приятнее, чем руководить неухоженным госпиталем, общаться с больными заводскими служителями и слабо подготовленными учениками. Тем более Самара того времени, куда отправился В. Н. Татищев, – не Екатеринбург.

Лекарь Л. Сименс не имел солидного опыта. Прельщенный солидной оплатой, подлекарю в кадетском корпусе платили заметно меньше, направился на Урал. Попав из столицы в необжитый край и лишившись помощи от доктора, быстро засобиравшись домой. По контракту время службы Сименса истекло 29 марта 1738 г. Татищев и Хрущев 27 февраля 1737 г. сообщили в директориум: аптекарь Тамм служить желает, но дали ему отрицательную характеристику, указав, что он составляет лекарства только по рецептам, присланным из московской Главной аптеки, а из находящихся здесь трав ничего сделать не может, отчего в год на ингредиенты уходит от 300 до 500 руб., и просили прислать другого. Тамм всеми силами стремился остаться в Екатеринбурге и не возвращаться в Ригу, просил назначить его вместо умершего бухгалтера Грия, в итоге был оставлен при аптекарских и бухгалтерских делах с жалованием 180 руб. в год и учеником с окладом 12 руб. в год [31, с. 61–62]. А к представленной в целом негативной характеристике аптекаря Е. Тамма можно лишь добавить жалобу его ученика Н. Казанцева: делу «не обучает, всегда всячески безвинно бьет, служителя у него нет, поэтому принуждает за скотом и лошадьми ходить» [8, л. 597–598].

Состояние медицинской инфраструктуры на Урале можно полностью оценить только в совокупности с анализом медицинского обеспечения в ряде сибирских заводов, в частности в Забайкалье, которые находились в ведении горной администрации в Екатеринбурге. Например, в исследуемый период успешно функционировал госпиталь в Нерчинске, получавший необходимые лекарства из Екатеринбурга.

Становление и функционирование медицинской инфраструктуры в Нерчинских заводах проходило следующим образом. 10 февраля 1740 г. поручик Е. Назарьев, прошедший Полтавское сражение, имевший многие ранения, с 1729 г. служивший на Урале и направленный в Нерчинск, с горечью писал: «Люди живут в этих краях с начала XVIII в., многих присылали в малых летах с отцами, сосланными из Москвы стрельцами». А «при серебряном заводе служителям и мастеровым людям почасту случается незапные болезни. Иные же и в шахтах от разваления камня вредятся и в плавильных обжигаются, отчего и в заводском действии бывает не без помешательства. А лекарей при заводе не имеется и не токмо от другой какой болезни получить от кого способа, но во время случающихся от натуги и крови пусть некому. А при выдачах служителям окладного жалования по указам на госпиталь и медикамент по копейке от рубля вычитается. И чтоб для того повелено было прислать к серебряным заводам из Екатеринбурга хоть подлекаря искусного с принадлежащими лекарствами» [13, л. 686–689].

Канцелярия положительно отреагировала на просьбу Е. Назарьева. 25 июля 1740 г. состоялся указ – «для лечения заводских служителей отправить подлекаря Петра Трумлера с лекарствами». Его отец, иноземец Петр Михайлов, работал на Урале до 1735 г. молотовым мастером, вернулся в Москву. А там в 1738 г. встретился с Мендерсом и «вручил ему сына своего Петра для домовых услуг и обучения аптекарской должности». П. Трумлер, имея солидную

базу, хотел быть лекарем, поэтому добросовестно и быстро освоил премудрости, был аттестован в подлекари, получил 60-рублевое жалование, отправлен на трудную самостоятельную работу [22, л. 481–482].

Петр Трумлер прибыл в Нерчинск 15 февраля 1741 г., следуя четкой инструкции от лекаря И. Шнезе, сразу же начал требовать от местного начальства помощника, материалы для строительства госпиталя. Бюрократическая переписка заводских начальников «как выполнять инструкцию» застопорила дела. Хотя П. Трумлер сообщал И. Шнезе: больных много, приходится ходить по дворам, «понеже казенного лазаретам нет», он нужен, «ибо за теми болящими всегда требуется смотрение как в способной по болезни пище, так и в прочем» [19, л. 24–26].

Из Екатеринбурга приказали: все отпускать, если нет пригодного помещения, «по состоянию тамошней команды построить новый госпиталь и определить в оной сторожа из отставных людей с надлежащим жалованием». Но по приисканному П. Трумлером помощнику из ссыльных И. Кологривову, который знал лекарское дело, приказ был иным: быть ему только в сторожах, «а до другого ни до чего не допускать, понеже он человек подозрительной и поверить ему в лечении и в лекарствах не можно, а отправлять то дело оному подлекарю Трумлеру одному, ибо тамо приказных и прочих служителей и мастеровых людей имеется невеликое число и исправляться ему в лечении можно одному». А всех, кто работает в горных работах крестьян, лечить только за плату, так как у них вычета по копейке с рубля не проводится [18, л. 34–36].

В 1744 г. П. Трумлер вернулся «на доучение» в Екатеринбург, а через два года уехал к отцу в столицу. На его место в Нерчинск был направлен Егор Томилов. Он из московских школьников, приехал в 1734 г., был определен в лекарские ученики в солидном 24-летнем возрасте. При отправке был аттестован в подлекари, а в 1770 г. получил звание лекаря, вырастил подлекаря Е. Завьялова, который позднее был лекарем в Екатеринбурге [7, л. 286; 11, л. 289; 12, л. 3; 21, л. 9; 22, л. 481–484; 24, л. 101]. Служил в Нерчинске до кончины в 1777 г. Он отец будущего крупного горнозаводского деятеля Павла Томилова, составившего в 1807 г. подробнейшее описание многих уральских заводов.

Хронологически стационар в Нерчинске оформился последним. В 30-е гг. XVIII в. начали функционировать другие. Их представим одновременно со сведениями об обучении учеников Х. Мендерсом и штаб-лекарем И. Шнезе – яркой личности в истории медицины Урала. За 37 лет работы подготовил достойных учеников. Но мог, на взгляд авторов, приложить больше усилий для открытия стационаров на заводах. Например, на просьбу оберштейгера Келлера прислать лекаря и «малую аптеку с лекарствами» для Полевского завода И. Шнезе ответил, что Келлер сам «отчасти в том искусство имеет», и ему и вручим лекарства и врачевание на рудниках [23, л. 126].

Таблица 1

Табель медицинского персонала на казенных заводах в 1752 г. [26, л. 519–522]

Фамилия, имя	Должность	Жалование в год (руб.)
При Екатеринбургском госпитале		
Шнезе Иоган	штаб-лекарь	350
Сизиков Василий	подлекарь	60
Каменщиков Иван	подлекарь	48
Семенников Семен	ученик	18
При Екатеринбургской аптеке		
Мендерс Христиан	бергмейстер	400
Углов Емельян	ученик	36
Голомзин Лаврентий	ученик	18
При Пермском начальстве		
Гриненберг Иоган	лекарь	191
Грудин Иван	ученик	18
При Кушвинских заводах		
Бревнов Иван	подлекарь	60
Резанов Василий	ученик	36
При Нерчинских заводах		
Голомзин Никифор	за лекаря	84
Томилов Егор	подлекарь	60
Веснин Федор	ученик	4 и солдатский провиант
Ковригин Николай	ученик	4 и солдатский провиант

Из Екатеринбурга по заявкам с заводов регулярно отправляли лекарства. За исключением случаев временного отсутствия необходимых препаратов и для редких сильнодействующих, сложных лекарств, о которых у руководства «по употреблению знать не кому». Поводом для отказа мог оказаться и короткий срок хранения препаратов, которые «чрез долгий в пути проезд и по приезде туда повредятся и действительны в сохранении по прошествии полугода быть не способны и затем воспоследует казенной убыток». Перечень таких лекарств в первой половине XVIII в. был крайне мал. В остальных же случаях главный лекарь непременно вкладывал в отправляемую посылку описание лекарств, «как их должно и от какой болезни по скольку каких принимать».

Яркий пример по отправке лекарств связан с Лялинским заводом, расположенном на значительном удалении от Екатеринбурга. В 20-х гг. XVIII в. заводские управители имели на руках документ – «ежели кто повредится, тех для лечения посылать в госпиталь на казенном коште». Это требование неукоснительно соблюдалось, но случались казусы – по выздоровлении люди возвращались «недели по три и по месяцу и более, якобы все шли в пути и знатно, что они заходят и живут... у свойственников, а в сказках показывают будто в пути были больны и шли долгое время. А подлинного известия взять нельзя и не от кого». А некоторые работники вообще хитро заявляли, уже прибыв в госпиталь, – «ехали три недели и Божию волю мы от болезни освободились» [4, л. 51–52; 10, л. 337–340].

В итоге в 1729 г. было решено – в Екатеринбург больных с Лялинского завода не направлять, а «пользовать там присылая лекарства». А 17 августа 1734 г. документ повторили – кто на Ляле «будет болен, тех тамошнему управителю свидетельствовать, и которые по свидетельству управительскому явятся больны, тех, как возможно, пользоваться тамо, а за дальностью сюда их не присылать». Документ подписали: Геннин, Рудаковский, Клеопин, Гордеев [3, л. 52].

В результате заводские управители вынуждены были овладевать в меру своих способностей основами познаний в медицине. В 1735 г. лялинский управитель писал в Екатеринбург – «присланы лекарства для лечения болезней», но они «все в расходе». При этом, проявив завидную осведомленность в знании препаратов, просил направить вновь проверенные и простые медикаменты – «а именно очного пластырю, живучего проносного, рвотного, потетного, от лихорадки, от кашлю, от груди порошок, от поносу и от мыта крепительного алексиру, також по прежнему для пробы винного камня» [10, л. 337].

Решение, подписанное Н. Клеопиным на просьбу лялинского управителя, конечно же, не без ведома доктора, удивляет – лекарство не посылать, так как знающего человека нет, люди «могут вместо пользы наибольшую скорбь или смерть безвременно получить» [10, л. 338]. Можно предположить, что без реальной необходимости управитель завода не запросил препараты. Получив медикаменты, больные могли иметь шанс на выздоровление, к сожалению, горная администрация оставила их без помощи в борьбе с болезнью. К отправляемым лекарствам доктор мог приложить инструкцию по применению, как это будут делать позднее.

После отъезда Д. Грифа и принятия госпиталя И. Шнезе посылки с лекарствами регулярно отправлялись. Подтвердим это отправкой медикаментов в самый дальний регион, в Якутск. Там не было лекаря, руководитель завода А. Метенев в доношениях-просьбах регулярно присылал реестры необходимых лекарств. В ответ получал препараты с краткими разъяснениями по применению. Представим список, отправленный И. Шнезе в январе 1743 г. вместе с лекарствами в Якутскую заводскую контору «для пользования тамо находящихся служителей» [20, л. 194–197].

Таблица 2

Роспись лекарств, отправленных из Екатеринбурга в Якутскую заводскую контору в 1743 г. [20, л. 197 об.–198]

Перечень лекарств	Разъяснения лекаря
«Проносного 12 приемов, от обжогу мази, 4 фунта пирюль головных»	«Могут знать и тамо сим о пользе»
«Зукус ликверции четверть фунта»	«Следуют от кашля»
«Эсенция линорум два унца»	«Кровочистительные капли, кои принимать по 60 и по 80 капель в чаю»
«Залвитоле олео сун зилвин два унца Валвалитоле оле озун зилвин два унца»	«Против густой крови и омороки и для ради желудка, в один прием по 50 капель в чаю»

Окончание табл. 2

Перечень лекарств	Разъяснения лекаря
«Живучего пластыря 3 фунта Гноечан мази 1 фунт Головного пластыря четверть фунта»	«Сие могут ко употреблению знать тамо собою»
«Бальзам зурфурис, сини зитис, четыре золотника»	«От грудной болезни и от кашля, принимать в чаю по 60 капель, ежели у кого жару нет»
«Интур синтимония тартара затис 8 золотников»	«Ко очищению урина и крови, принимать в чаю по 60 капель»
«Спиртус салис самоници один унц»	«От лихорадки принимать в чаю или в пиве по 30 капель, или нюхать»
«Порошки от жару 3 унца»	«Принимать в воде по ползолотнику»
«Специесь линорум три фунта»	«Сие кровочистительное, взяв полфунта и положи три фунта воды варить в горшке, замазав наглухо, и по утрам по стакану пить»
«Мази полфунта»	«К пользе против застарелых ран»

Помимо перечисленного, И. Шнезе выслал травы «против грудной болезни 4 фунта». И написал – «из коих взяв одну горсть и налив два фунта воды варить, потом сквозь тряпицу процедить, потом положить меду ложки четыре вторично варить». «По сварению оной пить по стакану по утрам не евши» [20, л. 199–200 об.].

В 1735–1737 гг. был построен и стал постоянно функционировать госпиталь при Егошихинском заводе. Там бессменно до 1753 г. работал лекарь Иоганн Крестьян Гриненберг, после него госпиталь принял И. Каменщиков. Связал саксонец И. К. Гриненберг жизнь с Уралом, продлевал контракты «на прежних кондициях» – 191 руб. жалование, плюс квартира, дрова, свечи. Добросовестно работал, постоянно получал из Екатеринбурга требуемые лекарства [6, л. 19; 13, л. 29; 21, л. 108; 25, л. 897]. Главной трудностью здесь была присылка больных со множества Пермских заводов. Но это была не забота И. К. Гриненберга, а канцелярских начальников. Так, из Пермского горного начальства в 1741 г. А. Порошин слал жалобы в Екатеринбург – «до Юговского завода – 30, до Висимского – 71, до Пыскорского – 179 верст», просил указа – «на каком коште повелитца больных для лечения в госпиталь посылать». Ему напомнили прежние указы – «на казенном» коште [14, л. 133 об.].

С передачей Пермских заводов в частные руки руководители в Екатеринбурге решили госпиталь и лекаря сохранить. Но картина сложилась нерадостная. Новые хозяева посчитали – народ болеет и «повреждается» редко, от содержания медицины только убыток. Госпиталь в Егошихе сначала пришел в запустение, а в 60-х гг. XVIII в. закрылся. Только с 1770 г., когда два Юговских завода возвратились в казну, начнется там новая страница медицины [28, л. 176].

В 1758 г. коллежские асессоры С. Владычин и Е. Яковлев в объемных 14 пунктах выразили мнения и предложения по широкому кругу вопросов в связи с передачей казенных заводов в частные руки, деятельностью Канцелярии в новых условиях. О медицине они написали следующее: «в Екатеринбурге госпиталю и аптеке быть так, как до сего состоят. При них штаб-лекарь с подлекарем и двумя учениками, в которой в лечение принимать, если присланы будут из партикулярных заводов. И за то часть жалования и положенных при том служителей положить с партикулярных заводчиков» [28, л. 175–176].

Таким образом, к концу второй трети XVIII в. было завершено формирование горнозаводской медицинской инфраструктуры на Урале. К середине XVIII в. силами Екатеринбургского, Пермского, Гороблагодатского и Нерчинского госпиталей осуществлялось медицинское обслуживание всех горнозаводских служителей в огромном регионе. Лекари-иностранцы понимали потребность в регулярных поставках медикаментов из Москвы, но для обеспечения бесперебойной медицинской помощи считали необходимым наличие аптеки для изготовления собственных лекарств. Также для обеспечения комплексного лечения больных был необходим собственный «аптекарский огород». Фактически к середине XVIII в. Екатеринбургский госпиталь являлся единственным местом на Урале, где могло быть полностью осуществлено лечение больных с учетом достижений медицинской науки того времени. Именно через Екатеринбургский госпиталь и его руководителя осуществлялось распределение привезенных из центральной России медикаментов лекарям в заводские госпитали Урала. Сформировалась система лекарского ученичества. И. Шнезе, Х. Мендерс, И. Гриненберг обучили достаточное количество лекарских учеников для дальнейшего функционирования медицинской инфраструктуры на Урале.

Список литературы

1. Аракчеев А., Бородина Е., Бугров К., Ермакова О., Воробьев С. Границы и маркеры социальной стратификации России XVIII–XX вв.: векторы исследования. СПб. : Алетей, 2018. С. 722.
2. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 24. Оп. 1. Д. 375.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 475.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 476.
5. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 510.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 530.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 557.
8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 559.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 560.
10. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 562.
11. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 616.
12. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 715.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 832.
14. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 869.
15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 877.
16. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 893.
17. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 916.
18. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 936.
19. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 940–941.
20. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 986.
21. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1071.
22. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1112.
23. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1243.
24. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1282.
25. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1414.
26. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1422.
27. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1525.
28. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1636.
29. Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. С. 274.
30. Сафронова А. М. В. Н. Татищев – организатор медицинской службы в Екатеринбурге / А. М. Сафронова // Документ. архив. история. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 51–70.
31. Сафронова А. М. Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734–1750-е гг.) // Документ. архив. история. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. Вып. 19. С. 56–79.
32. Сафронова А. М. Первые лекарские ученики при казенных заводах Урала (1722–1734 гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : мат-лы XIV Всеросс. науч. конф. Екатеринбург : ООО Изд-во УМЦ УПИ, 2020. Т. 1. С. 131–141.
33. Сафронова А. М., Сафронов А. А. Госпиталь как объект социальной инфраструктуры Екатеринбурга в 1723–1734 годах // Научный диалог. 2020. № 9. С. 434–453.
34. Старков В. И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX века // Очерки истории Урала. 2007. № 43. С. 193.
35. Шестова Т. Ю. История здравоохранения Пермской и Оренбургской губерний в дореформенный период. Пермь, 2000. 284 с.

Medical infrastructure at state – owned factories in the Urals in the second third of the XVIII century

C. N. Kopyrina¹, A. V. Chernoukhov²

¹engineer, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin.
Russia, Yekaterinburg. E-mail: Sardana.kopyrina@urfu.ru

²Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Documentation, Archival Studies of the History of Public Administration, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin.
Russia, Yekaterinburg. E-mail: A.V.Chernoukhov@urfu.ru

Abstract. The purpose of this work is to reconstruct the organization and principles of functioning of medical infrastructure at state-owned factories in the Urals in the second third of the XVIII century. The purposeful industrial development of the Urals led to the emergence of mining health care and pharmacy, which

served as a major milestone in the development of medicine not only at mining plants, but also in the region as a whole. The article discusses the history of the construction of a pharmacy in Yekaterinburg, the appearance and features of the functioning of hospitals in the Ural factories. The issues related to the hiring of pharmacists, healers and their activities to ensure the supply of medicines from the Medical Office in Moscow, the collection of medicinal herbs in the Urals, the establishment of a pharmacy garden in Yekaterinburg are considered. The importance of the construction and functioning of a pharmacy in Yekaterinburg as an institution providing regular production of medicines on its own was noted. The evaluation of the system of teaching medical students, their activities to provide medical care at state-owned factories in the Urals is given. Activity of doctors and pharmacists I. Schnese, H. Menders, I. Greenenberg's training of students allowed us to ensure the further development of the medical service in the Urals. The features of the organization of treatment of patients in factory settlements remote from Yekaterinburg are analyzed. Special attention is paid to the formation of a team of medical employees who were able to ensure the functioning of the medical care system in the vast territory of the mining Urals. In the middle of the XVIII century. Yekaterinburg, Perm, Gorobrazdatsky and Nerchinsky hospitals provided medical care to employees of state-owned manufactories and nearby settlements, which allows us to assert that the formation of the mining medical infrastructure in the Urals was completed by the end of the second third of the XVIII century.

Keywords: hospital, pharmacy, medical personnel, medicines, diseases, Ural factories.

References

1. Arakcheev A., Borodina E., Bugrov K., Ermakova O., Vorob'ev S. *Granicy i markery social'noj stratifikacii Rossii XVIII–XX vv.: vektory issledovaniya* [Borders and markers of social stratification of Russia of the XVIII–XX centuries: vectors of research]. SPb. Aleteya. 2018. P. 722.
2. SASR (State Archive of the Sverdlovsk region). F. 24. Inv. 1. File 375.
3. SASR. F. 24. Inv. 1. File 475.
4. SASR. F. 24. Inv. 1. File 476.
5. SASR. F. 24. Inv. 1. File 510.
6. SASR. F. 24. Inv. 1. File 530.
7. SASR. F. 24. Inv. 1. File 557.
8. SASR. F. 24. Inv. 1. File 559.
9. SASR. F. 24. Inv. 1. File 560.
10. SASR. F. 24. Inv. 1. File 562.
11. SASR. F. 24. Inv. 1. File 616.
12. SASR. F. 24. Inv. 1. File 715.
13. SASR. F. 24. Inv. 1. File 832.
14. SASR. F. 24. Inv. 1. File 869.
15. SASR. F. 24. Inv. 1. File 877.
16. SASR. F. 24. Inv. 1. File 893.
17. SASR. F. 24. Inv. 1. File 916.
18. SASR. F. 24. Inv. 1. File 936.
19. SASR. F. 24. Inv. 1. File 940–941.
20. SASR. F. 24. Inv. 1. File 986.
21. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1071.
22. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1112.
23. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1243.
24. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1282.
25. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1414.
26. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1422.
27. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1525.
28. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1636.
29. Korepanov N. S. *Pervyj vek Ekaterinburga* [The first century of Yekaterinburg]. Yekaterinburg. Bank of Cultural Information. 2005. 274 p.
30. Safronova A. M. V. N. Tatishchev – organizator medicinskoj sluzhby v Ekaterinburge [V. N. Tatishchev – organizer of the medical service in Yekaterinburg] / A. M. Safronova // *Dokument. arhiv. istoriya. Sovremennost' : sb. nauch. tr.* – Document. archive. history. Modernity : collection of scientific works. Yekaterinburg. Ural University Publishing House. 2017. Is. 17. Pp. 51–70.
31. Safronova A. M. *Pervaya apteka Ekaterinburga i ee rol' v medicinskom obsluzhivanii naseleniya kazennyh zavodov Urala i Sibiri (1734–1750-e gg.)* [The first pharmacy of Yekaterinburg and its role in the medical care of the population of state-owned factories in the Urals and Siberia (1734–1750-ies)] // *Dokument. arhiv. istoriya. Sovremennost' : sb. nauch. tr.* – Document. archive. history. Modernity: collection of scientific works. Yekaterinburg. Ural University Publishing House. 2019. Is. 19. Pp. 56–79.
32. Safronova A. M. *Pervye lekarskie ucheniki pri kazennyh zavodah Urala (1722–1734 gg.)* [The first medical students at the state-owned factories of the Urals (1722–1734)] // *Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya :*

mat-ly HIV Vseross. nauch. konf. – Ural Industrial. Bakunin Readings : Materials of the XIV All-Russian Scientific Conference. Yekaterinburg. LLC Publishing House of UMTS UPI. 2020. Vol. 1. Pp. 131–141.

33. *Safronova A. M., Safronov A. A. Gospital' kak ob"ekt social'noj infrastruktury Ekaterinburga v 1723–1734 godah* [Hospital as an object of social infrastructure of Yekaterinburg in 1723–1734] // *Nauchnyj dialog – Scientific dialog*. 2020. No. 9. Pp. 434–453.

34. *Starkov V. I. Istoricheskij opyt razvitiya sistemy zdavoohraneniya na gornozavodskom Urale v XVIII – pervoj polovine XIX veka* [Historical experience of the development of the healthcare system at the mining plant The Urals in the XVIII – first half of the XIX century] // *Ocherki istorii Urala – Essays on the history of the Urals*. 2007. No. 43. P. 193.

35. *Shestova T. Yu. Istoriya zdavoohraneniya Permskoj i Orenburgskoj gubernij v doreformennyj period* [History of health care in Perm and Orenburg provinces in the pre-reform period]. Perm. 2000. 284 p.

УДК 947(470)«17-19»

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.062

Искалеченные и погибшие: трагические аспекты дорожной повседневности в России XIX – начала XX века

В. А. Коршунков

кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. «Культура дороги», «традиционная культура путешествия», «дорожная традиция» России и обстоятельства дорожных передвижений в Российской империи стали изучаться историками, антропологами, этнографами только с конца прошлого века. В научной и научно-популярной литературе обычно не уделяется внимание угрозам жизни и здоровью тех, кто в XIX – начале XX в. пользовался гужевым транспортом или ездил верхом. В этой статье рассмотрены угрозы не от разбойных нападений или иных чрезвычайных ситуаций, а от тех постоянных и повсеместных обстоятельств, которые делали почти всякий путь непредсказуемым и опасным.

Эта тематика исследуется с привлечением обобщенных данных, которые были собраны до революции чиновниками на местах и служащими статистических комитетов. Кое-что было тогда же опубликовано, многое отложилось в архивных делах. При всей условности содержащихся в официальных документах данных их анализ позволяет выявить тенденции и проследить сравнительные соотношения (например, смертность на дорогах на фоне иных смертельных случаев). Очень важны также и впечатления современников, которые содержатся в мемуарах, переписке, публицистике. Существенным дополнением являются произведения художественной литературы. При этом важно, чтобы дорожная тематика в личных документах и в нарративных источниках не являлась основной, сюжетообразующей.

Выясняется, что проезд в повозке, санях либо верхом на лошади в XIX – начале XX в. оказывался ничуть не менее опасным для жизни, чем в наше время быстрое движение на мотоцикле или автомобиле. При гораздо меньших, чем сейчас, скоростях случалось множество ситуаций, грозивших фатальными последствиями. Столкновения при встрече и обгоне, переворачивание экипажей, внезапные поломки на всем скаку бывали происшествиями повседневными. Верховые и ямщицкие лошади – животные крупные, сильные, с крепкими копытами – тоже могли быть причиной увечий и даже гибели. И это вдобавок к тому, что всякий продолжительный путь и без того доставлял множество неудобств и неприятностей. Между тем, если не учитывать этот аспект дорожной повседневности, историкам будут не вполне ясны особенности управления Российским государством и условия его функционирования даже в то сравнительно позднее время. В самой обширной стране мира поддержание единства и связности территории (при несовременных средствах сухопутного передвижения) являлось важнейшей и очень непростой задачей.

Ключевые слова: дорожная традиция, дорожное движение, повседневная жизнь, дорожные инциденты, архивные документы, мемуары.

– От чего он умер? – спросил я женщину, кивнув головой на могилу ее сына.

– Лошади раздавили... – кратко сказала она и погладила землю холма своей морщинистой рукой.

М. Горький. Колюша. набросок (1895)

Россия – страна просторов. Нити не слишком хорошо оборудованных дорог едва-едва стягивали обширные и разнообразные провинции огромного государства. Постоянными переходами и разъездами были заняты миллионы людей. По Российской империи скакали купцы и чиновники, тянулись полки солдат и партии арестантов, странствовали паломники и бродяги. На путях тут и там встречались коварные места – например, крутые спуски, дурные деревянные мосты, трактиры, где приходилось соседствовать с подозрительными людьми, темные чащи, в которых укрывались шайки разбойников. Но и сама ситуация привычного дорожного движения постоянно и непредсказуемо грозила обернуться фатальными неприятностями.

Так называемые «культура дороги», «традиционная культура путешествия», «дорожная традиция» России и шире – обстоятельства дорожных передвижений в Российской империи – стали изучаться историками, антропологами, этнографами с конца прошлого века [5; 7; 8; 16; 17; 18; 22; 23; 40; 41]. Однако в научной и научно-популярной литературе обычно не уделяется

внимание угрозам жизни и здоровью тех, кто в XVIII – начале XX в. пользовался гужевым транспортом или ездил верхом. Имеются в виду угрозы не от разбойных нападений или от иных чрезвычайных ситуаций, а от ежеминутных и повсеместных обстоятельств, которые сами по себе делали почти всякий путь непредсказуемым и опасным. Между тем, если не учитывать этот аспект дорожной повседневности, будут не вполне ясны особенности управления обширнейшим в мире государством и его функционирования даже в сравнительно позднее время (всего-то несколько десятилетий назад).

На уровне губернии эту тему можно исследовать, используя обобщенные данные, собранные местными чиновниками и служащими статистических комитетов. Кое-что было тогда же опубликовано, многое отложилось в архивных делах. При всей условности имеющихся в официальных документах чисел, анализируя их, можно выявить основные тенденции и проследить сравнительные соотношения (например, смертность на дорогах на фоне иных смертельных случаев). Еще очень важны живые впечатления современников, которые содержатся в мемуарах, переписке, публицистике. Существенным дополнением к ним станут произведения художественной литературы, в которых тут и там рассыпаны описания, упоминания, мимолетные зарисовки. При этом важно, чтобы дорожная тематика в личных документах и в нарративных источниках не являлась основной, сюжетообразующей. Дело в том, что дурное замечалось и отмечалось чаще, тем более когда речь заходила о путешествиях. Увечья и гибель на дорогах, несомненно, обращали на себя внимание и запоминались, чтобы сразу или после отразиться в текстах, которые стали нашими источниками.

Педагог К. А. Луппова (1864–1931), жившая в г. Вятке, в письме от 21 октября 1920 г. рассказывала о двухнедельной командировке в Уржум, Нолинск, Медведок и Аркуль: «Всю дорогу на лошадях. Дорога очень хорошая, местами очень живописная, но везут большей частью в телегах и в редких случаях в плетенке¹. <...> В одном месте меня вывалили, и заднее колесо телеги переехало мне ногу в коленке. Ногу, разумеется, сильно вздуло, но постепенно все проходит...» [2, с. 159]. Несмотря на осеннюю погоду, дорога была неплоха. Тем не менее, случилось неприятное происшествие.

Падения во время езды случались нередко (чаще зимой), но не каждый раз человек при этом попадал под повозку. В одной крестьянской семье из Костромской губернии в начале 1930-х гг. было девять детей. Как-то раз они «дурели» на телеге. Лошадь понеслась, двухгодовалый малыш скатился с повозки прямо под колесо и погиб². Учительница Луппова еще легко отделалась – на дорогах бывали инциденты куда опаснее. И нередко страдали те люди, которые вынуждены были много разъезжать – чиновники, офицеры, священники, учителя³.

Корреспондент газеты «Вятская речь» в январе 1914 г. припоминал «недавний возмутительный случай с народной же учительницей в Сарапульском уезде, окончившийся смертью учительницы Колчиной. По сообщению сарапульских газет, дело было в следующем. Учительница Жужге-Пельгинской земской школы М. А. Колчина и В. Багаева на святки возвращались в Сарапул. Ехали на одной лошади (в санях-кошевке. – В. К.).

Колчина везла с собой трехлетнюю дочурку. Около села Пурги путникам встретился обоз с вином. От удара отвода кресел кошевка с учительницами перевернулась и упала в канаву, придавив спутниц и их ямщика. А возчики, столкнувшись учительниц в канаву, как ни в чем не бывало поехали дальше.

В результате Колчина задохнулась, Багаеву же насилу привели в чувство. Труп Колчиной был отправлен в с. Пургу» [9, с. 3].

¹ Разновидность повозки, с плетеным из прутьев кузовом. Этот вятский термин не отмечен в диалектных словарях, ср. казанское «плетёнка» (тарантас с обшитым сиденьем) [33, с. 121]. На Вятке говорили также «плетюшка» [30, с. 64; 33, с. 132].

² Записано автором от А. М. Молодцова (1963 г. р.) в г. Кирове (Вятке) в 2021 г., по воспоминаниям его отца Михаила Ивановича Молодцова (1929–2009, уроженца д. Жары Молвитинского района Костромской губернии), который рассказывал о своей семье.

³ Именно инспектор народных училищ Слободского уезда Вятской губернии И. М. Софийский в феврале 1892 г. оказался в неприятной ситуации, когда его на узком заснеженном пути не пропускал свадебный поезд [18, с. 565–566; 19, с. 127–128]. А некий сельский священник, скрывшись под латинским псевдонимом, в феврале 1917 г. опубликовал в «Вятских епархиальных ведомостях» заметку, в которой поведал о том, как он предложил старику-нищему за умеренную плату натоптать на нескольких зимних дорогах разъезды, по четыре на каждую версту, чтобы встречным было легче пропускать друг друга [18, с. 274–276].

Это был «обоз с вином», то есть, применительно к нынешнему словоупотреблению, перевозивший спирт или водку. «Пьяные» обозы были сущим бедствием на тогдашних дорогах. В романе М. Н. Загоскина «Русские в начале осмнадцатого столетия» (1848) есть эпизод: ранней весной 1711 г. в Москве такой обоз на своем пути опрокинул экипаж, в котором ехал молодой офицер. Загоскин уверял, что нравы за два последних столетия не изменились. По его словам, всякий москвич, который проезжает «в базарный день от Москворецкого моста по Пятницкой, знает, что такое эти бесконечные обозы, а особливо едущие порожняком, которые скачут иногда сломя голову, потому что лошадьми или вовсе никто не правит, или правят мужички под хмельком, для которых в эту минуту море по колено».

Окончивший Вятскую духовную семинарию С. И. Сычугов (1841–1902) в своих мемуарах живописал алкогольные подвиги семинаристов: «...Особенно грандиозных размеров пьянство достигало в дни отпуска на святки и на летние каникулы: начиналось оно слегка еще в городе, достигало же своего апогея на первых от него станциях. Дикое и даже ошеломляющее впечатление на проезжающих производил поезд в 30–40 повозок с доброю сотней пьяных пассажиров, мчавшихся во весь опор с гиканьем, песнями и площадною бранью. Хорошее, должно быть, впечатление производили на народ эти оргии будущих его пастырей» [35, с. 194]. Буйные бурсаки воспроизводили тот устойчивый тип поведения, который был свойственен и рекрутам, и вообще всяким сплоченным молодым мужским компаниям, отправлявшимся в дальний путь. Вообще в пути поведение человека заметно меняется, оно становится не таким, как в обычное время, в «домашней» жизни [16, с. 10–62; 18, с. 295–303; 38]. А уж тем более когда собираются веселые друзья-однокашники.

О случившемся с ним и его спутниками в пути несчастье вспоминал председатель Тверского губернского комитета А. М. Унковский, которого отправили в 1860 г. в вятскую ссылку: «Приехал я в Вятку с двумя жандармами в начале марта. Неизменное общество жандармов сопровождало меня до места ссылки. Первые дни я еще сносил это общество, слушая потешные рассказы про их начальников, но потом скука стала одолевать. Впрочем, недолго я скучал, некогда было, экипаж мой свалился в овраг вместе с моим милым обществом. Один из жандармов сильно ушибся, другой напоролся, чуть живого дотащили до ближайшей станции, шествуя добрых 7 верст; лошадей искалечило, – словом, бед не обернуться, сколько их было» [28, с. 89]⁴.

Вятский юрист и мемуарист А. А. Прозоров повествовал, как он в 1870-х гг. совершал пасхальные визиты. Нужно было спешить, потому что приходилось делать десятки заездов по разным адресам. «Проезжая на Пасхе по одной из отдаленных улиц, я заметил, что одна из дышловых лошадей моего экипажа ленится, задумал ее понудить и с этой целью взял с козел кнут и, стоя на левой ногой на подножке экипажа, а левой рукой держась за козла, правой размахнулся кнутом. Лошади дернули, и в этот момент подножка погнулась, моментально сообразив, что вследствие неудобного нагиба через руку мне придется перевернуться и попасть под колесо, я выпрыгнул из экипажа и попал на склон пригорка, покрытого молодой травой, ноги поскользнулись, и я упал» [30, с. 61]. Вывих, перелом – и несколько месяцев до полного выздоровления. Но хоть под колесо не угодил.

Служащие Вятского губернского статистического комитета подсчитывали, среди прочего, количество погибших в результате различных дорожно-транспортных происшествий. Согласно их данным, всего в губернии за 1858 г. было 525 «нечаянных смертных случаев». Из этого числа пять человек «задавленных опрокинувшимися возами» и еще пять «умерших от падения с экипажей». Примечательно различие двух этих видов дорожных происшествий. Кроме того, отдельно было учтено восемь человек «убитых лошадьми» [34, с. 222–223]. Например, летом 1857 г. в Вятской губернии произошли три несчастных случая: «...Кр[естьянка] Котельн[ического] уезда Береснева найдена в поле мертвою, лежащую под ногами упавшей своей лошади, впряженной в телегу, которая опрокинута вверх колесами, при осмотре же тела Бересневой оказалась одна нога переломленною в колене и на многих частях корпуса замечены знаки, происшедшие от ушибов» [12, с. 200]; «...В Яранском уезде крест[ьянка] Полянина найдена мертвою в лесной даче (разновидность лесных угодий. – В. К.) под возом мху, которым вероятно она задавлена...» [11, с. 235]; «...Котельнического уезда крест[ьянин] Титов найден мертвым на Московском тракте, а близь него три его лошади,

⁴ Высылка А. М. Унковского в Вятку отразилась в 4-й главе «Дневника провинциала в Петербурге» (1872) М. Е. Салтыкова-Щедрина, который сам побывал в вятской ссылке.

из коих две были запряжены в опрокинутый тарантас, а третья ходила по дороге...» [13, с. 262]. В декабре 1858 г. «один [человек], при спуске с горы, упал с воза и убит понесшеюся под гору лошадью...» [26, с. 37]. Могло случаться и такое: «Крестьянка Сарапульского уезда, Нечкинской волости, деревни Докши, имевшая 80 лет от роду, проходя по улице в своей деревне, вероятно не успела уйти от проезжавшего по деревне извоза, попала под воз с железом, была смята этим возом и через 9 дней после того умерла» [14, с. 18].

Вот некоторые сохранившиеся в архивных делах краткие описания несчастных случаев во время движения или просто «от лошадей». Согласно рапортам, поданным из Яранского полицейского управления в канцелярию вятского губернатора, в 1869 г. «8 мая днем убит лошадью крестьянский сын починка Ушакова Ернурской волости Федор Ильин Бахтин, имевший от роду 10 лет, который на лошади той боронил в поле землю»; 29 июня «крестьянская женка Кундыжской волости, починка Пичуры Степанида Никифорова убита лошадыми, быв выброшена ими на дорогу». Возраст Степаниды – 31 год [39, ф. 582, оп. 60, д. 279, л. 217, 373]. Уржумский уездный исправник в том же 1869 г. доносил вятскому губернатору: «...Крестьянин Лебяжской волости, починка Третнего, выселка Гарей Кирило Гурьянов Окунев, с работницею своею Натальей Антоновой, ехавши утром... в поле на телеге за снопами, дорогою упал с телеги на землю, и при этом задние колеса телеги перешли чрез шею, от чего в 4 часа по полудни и помер» [39, ф. 582, оп. 60, д. 288, л. 202–202 об.].

Нередко к стычкам и увечьям приводили традиционные праздничные катания на лошадях. В 1893 г. в рапорте елабужского уездного исправника губернатору говорилось: «...4 февраля в 5 час[ов] пополудни проживающий в селе Грахове земский начальник 1 участка Елабужского уезда г. Маньковский, управляющий именем г-жи Шамшиной Кафтанников и диакон села Грахова Курочкин по случаю масляницы катались в одних санях в тройку и, проезжая улицей по селу Грахову, смяли пристяжной лошадью проходившего по улице в пьяном виде крестьянина села Грахова Николая Ефимова Грахова (74 л[ет])». Тут важны детали: едут большие люди (выпившие или нет – не отмечено), а старик, дескать, пьян. Его задела пристяжная – значит, не прямо на него наехали, а только боком затронули. И дальше: «Когда последнего после полученного удара унесли с улицы в Граховскую земскую больницу для подачи медицинской помощи, куда также зашел г. Маньковский, желая убедиться, в каком положении находится Грахов, то в то время прибежали в больницу сыновья Грахова Константин и Степан Николаевы в пьяном виде, и последний из них нанес г. Маньковскому кулаком по голове два сильных удара» [39, ф. 582, оп. 64 а, д. 13, л. 18–18 об.].

Сообщения о дорожных происшествиях отмечались в тогдашних газетах, и праздная публика всегда обращала на них внимание. В рассказе Н. В. Успенского «Деревенская газета» (1860) приводится пародийная заметка: «14 июля. За селом Горловым (во время храмов. праздника) помещик Ч. вывалился из своего экипажа и сломал себе шею. Уездный доктор ежедневно бывает у больного и советует ему не употреблять в будущее время спиртных напитков: насчет же шеи уверяет, что она будет кривая» (курсив автора. – В. К.).

23-летняя А. Ф. Тютчева в начале января 1853 г. направлялась из семейного поместья Овстуг Орловской губернии в Москву, а оттуда в Петербург к императорскому двору для службы в качестве фрейлины. Тютчева вспоминала: «Мне доставляло удовольствие давать большие начай (так! – В. К.) ямщикам, чтобы они гнали лошадей во весь дух, и я достигла того, что в ночь перед нашим приездом в Москву, около Подольска, я очутилась вместе с своим опрокинутым возком в глубоком овраге, с контуженой головой. Василий Кузьмич в полном отчаянии подобрал меня и уложил в кибитку, в которой я и доехала до Москвы. Здесь я, совсем разбитая, причалила к своей тетушке, сестре отца, г-же Сушковой. Вид у меня, очевидно, был очень плачевный, ибо добрая тетушка расстроилась и немедленно велела поставить мне к голове пивяки, которые оказались очень кстати» [37, с. 17; ср. с. 115].

Да, во время зимних путешествий люди сильно страдали от морозов и ветров. Но еще хуже бывали падения (тем более, как в случае с Тютчевой, – в глубокий овраг). Подчас такое кончалось увечьями. Тютчева-то была молодая, она в Москве быстро пришла в себя. Немецкий ученый Д. Г. Мессершмидт в декабре 1726 г., возвращаясь из сибирской экспедиции, проезжал по ямской дороге из Соликамска в Хлынов. В его дневнике имеются лаконичные записи о том злополучном пути. Тащились медленно, с поломками и задержками. На снежных ухабах сани переворачивались постоянно. А 29 декабря пробирались до Карино около восьми часов по такой плохой дороге, что сани опрокидывались, как подсчитал дотошный Мессершмидт, двадцать раз [25, с. 89, 92, 98, 99, 100, 101, 103].

Но иной раз падения с невысоких саней в пышные мягкие сугробы только веселили путников. В 1879 г. 26-летнего ссыльного литератора В. Г. Короленко переместили из г. Глазова Вятской губернии, где он отбывал наказание, в самую отдаленную часть Глазовского уезда – на северо-восток, в Березовские Починки. В письме к родным из Починков 29 октября 1879 г. он сообщал о путешествии туда из Глазова, уже по зимнику: «Путь стоял недурной, и ехали мы без особых приключений, если не считать того, что я, по непривычке к дровням здешним, на всяком угоре выскакивал с дровней, точно мяч, и весь вывалился в снег» [15, с. 70]⁵.

Актриса П. И. Орлова-Савина (1815–1900) в написанной под конец жизни «Автобиографии» рассказывала о поездке из Киева в Одессу в 1840-х гг. Она сокрушалась, что тогда «во время дороги вытерпела много неприятностей». Реки разлились, мосты были снесены. Переправлялись через потоки поодиночке, вброд. Ехали и по ночам, причем Орлова-Савина с ее попутчицей (та путешествовала с детьми с прислугой) «попеременно не засыпали, боясь какой-нибудь случайности». Случайность, чуть не ставшая трагедией, и произошла. Когда ночью они, утомленные, все же задремали, сломалось крепление передних колес, и тарантас рухнул на бок. Вещи, которыми тарантас был нагружен, придавили саму Орлову-Савину и кормилицу с младенцем-девочкой: «Я, лежа внизу всего и всех, чувствовала, что задыхаюсь, и более от мысли, что если мне так тяжело, то что же будет с крошечной девочкой, лежащей под такой тяжестью. <...> У нас была одна мысль, что ребенок задохся». Но обошлось. По ее словам, «ангел-хранитель сохранил младенца от неизбежной смерти» [27, с. 214–215].

Во многих свидетельствах говорится, что при падении повозки можно не то чтобы быть раздавленным, а задохнуться (как и в упомянутом выше трагическом случае с сарапульской учительницей М. А. Колчиной). Смерть в дороге довольно часто была именно такой: сдавит грудь навалившимися вещами, и если кто-либо сразу же не придет на помощь, то и конец.

Революционер С. С. Синегуб (1851–1907), осужденный в 1878 г. на каторжные работы, вместе с некоторыми товарищами и в сопровождении жандармов направлялся в Сибирь летним путем. Он вспоминал: «Из Томска лихо везли нас на тройках. В моем представлении осталась именно эта лихая езда на сибирских почтовых тройках от Томска до Иркутска. Однажды при спуске троек с довольно крутой горки ямщик, ехавший сзади нашей тройки, не сдержал лошадей и налетел на нашу кибитку с такой силой, что оглоблей со всего розмаха был пробит кузов нашей кибитки, и конец оглобли просунулся между моей головой и головой рядом сидевшего со мной жандарма Кузнецова. Долго ахал жандарм после этого и благодарил Господа за спасение от неминуемой смерти, основательно полагая, что если бы конец оглобли тронул его или меня в затылок, то и дух вон вылетел бы из нас. В другой раз ночью наша кибитка заехала в ров и опрокинулась набок, причем при ее падении досталось пуще всего у[нтер]-оф[ицеру] Бухарцеву, на сторону которого свалилась кибитка, и на него навалились и вещи, и Лариса. Бухарцев жаловался после этого на то, что его здорово придавило, так что он чуть не задохся. Мы с Ишутиным, что греха таить, злорадствовали такому приключению с Бухарцевым, ненавистным для нас наушником. Кроме этих двух незначительных событий, длинный путь от Томска до Иркутска мы проехали без приключений» [32, с. 94]. Характерны стоические замечания автора: всего лишь «два незначительных события», так что добрались «без приключений»... А ведь и до Томска, и после Иркутска путь им тоже был неблизкий.

На тройку, где ехал Синегуб, сзади наскочили сани, и оглоблей седокам чуть было не разможило головы ему и жандарму. Сходный случай описан в автобиографической книге И. С. Шмелева (1873–1950) «Лето Господне». Зимой на берегу Москвы-реки на их санки-лубянки налетели сзади сани мужика, мчавшего вниз, под горку, чтобы загрузить наколотый на реке лед. Ехавший с мальчиком старик стал креститься и вздыхать: «...Слава-те, Господи. Долго ли голову пробить оглоблей... вот как брать-то тебя!.. я-то знаю, чего бывает... спешка, дело горячее». Нечто подобное случилось с женой поэта А. А. Фета. 7 января 1889 г. в письме к Я. П. Полонскому он деловито сообщал: накануне Нового года «жена моя вернулась с семейного обеда у брата Дмитрия с левой рукою, переломленной наехавшим на ее сани извозчиком. Теперь рука у нее в гипсовой повязке, и, по крайней мере, прекратились страшные страдания, нераздельные с костоправством и воспалением» [38, с. 358].

Гибель художника А. Г. Венецианова (1780–1847) случилась оттого, что ему не удалось сладить с лошадьми. Он, пожилой академик живописи, числился помещиком Вышневолоцкого

⁵ Подробнее этот путь описан в его автобиографической книге «История моего современника», см. там: «...Теперь порой мы оба (с крестьянской девкой, которая правила лошадьми. – В. К.) хохотали, вываливаясь в снег на узеньких дорожках и поворотах».

уезда Тверской губернии. Зимой Венецианов отправился в губернский город на тройке. Под гору лошади вдруг понесли, кучер сумел выпрыгнуть, повозку повалило набок. Венецианов запутался в вожжах и, покуда лошади волокли его по обочине, получил множественные увечья⁶.

Лошади испугались и помчали – таковой была очень частая причина увечий и даже гибели людей, ехавших верхом или в повозках. Это случалось, как с Венециановым, если возница не мог сладить с управлением при спуске с горы. Но иной раз лошади начинали беситься на ровном пути. Яркое описание ситуации находим в рассказе А. П. Чехова «Почта» (1887), когда «лошади чего-то испугались и понесли». А в неоконченной повести Л. Н. Толстого «Дьявол» (1889–1890) героиня выехала на шарабанах, но «смирная лошадь заиграла», и женщина выпрыгнула из повозки. Ей повезло – она хотя бы смогла не зацепиться за колесо. Но все равно стряслось несчастье: «она была уже беременна...» и так далее.

Дочь П. А. Столыпина (1862–1911) припоминала дорожное происшествие, случившееся во времена ее детства. Столыпин, несмотря на поврежденную правую руку, сам объезжал запряженных в повозку рысаков. «Во время прогулки... мы свернули круто на дорогу, на которой солнце после тени как-то сразу ослепило лошадь; она испугалась, взвилась на дыбы, и вся тележка перевернулась. Папа, не растерявшись, толкнул меня в канаву и крикнул, чтобы я оттуда не выходила, а сам, не выпуская вожжей, стал удерживать мечущуюся лошадь. Ему помогли прибежавшие с поля рабочие, и все обошлось благополучно» [4, с. 175–176].

По мнению мемуаристки, лошадь тогда ослепило солнцем. Как-то раз жеребец под художником И. Е. Репиным (1844–1930) был оглушен свистком паровоза и напуган. Репин вспоминал, как в подмосковном имении С. И. Мамонтова Абрамцеве, где часто устраивались кавалькады, он ехал на молодом, сумасбродном коне по кличке Копка. Он писал: «Всем известно, что наши русские лошади уносят. После какого-нибудь шума, свиста они вдруг входят в раж и несут куда попало без памяти. <...> Раздался оглушительный свист локомотива; мой Копка вдруг осатанел, взвился и пустился прямо в толпу по узкой улочке; все мои усилия удержать Копку не подействовали: он уже свалил одного богомольца... вот и другого; я едва могу кричать... все оглядываются, взмахивают руками, кричат что-то сумасшедшему седоку, то есть мне, с разными нелестными прилагательными... Я свалил с ног уже человек десятков и старался за один повод направить его на забор дома против улицы. Ничто не брало одурелого скакуна, пока он не ударился грудью об забор...» (курсив автора. – В. К.) [31, с. 354].

Почти все российские императоры много колесили по европейской части страны. Тем самым они знакомились с Россией, ее городами, монастырями, достопримечательностями, народами и пытались лично контролировать положение дел на местах. А в военное время иногда приходилось выезжать к местам боевых действий. Такие выезды тщательно готовились, и движение повозок бывало стремительным. Нередко и с августейшими особами случались неприятные, опасные происшествия. Памятным стал инцидент в 1836 г. близ от г. Чембара Пензенской губернии – «кувыркколлегия», как шуточно говорил сам пострадавший монарх, Николай I. Тогда экипаж опрокинулся на крутом спуске, Николай сильно ушибся, сломал ключицу, ребро и, как ни спешил, был вынужден остаться в Чембаре на пару недель [3, с. 643–648; 20].

С Александром I тоже подобное приключалось. А еще сильное воздействие на него оказала трагедия с фельдъегерем Масковым. В книге об Александре историк Г. В. Балицкий (писавший под псевдонимом Г. Василич) упоминал о том, что произошло 3 ноября 1825 г.: «В этот же день на пути Александр был поражен случаем с фельдъегерем Масковым, привезшим ему депеши: ящик, везший фельдъегеря, помчался обратно с ним так неосторожно, что на повороте, недалеко от императора, наскочил на кочку, а Масков от толчка был выброшен из экипажа и, ударившись головою о землю, тут же скончался» [6, с. 33].

Летом 1837 г., во время путешествия по России наследника престола, будущего Александра II, случилось неприятное происшествие. Об этом сделал дневниковую запись сопровождавший царевича литератор В. А. Жуковский: «Выезд мой из Тюмени был несчастный. В толпе народа, стремившегося за великим князем, женщина подвернулась под лошадей, и ее ушибло колесом. Я оставил ее на руках нашего подлекаря; не знаю еще, что он скажет. Городничему дано 200 рублей для лечения. Но этого мало» (затем запись по какой-то причине была Жуковским зачеркнута) [10, с. 55, 446].

А в городах, где год от года уличное движение становилось все более оживленным, часто происходили случаи, когда кто-либо, подобно Остапу Бендеру, «попадал под лошадь».

⁶ См. в посвященном художнику сборнике отрывки из «Записок» его дочери А. А. Венециановой и «Выписку из дела об убитом лошадьми вышневолоцком помещике академике Венецианове» [1].

Знаменитый историк Н. И. Костомаров (1817–1885) страдал близорукостью. В январе 1884 г. в Петербурге он возвращался вечером из архива, и на Дворцовой площади на него налетели сани. Оглобля ударила его по голове. Костомаров, весь в крови, все же добрался до дома, но слег и уже не поднялся [21, с. 63].

На проезжей части пострадал и другой известный историк – Т. Н. Грановский (1813–1855). Писательница А. Я. Головачева-Панаева вспоминала о его супруге Елизавете Богдановне: «Жена Грановского всегда страшно волновалась, если муж запаздывал возвращением домой, и, как бы он поздно ни вернулся, она не ложилась в постель. Она мне говорила, что ею овладевает какой-то безотчетный страх, и она не в силах уничтожить в своей голове мрачных картин, которые рисуются ей перед глазами при мысли о разных несчастьях, какие бывают от падения из экипажа. Точно она предчувствовала заранее, что Грановский за два года до своей смерти будет разбит при падении из экипажа и его без чувств принесут домой. У него была повреждена челюсть и на одной щеке осталась впадина...» [29, с. 143]. И мать литератора Владислава Ходасевича погибла от несчастного случая в сентябре 1911 г. на московской улице: лошадь чего-то испугалась и понесла, пролетка опрокинулась, Софья Яковлевна выпала и ударилась головой о фонарный столб [24, с. 123].

Интересно, что в тогдашней русской литературе стал заметен такой мотив: травмирующее падение героя с лошади или из повозки (либо иное дорожное происшествие) – и вследствие этого перемена его участи – к худшему, а то и к лучшему. Если автору нужно, чтобы герой не добрался туда, куда он направляется, или чтобы он, застряв в незнакомом городишке для лечения, встретился с предназначенной для него барышней, то автор готов решительно свалить своего героя в придорожную канаву, а то и покалечить. Лучше всего для такого в мирной жизни подходит ситуация, когда лошади понесли, когда верховой жеребец оказался слишком норовистым, либо выбросило из саней. Такой мотив – у А. А. Шаховского в комедии «Не любо – не слушай, а лгать не мешай» (1818), у А. С. Пушкина в поэме «Граф Нулин» (1825). Он обнаруживается у И. С. Тургенева в повестях «Несчастливая» (1869), «Степной король Лир» (1870), а в его комедии «Завтрак у предводителя» (1849) – мимоходом, в словах простоватой помещицы (кстати, с фамилией Каурова). В комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824), после падения Молчалина с лошади, когда Софья в ужасе лишилась чувств (тот позже появился с подвязанной рукой), Чацкому окончательно становится ясно отношение Софьи к человеку, в ком пришлось-таки признать соперника. У главного героя повести Н. Г. Помяловского «Молотов» (1861) из-за дорожной аварии произошла крутая перемена в судьбе. А герой В. А. Соллогуба из «Неоконченных повестей» (1843) умер от болезни, которая приключилась с ним в дороге из-за падения.

У литераторов, которые вообще люди чувствительные, даже сны о дорожных крушениях бывали. Кошмарные сны. В дневниках Л. Н. Толстого есть запись от 22 ноября 1897 г.: «Видал во сне очень живо, что Таня упала с лошади, разбила себе голову, умирает, и я плачу о ней» [36, с. 165]. Это о любимой дочери.

В рассказе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Поправка доктора Осокина» (1885) выведен молодой чудаковатый врач из уездного города. Он не держал в хозяйстве лошадь и всегда ходил пешком, поясняя: «Помилуйте, ездить на лошади – это величайшее безумие и самый верный путь к насильственной смерти, а я этого не желаю и надеюсь прожить до ста лет».

Всего-то несколько десятилетий назад проезд в телеге, бричке, в санях либо верхом оказывался ничуть не менее опасным для жизни, чем в наше время лихая гонка на мотоцикле или автомобиле. При гораздо меньших, чем сейчас, скоростях случалось множество ситуаций, грозивших фатальными последствиями. Столкновения при встрече и обгоне, переворачивание экипажей, внезапные поломки на всем скаку были происшествиями повседневными. При таком крушении пассажир нередко попадал под колеса и полозья, а угодив в канаву или овраг, ломал руку, ногу, а то и шею себе сворачивал. В опрокинувшемся экипаже седоков придавливало грузом так, что становилось невозможно дышать. Очень опасными для окружающих были стремительные праздничные выезды и тяжелые обозы. На дорогах и городских улицах люди «попадали под лошадь», их могло смять и искалечить наехавшей повозкой. Верховые и ямщицкие лошади – животные крупные, сильные, с крепкими подкованными копытами – тоже становились причиной увечий и даже гибели. И это вдобавок к тому, что продолжительный путь и без того доставлял множество неудобств и неприятностей. Для России все это имело особенно большое значение, потому что в самой обширной стране мира поддержа-

ние единства и связности территории (при несовершенных средствах сухопутного передвижения) являлось важнейшей задачей. И задачей очень непростой.

Список литературы

1. Алексей Гаврилович Венецианов: Статьи, письма. Современники о художнике / сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Корниловой. Л. : Искусство, 1980. 391 с.
2. Бабинцева Т. В. К. А. Луппова – организатор первых детских садов в Вятке // Герценка: вятские записки / сост. Н. П. Гурьянова; науч. ред. В. А. Коршунков. Киров, 2011. Вып. 20. С. 152–163.
3. Бенкендорф А. Х. Воспоминания: 1802–1837. М. : Рос. фонд культуры, 2012. 761 с.
4. Бок М. [урожд. Столыпина] Жизнь П. А. Столыпина: воспоминания об отце // П. А. Столыпин в воспоминаниях дочерей / науч. ред. Б. Г. Федоров. М. : Гареева; Аграф, 2003. С. 153–299.
5. Борисов Н. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М. : Мол. гвардия, 2010. 440 с.
6. Василич Г. Император Александр I и старец Феодор Кузьмич: по воспоминаниям современников и документам. Изд. 4-е. М. : Образование, 1911. 159 с.
7. Васильев М. И. Русские сани : историко-этнографическое исследование. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. 364 с.
8. Васильев М. И. Факторы формирования облика русских дорог в X – начале XX в. // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 125–135.
9. Елабуга (разгром училища) // Вятская речь. 1914. № 10. С. 3.
10. Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. М. : Языки русской культуры, 2004. Т. 14. 768 с.
11. Замечательнейшие происшествия в Вятской губернии за первую половину августа месяца 1857 года // Вятские губернские ведомости. 1857. Отд. 2. Ч. неофиц. № 35. С. 234–235.
12. Замечательнейшие происшествия в Вятской губернии за первую половину июля месяца 1857 года // Вятские губернские ведомости. 1857. Отд. 2. Ч. неофиц. № 30. С. 200.
13. Замечательнейшие происшествия в Вятской губернии за первую половину сентября месяца 1857 года // Вятские губернские ведомости. 1857. Отд. 2. Ч. неофиц. № 39. С. 262.
14. Замечательные происшествия в губернии в декабре 1863 года // Вятские губернские ведомости. 1864. Ч. неофиц. № 3. С. 17–18.
15. Короленко В. Г. Письма из тюрем и ссылки. 1879–1885. Горький : ОГИЗ: Горьк. изд-во, 1935. 209 с.
16. Коршунков В. А. Дорожная традиция России: поверья, обычаи, обряды. М. : Форум, 2015. 240 с.
17. Коршунков В. А. Неуступчивость: старинный обычай дорожных конфликтов в Яранском уезде Вятской губернии // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. мат. науч.-практич. конф. / сост. В. Е. Добровольская. М. : Гос. респ. Центр рус. фольклора, 2002. Вып. 4. С. 59–67.
18. Коршунков В. А. Путь сквозь века и земли: дорожная традиция России. М. : Редкая птица, 2020. 624 с.
19. Коршунков В. А. Свадебный поезд против царского выезда // Родина. 2020. № 9. С. 127–129.
20. Коршунков В. А. Царь-коляска // Родина. 2019. № 12. С. 112–115.
21. Литвак Б. Г. Николай Иванович Костомаров: очерк жизни и творчества // Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М. : Республика, 1992. С. 5–106.
22. Матвеев А. В. История сухопутных путей сообщения Омского Прииртышья (средневековье – новое время). Омск : Омск. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского; Омск. филиал Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. 268 с.
23. Матвеев А. В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья: (XIX – первая треть XX в.). Омск : Изд-во ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2010. 230 с.
24. Муравьева И. «Счастливый домик»: Владислав Ходасевич, Анна Ходасевич и их переписка // Звезда. 2010. № 11. С. 123–163.
25. Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта: дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск : Удмуртия, 2001. 224 с.
26. Обзор происшествий по Вятской губернии в декабре месяце 1858 года // Вятские губернские ведомости. 1859. Отд. 2. Ч. неофиц. № 5. С. 37.
27. Орлова-Савина П. И. Автобиография. М. : Худож. лит., 1994. 415 с.
28. Отзыв А. М. Унковского о своей ссылке в Вятку // Тр. Вятской ученой архивной комиссии. 1906. Вып. 1–2. Отд. 3. С. 89–90.
29. Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М. : Правда, 1986. 512 с.
30. Прозоров А. А. Город Вятка и его обыватели : мемуары. Киров : Изд-во «Экспресс», 2010. 152 с.
31. Репин И. Далекое близкое. Изд. 5-е. М. : Изд-во Академии художеств СССР, 1960. 510 с.
32. Синегуб С. Воспоминания чайковца // Русская мысль. 1907. Год 28-й. Кн. 9. С. 85–107; Кн. 10. С. 29–49; Кн. 11. С. 1–15 (2-я пагинация).
33. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб. : Наука, 1992. Вып. 27. 400 с.
34. Состояние Вятской губернии в 1858 году // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1860 г. / сост. В. Короваевым. Вятка : В тип. Губ. правления, 1860. С. 169–358.

35. Сычугов С. И. Записки бурсака. М.; Л. : Academia, 1933. 352 с.
36. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Серия 2: дневники. М. : ГИХЛ, 1953. Т. 53. XXXVI + 560 с.
37. Тютчева А. Ф. Воспоминания (при дворе двух императоров). М. : Захаров, 2008. 591 с.
38. Фет А. А. Письма // Фет А. А. Стихотворения. Проза. Письма. М. : Сов. Россия, 1988. С. 326–417.
39. Центральный государственный архив Кировской области.
40. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М. : Индрик, 2003. 528 с.
41. Randolph J. W. The singing coachman or, the road and Russia's ethnographic invention in early modern times // Journal of early modern history. 2007. Vol. 11. № 1–2. Pp. 33–61.

Maimed and dead people: tragic aspects of the daily life on the Russian roads in the 19th and early 20th centuries

V. A. Korshunkov

PhD in Historical Sciences, associate professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. The "culture of the road", the "traditional culture of travel", the "road tradition" of Russia and the circumstances of road movements in the Russian Empire have been studied by historians, anthropologists, ethnographers only the end of the last century. In scientific and popular literature, attention is usually not paid to threats to the life and health of those who used horse-drawn transport or rode horseback in the 19th – early 20th centuries. This article considers threats not from robberies or other emergencies, but from those constant and ubiquitous circumstances that made almost every road movement unpredictable and dangerous.

This topic is investigated using generalized data that was collected before the revolution by local officials and employees of statistical committees. Some data were published at the same time, much was deposited in archives. Despite all the conditionality of the data contained in official documents, their analysis allows us to identify trends and trace comparative ratios (for example, road deaths against the background of other deaths). The impressions of contemporaries, which are contained in memoirs, correspondence, and journalism, are also very important. Works of fiction are an essential addition. At the same time, it is important that the road theme in personal documents and narrative sources is not the main, plot-forming one.

It turns out that traveling in a cart, sleigh or riding a horse in the 19th – early 20th centuries was no less life-threatening than rapid movement on a motorcycle or car in our time. At much lower speeds than now, there were many situations that threatened fatal consequences. Collisions during a meeting and overtaking, overturning of carriages, sudden breakdowns at full gallop were everyday incidents. Riding and coachman's horses – animals large, strong, with strong hooves – could also be the cause of injuries and even death. And this is in addition to the fact that every long journey already caused a lot of inconvenience and trouble. Meanwhile, if we do not take into account this aspect of everyday life on the road, historians will not fully understand the specifics of the management of the Russian state and the conditions of its functioning even at that relatively late time. In the most extensive country in the world, maintaining the unity and connectivity of the territory (with non-modern means of land transportation) was the most important and very difficult task.

Keywords: road tradition, traffic, daily life, road incidents, archival documents, memoirs.

References

1. Aleksey Gavrilovich Venecianov: *Stat'i, pis'ma. Sovremenniki o hudozhnike* – Alexey Gavrilovich Venecianov: Articles, letters. Contemporaries about the artist / comp., introd. art. and notes by A.V. Kornilova. L. *Iskusstvo (Art)*. 1980. 391 p.
2. Babinceva T. V. K. A. Luppova – organizator pervykh detskih sadov v Vyatke [K. A. Luppova – organizer of the first kindergartens in Vyatka] // *Gercenka: vyatskie zapiski* – Hertsenka: Vyatka notes / comp. N. P. Guryanova; scient. ed. V. A. Korshunkov. Kirov. 2011. Is. 20. Pp. 152–163.
3. Benkendorf A. H. *Vospominaniya: 1802–1837* [Memoirs: 1802–1837]. M. Russian Cultural Foundation. 2012. 761 p.
4. Bok M. [nee. Stolypina] *Zhizn' P. A. Stolypina: vospominaniya ob otce* [The life of P. A. Stolypin: memories of her father] // *P. A. Stolypin v vospominaniyah docherej* – P. A. Stolypin in the memoirs of daughters / scient. ed. B. G. Fedorov. M. Gareeva; Agraf. 2003. Pp. 153–299.
5. Borisov N. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo puteshestvennika v epohu bezdorozh'ya* [The daily life of a Russian traveler in the off-road era]. M. Mol. guardia (Young guard). 2010. 440 p.
6. Vasilich G. *Imperator Aleksandr I i starec Feodor Kuz'mich: po vospominaniyam sovremennikov i dokumentam* [Emperor Alexander I and elder Feodor Kuzmich: according to the memoirs of contemporaries and documents. 4th ed.]. M. Obrazovanie (Education). 1911. 159 p.

7. Vasil'ev M. I. *Russkie sani : istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Russian sleigh : historical and ethnographic research]. Veliky Novgorod. NovSU n. a. Yaroslav the Wise. 2007. 364 p.
8. Vasil'ev M. I. *Factory formirovaniya oblika russkikh dorog v X – nachale XX v.* [The factors which were shaping the appearance of Russian roads in the 10th – early 20th century] // *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2013. No. 3. Pp. 125–135.
9. *Elabuga (razgrom uchilishcha) – Yelabuga (the defeat of the school)* // *Vyatskaya rech' – Vyatka speech*. 1914. No. 10. P. 3.
10. Zhukovskij V. A. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete works and letters]. M. Languages of Russian culture. 2004. Vol. 14. 768 p.
11. *Zamechatel'nejshie proisshestviya v Vyatskoj gubernii za pervuyu polovinu avgusta mesyaca 1857 goda* – Remarkable incidents in the Vyatka province for the first half of August 1857 // *Vyatskie gubernskie vedomosti – Vyatka guberniya news*. 1857. Dep. 2. Unofficial part. No. 35. Pp. 234–235.
12. *Zamechatel'nejshie proisshestviya v Vyatskoj gubernii za pervuyu polovinu iyulya mesyaca 1857 goda* – Remarkable incidents in the Vyatka province for the first half of July 1857 // *Vyatskie gubernskie vedomosti – Vyatka guberniya news*. 1857. Dep. 2. Unofficial part. No. 30. P. 200.
13. *Zamechatel'nejshie proisshestviya v Vyatskoj gubernii za pervuyu polovinu sentyabrya mesyaca 1857 goda* – Remarkable incidents in the Vyatka province for the first half of September 1857 // *Vyatskie gubernskie vedomosti – Vyatka guberniya news*. 1857. Dep. 2. Unofficial part. No. 39. P. 262.
14. *Zamechatel'nye proisshestviya v gubernii v dekabre 1863 goda* – Remarkable incidents in the province in December 1863 // *Vyatskie gubernskie vedomosti – Vyatka guberniya news*. 1864. Unofficial part. No. 3. Pp. 17–18.
15. Korolenko V. G. *Pis'ma iz tyurem i ssylok. 1879–1885* [Letters from prisons and exile. 1879–1885]. Gorky. OGIZ: Gorky publishing house. 1935. 209 p.
16. Korshunkov V. A. *Dorozhnaya tradiciya Rossii: pover'ya, obychai, obryady* [Road tradition in Russia: rites, customs, and popular beliefs]. M. Forum. 2015. 240 p.
17. Korshunkov V. A. *Neustupchivost': starinnyj obyčaj dorozhnyh konfliktov v Yaranskom uezde Vyatskoj gubernii* [Incompliance: the old custom of road conflicts in the Yaransky district of the Vyatka province] // *Slavyanskaya tradicionnaya kul'tura i sovremennyy mir : sb. mat. nauch.-praktich. konf. – Slavic traditional culture and the contemporary world : coll. of materials of scientific and practical conf. / comp. V. E. Dobrovolskaya*. M. State Rep. Center of Russian Folklore. 2002. Is. 4. Pp. 59–67.
18. Korshunkov V. A. *Put' skvoz' veka i zemli: dorozhnaya tradiciya Rossii* [Travel through time and space: the road tradition in Russia]. M. Redkaya Ptitsa (Rare Bird). 2020. 624 p.
19. Korshunkov V. A. *Svadebnyj poezd protiv carskogo vyezda* [Peasant wedding vs tsar's coach] // *Rodina – Motherland*. 2020. No. 9. Pp. 127–129.
20. Korshunkov V. A. *Car'-kolyaska* [The tsar's coach] // *Rodina – Motherland*. 2019. No. 12. Pp. 112–115.
21. Litvak B. G. *Nikolaj Ivanovich Kostomarov: ocherk zhizni i tvorchestva* [Nikolay Ivanovich Kostomarov: an essay on life and creativity] // *Kostomarov N. I. Ocherk domashnej zhizni i nraov velikorussskogo naroda v XVI i XVII stoletiyah* [An essay on the domestic life and morals of the Great Russian people in the 16th and 17th centuries]. M. Respublika (Republic). 1992. Pp. 5–106.
22. Matveev A. V. *Istoriya suhoputnyh putej soobshcheniya Omskogo Priirtysh'ya (srednevekov'e – novoe vremya)* [History of overland communication routes of the Omsk Irtysh region (Middle Ages – modern times)]. Omsk. Omsk State University n. a. F. M. Dostoevsky; Omsk Branch of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. 2014. 268 p.
23. Matveev A. V. *Tradicionnaya kul'tura puteshestviya naseleniya Srednego Priirtysh'ya: (XIX – pervaya tret' XX v.)* [The traditional culture of travel of the population of the Middle Irtysh region: (19th – the first third of the 20th century.)]. Omsk. Publishing House of OmSPU; Publishing house "Nauka" (Science). 2010. 230 p.
24. Murav'eva I. *"Schastlivyj domik": Vladislav Hodasevich, Anna Hodasevich i ih perepiska* ["Happy house": Vladislav Khodasevich, Anna Khodasevich and their correspondence] // *Zvezda – Star*. 2010. No. 11. Pp. 123–163.
25. *Napol'skih V. V. Udmurtskie materialy D. G. Messerschmidta: dnevnikovyje zapisi, dekabr' 1726* [Udmurt materials of D. G. Messerschmidt: diary entries, December 1726]. Izhevsk. Udmurtia. 2001. 224 p.
26. *Obzor proisshestvij po Vyatskoj gubernii v dekabre mesyace 1858 goda* – Review of incidents in the Vyatka province in the month of December 1858 // *Vyatskie gubernskie vedomosti – Vyatka guberniya news*. 1859. Dep. 2. Unofficial part. No. 5. P. 37.
27. Orlova-Savina P. I. *Avtobiografiya* [Autobiography]. M. Hud. lit. (Art. lit.) 1994. 415 p.
28. *Otzyv A. M. Unkovskogo o svoej ssylke v Vyatku* – A. M. Unkovsky's review of his exile to Vyatka // *Tr. Vyatskoj uchenoj arhivnoj komissii* – Proceedings of Vyatka Scientific Archival Commission. 1906. Is. 1–2. Ed. 3d. Pp. 89–90.
29. *Panaeva (Golovacheva) A. Ya. Vospominaniya* [Memoirs]. M. Pravda (Truth). 1986. 512 p.
30. *Prozorov A. A. Gorod Vyatka i ego obyvateli : memuary* [The city of Vyatka and its inhabitants: memoirs]. Kirov. Publishing house "Express". 2010. 152 p.
31. *Repin I. Dalekoe blizkoe* [Distant close]. 5th ed. M. Publishing House of the Academy of Arts of the USSR. 1960. 510 p.

32. *Sinegub S. Vospominaniya chajkovca* [Memoirs of the Tchaikovsky's fellow] // *Russkaya mysl'* – Russian thought. 1907. Year 28th. Book 9. Pp. 85–107; Book 10. Pp. 29–49; Book 11. Pp. 1–15 (2nd pagination).
33. *Slovar' russkih narodnyh govorov* – Dictionary of Russian folk dialects / chief ed. F. P. Sorokoletov. SPb. Nauka (Science). 1992. Is. 27. 400 p.
34. *Sostoyanie Vyatskoj gubernii v 1858 godu* – The condition of the Vyatka province in 1858 // *Pamyatnaya knizhka i kalendar' Vyatskoj gubernii na 1860 g.* – Notebook and calendar of the Vyatka province for 1860 / comp. V. Korovaev. Vyatka. Typ. of gubernia government. 1860. Pp. 169–358.
35. *Sychugov S. I. Zapiski bursaka* [Notes of bursak]. M.; L. Academia. 1933. 352 p.
36. *Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. Seriya 2: dnevniki* [Complete works. Ser. 2: diaries]. M. GIHL. 1953. Vol. 53. XXXVI + 560 p.
37. *Tyutcheva A. F. Vospominaniya (pri dvore dvuh imperatorov)* [Memoirs (at the court of two emperors)]. M. Zakharov. 2008. 591 p.
38. *Fet A. A. Pis'ma* [Letters] // *Fet A. A. Stihotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. M. Sov. Russia. 1988. Pp. 326–417.
39. Central State Archive of the Kirov region.
40. *Shchepanskaya T. B. Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii XIX–XX vv.* [Culture of the road in the Russian mythological tradition of the 19th – 20th centuries]. M. Indrik. 2003. 528 p.
41. *Randolph J. W.* The singing coachman or, the road and Russia's ethnographic invention in early modern times // *Journal of early modern history*. 2007. Vol. 11. № 1–2. Pp. 33–61.

Внутренняя политика императора Николая I и создание национально-государственной идеологии в 1820–1840-е гг.

И. А. Некрасов

кандидат философских наук, доцент, Московский государственный университет пищевых производств.
Россия, г. Москва. E-mail: igoristorik@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс создания национально-государственной идеологии в Российской империи в период правления Николая I. Именно в этот период русской истории российские власти со всей серьезностью осознали необходимость проведения внутренней политики на основе устойчивой и стабильной идеологии русского государства. Предшественники Николая I старались либо перечеркнуть весь прошлый внутривластный опыт, как Павел I, либо находились под влиянием республиканских идей, как Александр I. В 1820-е гг. Российская империя подошла в своем развитии к новым рубежам, которые ставили перед русским царем и его окружением задачу разрешения ряда внутренних вопросов с помощью создания собственной концепции национально-государственной идеологии. При Николае I появляются такие важные атрибуты государства, как гимн «Боже, Царя храни», развивается неорусский стиль в архитектуре, царь и его приближенные впервые осознают многонациональный характер российского общества. Николай I делает попытку соединения имперских идей самодержавия XVIII столетия с новыми реалиями середины XIX в. Вместе с тем в период правления Николая I происходит усиление административных очагов власти и укрепление бюрократических структур внутри государства, что, в свою очередь, отдаляло монарха от широких слоев российского общества. Российская империя в этот период смогла преодолеть такое тяжелое испытание, как война с кавказскими горцами, основной период которой приходится на время правления Николая I. Сложность создания национально-государственной идеологии объяснялась еще и тем, что Николай I, в отличие от своих предшественников, не рассматривал русское дворянство как главную опору трона, особенно после событий 1825 г.

Ключевые слова: Николай I, дворянство, Бенкендорф, многонациональное государство, русский национальный гимн, монархия, указ, самодержавие.

До революции работы о периоде царствования Николая I отличались сухой и сдержанной оценкой периода его правления и ряда его начинаний во внутренней политике. В. О. Ключевский определял царствование Николая I как «консервативный и бюрократический образ действия», а постоянной целью монарха было стремление «поддержать существующее помощью чиновников» [8, с. 433]. С. Ф. Платонов оценивал период правления Николая I менее категорично, но и он считал, что на завершающем этапе правления Николая I «система бюрократизма, отчуждавшая власть от общества, привела к господству именно канцелярского формализма» [12, с. 684]. Русский историк отказывал монарху и его правительству в ведении диалога с российским обществом по важнейшим вопросам внутренней жизни. В советский период оценка личности Николая I и его внутривластного курса была в целом отрицательной. В 1920-е гг. известный историк А. Е. Пресняков в работе «Николай I: Апогей самодержавия» оценивает деятельность русского царя как консерватора. Вместе с тем впервые говорит о том, что Николай I потерял доверие к значительной части русского дворянства [13]. Известный публицист Г. Чулков в своей книге «Императоры» оценивает длительное правление Николая I как время консерватизма и реакции, отказывая этому монарху в попытках решить ряд серьезных вопросов внутренней политики [22].

В работах М. В. Нечкиной и ряда других советских историков Николай I предстает как жестокий монарх, подавивший восстание декабристов, которые, по ленинской терминологии, начали дворянский период революционной борьбы с самодержавием. Практически во всех исследованиях и публикациях царь выступал как душитель политических свобод, сторонник жесткой цензуры и тому подобное. И лишь в конце XX – начале XXI столетия благодаря новым публикациям о декабристах (О. Киянская «Декабристы» [7] и др.), Бенкендорфе (Д. Олейников «Бенкендорф» [10] и др.) и книг о самом монархе (Л. Высокочков «Николай I», «Император Николай Первый» (под ред. М. Д. Филина) [2] и др.) отношение к этому периоду истории стало более объективным и взвешенным.

Вторая четверть XIX в., годы царствования Николая I, традиционно в исторической науке определяются как консервативная эпоха, усиление реакции самодержавия после подавления выступления декабристов 14 декабря 1825 г. Однако, по мнению автора, было бы неправильно определять более чем 29-летний период правления Николая I только как время реакции и распространения консервативно-охранительных тенденций во внутренней политике. Император Николай I во многом был первым русским правителем, который всерьез и основательно начал решать внутривластные вопросы и приступил к выработке национально-государственной идеологии Российской империи. Его предшественники на престоле Павел I и Александр I не стремились создать национально-государственную идеологию для такого сложного государства, как Российская империя, по ряду причин.

Павел I сравнительно недолго пробыл на престоле и старался придать своей внутренней политике черты, с одной стороны, требовательности, радикального отказа от того, что было создано при его предшественнице, а с другой – открытости и прямого царского правления (знаменитый деревянный ящик для писем от своих подданных).

Александр I в первые годы правления пытался вернуться «к временам своей бабки», но поражение под Аустерлицем и последующие проблемы заставили его серьезно поменять внутривластный курс. Реформаторские проекты М. М. Сперанского в 1808–1810 гг. натолкнулись на растерянность и неготовность Александра I всерьез заниматься реформами государственного управления. Крупный историк и политический мыслитель Н. М. Карамзин, выразивший свои взгляды на развитие России в «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» (1811), в категоричной форме отрицал существование единых гражданских прав в российском обществе, считая, что не следует в русском Уложении писать о гражданских правах, которых, по его мнению, исторически в России не было: «У нас только политические или особенные права разных государственных состояний; у нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и проч. – все они имеют свои особенные права, – общего нет, кроме названия русских» [6, с. 92]. Сословная обособленность, по Карамзину, отличает Россию от западного мира и лишний раз доказывает важность самодержавной формы правления, когда «государь есть живой закон», который хороших людей милует, злых наказывает [6, с. 102]. После окончания наполеоновских войн относительно глубокие изменения произошли только в западных землях Российского государства – Царстве Польском. В 1815 г. при посещении польского сейма Александр I даровал полякам конституцию, просуществовавшую до восстания 1831 г. После окончания наполеоновских войн, общаясь с английскими политиками, Александр I заявил, что понимает необходимость существования оппозиции внутри страны. Но это не привело к появлению официальной оппозиции в российском государстве [17]. Последние десять лет правления Александра I не привели к каким-либо глубоким изменениям во внутренней политике. В этот период растет внутренняя напряженность в российском обществе, особенно среди офицерского корпуса. Появляются такие организации, как «Союз спасения» (1816) и «Союз благоденствия» (1818), объединившиеся позже в Северное и Южное общества декабристов. Очевидно, что Александр I закрывал глаза на внутривластные вопросы и во многом перекладывал их решение на своих преемников. И все же отдельные структуры власти в 1810–1820-е гг. разрабатывали проекты преобразования Российской империи. Группа крупных государственных чиновников во главе с Н. Н. Новосильцевым разработала «Уставную грамоту Российской империи», которая должна была лечь в основу внутренних преобразований. Отдавая приоритет царской власти в решении главных вопросов («Государь занимает первенствующее положение как при руководстве внешней политикой, так и внутренней. Монарх объявляется и главой церкви»), создатели «Уставной грамоты» допускали развитие федералистских начал, деление на большие области, наместничества [9, с. 99]. Предлагалось создать орган власти, государственный сейм (государственная дума), состоящий из отдельных сеймов наместнических областей, которые созываются, распускаются по царским указам [9, с. 130]. Создаваемый Н. Н. Новосильцевым Российский парламент оказывался абсолютно безвластным перед императорской властью. Однако в документе не затрагивался вопрос об отмене крепостного права, не изменялся сословный строй российского государства и не подвергался коренной перестройке институт монархии.

Николай I, вошедший на престол при необычных и во многом трагических обстоятельствах (в результате подавления выступления декабристов), сосредоточился на решении внутривластных вопросов как на одной из главных задач своего царствования. Рассматривая внутреннюю политику Николая I как стремление создать национально-государственную идеологию, необходимо дать краткую характеристику взглядам русского царя.

Николай I считал монархическую форму правления в виде самодержавия единственно правильной для такого государства, как Российская империя. Посещение Николаем I в 1816 г. Англии и знакомство с системой английского парламента не породило у него желания заимствовать традиции европейского парламентаризма [17]. Уважая республику как форму правления, царь не допускал мысли о появлении в подчиненном ему государстве парламента с депутатскими фракциями, с которыми верховная власть в его лице должна периодически договариваться: «Я понимаю республику – это прямое и честное правление. <...> Я понимаю абсолютную монархию, потому что сам ее возглавляю. Но представительного образа правления я постигнуть не могу. Это – правительство лжи, обмана, подкупа. Я скорее отступил бы до самого Китая, чем согласился бы на подобный образ правления. <...> Подкупать голоса, подкупать совесть, завлекать одних, чтобы обманывать других, – я с презрением отверг все эти средства, столь же позорящие тех, кто подчиняется, сколь и того, кто повелевает» [5, с. 235–236]. Эти слова Николая I недвусмысленно характеризуют его отношение к парламентаризму и буржуазной демократии. Для русского царя верность православию, вопросы чести и моральные постулаты были гораздо важнее какой-либо материальной выгоды и стремления получать прибыль. Фраза царя, сказанная им английскому посланнику лорду Сеймуру в начале Крымской войны о том, что он готов носить траур по российскому флоту скорее, чем по российской чести [5, с. 299], многое объясняет во взглядах царя на внутривнутриполитические вопросы. Стоит ли говорить о том, что капиталистические отношения с их жадной наживы и погоней за прибылью не могли так свободно и широко распространяться в Российской империи, как в странах Запада в первой половине XIX столетия?

Являясь сторонником самодержавной власти в традиционном восприятии, Николай I осознавал, что после подавления восстания декабристов и раскола в общественном мнении России ему было необходимо показать, что власть в его лице является объединяющей силой такого разнородного государства, как Российская империя.

Николай I был русским самодержцем, который всерьез осознал необходимость такого важного атрибута государства, как гимн. Если при его предшественниках роль государственного гимна выполняли «Гром победы, раздавайся!» (1790–1810) и «Боже, храни короля!» (1816–1833), то в 1833 г. был создан государственный гимн Российской империи «Боже, Царя храни!» на музыку А. Львова и слова В. А. Жуковского. Гимн должен обязательно исполняться на военных парадах, на утренних и вечерних молитвах русской армии, при принятии присяги. Краткость гимна, состоящего из шести строк, делала его запоминающимся в сознании миллионов подданных Российской империи [5, с. 56].

Николай I первым из российских монархов осознает многонациональный состав своих подданных, то, что ему приходится управлять многонациональным государством. В беседе с французом А. де Кюстином Николай I отметил особенности России, заключающиеся в большом разнообразии народностей, религий и традиций, которые хранятся в глубине российского общества [2, с. 339]. Подтверждением тому служат события Кавказской войны, основной период которой выпадает на годы правления Николая I. Французский путешественник в своей книге отмечает, что русский царь в беседе с ним подчеркнул многонациональный состав русского офицерского корпуса, являвшегося одной из опор власти в стране [1]. Политика Николая I способствовала объединению людей разных национальностей и вероисповеданий. Это косвенно воздействовало на формирование национально-государственной идеологии Российской империи. Русские, прибалтийские немцы, немецкие дворяне, поступившие на русскую службу, представители горских народов, поддержавшие действия России на Кавказе, – таков был многонациональный состав русской армии, участвовавшей в боевых действиях. Мирное население Северного Кавказа пользовалось уже в это время теми же гражданскими правами, что и коренное население империи [20, с. 168].

Николай I изменил механизм управления Российской империей. Он создал шесть отделений императорской канцелярии. Вопросами контроля и надзора общественной жизни занималось III Отделение во главе с графом А. Х. Бенкендорфом, который с 1826 и до своей кончины в 1844 г. принимал самое активное участие в непросто диалоге власти с обществом и творческими людьми. Создание такой административной структуры, как III Отделение, было в значительной степени не субъективным желанием русского царя, вступившего на престол в сложных обстоятельствах, контролировать общественное мнение, а потребностью новой исторической эпохи.

Следует заметить, что и руководитель Южного общества декабрист П. И. Пестель в своих политических проектах собирался ввести в стране диктатуру на 10–15 лет, которая опира-

ется на свою тайную полицию под названием «Высшее благочиние». Пестель был убежден, что деятельность тайной полиции – явление не только возможное, но и соответствующее законодательству нового общества. Это является единственным средством опоры грядущего правопорядка [10, с. 267–268]. Исполнителями «Высшего благочиния» должны быть секретные агенты, которые собирают информацию относительно «правительства, народа и иностранцев». В варианте проекта Пестеля 1823 г. «Для составления внутренней стражи» необходимо 112 900 жандармов.

Инструкция по наблюдению за населением в начале царствования Николая I была конфиденциальной, но впоследствии стала известной. Ф. В. Булгарин писал, что этот документ был широко известен и служил лишним доказательством любви Николая I к порядку и процветанию России. Простые люди, небогатое дворянство (каковых было большинство), купцы и законопослушные чиновники положительно воспринимали пристальное внимание царя над исполнением обязанностей [9, с. 269]. В конце 1830-х гг. скрытный и в чем-то даже секретный характер работы императорской канцелярии повлиял на настроение в российском обществе, где стали появляться объединения и кружки представителей общественной мысли [4].

Вместе с тем и император, и шеф III Отделения были консерваторами по своим взглядам и совершенно не стремились развивать в стране традиции западной демократии. По словам жандарма А. М. Ломачевского, опубликовавшего свои «Записки жандарма» три десятилетия спустя, в России создавалась «искусственная гласность при полном отсутствии гласности естественной». «Искусственная гласность» – стратегическое направление внутренней политики Николая I, предусматривавшей не глубокие внутренние реформы, а сохранение существующего государственного строя [10, с. 270].

По справедливому замечанию современного историка Я. А. Гордина, оценивающего деятельность шефа III Отделения как продолжателя дела Петра I, Бенкендорф пошел по пути усложнения органов контроля: «фискалы, оберфискалы, гвардейские сержанты в роли личных эмиссаров, контролирующие фискалов» – и поддержал Николая в инициативе создания новых бюрократических структур, которые подавляли своей тяжеловесностью любую оппозицию [3, с. 231]. А. Х. Бенкендорф очень хорошо понимал, какое влияние оказывала на сознание образованных людей России литература посредством издаваемых журналов, поэтому контроль за их содержанием и «сердечное вразумление редакторов» стали содержанием политики царя и шефа III Отделения. «Северная пчела» Ф. В. Булгарина как раз являлась тем самым журналом, который активно сотрудничал с властью и хорошо понимал, что хотят услышать представители власти от прессы по какому-либо вопросу. О своем желании сотрудничать с властью заявлял и А. С. Пушкин в письме к А. Х. Бенкендорфу: «С радостью взялся бы я за редакцию политического и литературного журнала. <...> Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению» [14, с. 256]. Подобные предложения в начале 1830-х гг. поступали и от В. А. Жуковского и П. А. Вяземского. А. С. Пушкина сложно назвать проводником и активным сторонником внутривластного курса Николая I и других власти предрекающих в России того времени, но он все-таки смог встать во главе журнала «Современник» в 1836 г. А в 1840-е гг. при посредничестве двух офицеров III Отделения А. А. Краевский издает «Отечественные записки», по сути наиболее демократический журнал в Российской империи. В 1839–1843 гг. В. А. Владиславов, адъютант начальника штаба корпуса жандармов, издает альманах «Утренняя заря», который В. Г. Белинский оценил как перспективное издание, у которого нет конкурентов [10, с. 312]. В издании альманаха участвовали П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, В. Ф. Одоевский, В. И. Даль и другие яркие представители русской литературы того периода.

Сложность внутривластной ситуации в России в 1830-е гг. и непохожесть на предыдущие периоды истории характеризовалась потребностью в философском осмыслении исторического пути России и ее будущего развития. В этот период появляется знаменитая работа П. Чаадаева «Философические письма», в которой он с радикальных позиций критикует историческое прошлое России и отказывает стране в какой-либо перспективе развития. Но уже с середины 1830-х гг. Чаадаев считает, что государственным строем России может быть только монархия [21].

С вопросом создания национально-государственной идеологии тесно связан поиск новых художественных стилей и направлений в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве в 1830–1840-е гг. Кризис прежнего стиля архитектуры – классицизма – был давно назрев-

шим явлением в русской и мировой архитектуре. Принятый ранее проект шведского архитектора Витберга в стиле классицизм для храма Христа Спасителя в Москве меняется на проект К. Тона в русско-византийском стиле [16]. Именно в этом стиле любимый архитектор Николая I Константин Тон строит другие свои крупнейшие сооружения – Большой Кремлевский дворец, Оружейную палату в Кремле и ряд сооружений в других городах Российской империи.

Заметную роль в создании национально-государственной идеологии во времена правления Николая I сыграл граф С. С. Уваров, ставший с 1817 г. во главе императорской Академии наук, а с 1833 – во главе Министерства народного просвещения. В сложной атмосфере первых лет царствования Николая I Уваров, несмотря на свой консерватизм, становится инициатором замены «Чугунного устава» о цензуре (1826) на новый, более либеральный, принятый в 1828 г. и действовавший до 12 мая 1862 г. Однако так же, как и царь, недоверчиво относился к славянофилам, критиковавшим преобразования Петра I, считая, что восхваления допетровской Руси сравнительно с последующим историческим периодом стали интерпретироваться за подозрительные намерения изменить существующий порядок вещей [23, с. 198]. Лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» как политический противовес лозунгу Великой французской революции «Свобода, равенство, братство или смерть» был выдвинут московским историком Н. П. Погодиным и активно использовался графом С. С. Уваровым, что свидетельствует о поддержке политики царя частью русской интеллигенции того времени [24, с. 243–245]. Можно сказать, что Православие, Самодержавие, Народность являлись духовно-нравственной основой для выработки национально-государственной идеологии, своего рода почвой, на которой должно вырасти дерево внутривнутриполитического курса Российской империи [11]. Современный исследователь С. В. Удалов справедливо замечает, что в 1840-е гг. в лагерь сторонников официальной политики постепенно переходит В. Г. Белинский, В. Ф. Одоевский, Н. И. Надеждин и ряд других прежде настроенных критически журналистов. Концепция «Православие. Самодержавие. Народность» должна была сдерживать рост национального самосознания и националистических настроений на окраинах Российской империи (Кирилло-Мефодиевское братство на Украине, протурецкие настроения части горцев Северного Кавказа) [19, с. 17]. Политика, основанная на концепции «Православие. Самодержавие. Народность», далеко не всегда могла проводиться на окраинах огромного государства. Появление в 1846–1847 гг. Кирилло-Мефодиевского братства свидетельствовало о росте национального самосознания образованных людей на Украине, но власти не были готовы проводить диалог с представителями местной интеллигенции, и эта организация была запрещена [15]. Главной созидательной и цементирующей силой русского государства и российского общества становилось правительство и бюрократический аппарат управления страной. В этих условиях подвергались суровой критике исторические произведения, в которых русский народ рассматривался как основная движущая сила созидания и существования русского государства. Так, было подвергнуто критике исследование Н. Полевого «История русского народа», где автор занимал позицию, противоположную Н. М. Карамзину. Русский поэт и дипломат Ф. Тютчев рассматривал всю политику Николая I как основанную на праве и исторической законности, что отличало царя от предшествующих монархов. Тютчев считал, что, реформируя российское законодательство, Николай I предотвращает распространение революционных настроений и революционной идеологии внутри страны [18].

В завершении можно сделать следующий вывод. Взойдя на престол в обстановке государственного переворота, Николай I начал уделять вопросам внутренней политики и созданию национально-государственной идеологии пристальное внимание. Император стремился всеми средствами сохранить существовавший институт самодержавной власти и феодально-бюрократическую систему управления страной. В усилении бюрократических механизмов и соответствующих им методов управления царь и его окружение видели себя продолжателями дела Петра Великого. Правда, Николай I все же не отличало настойчивое желание к постоянному и каждодневному реформаторству, как его великого предшественника. Общая хозяйственная отсталость Российской империи, убыточность системы крепостного права, тотальный контроль за общественной жизнью, образованием, культурными процессами не позволили создать такую модель национально-государственной идеологии, которая работала бы на перспективу и формировала новые творческие подходы к решению внутренних проблем Российской империи. К сожалению, формы и методы проведения внутренней политики и настойчивое желание сохранить старую – традиционную для страны социально-экономическую систему – не выдержали испытания Крымской войной.

Список литературы

1. А. де Кюстин Россия в 1839 году : в 2-х т. Т. 1. М. : Изд-во Сабашникова, 1996. 528 с.
2. Высокочков Л. Николай I. М. : Молодая гвардия, 2003. 693 с.
3. Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. Лениздат, 1989. 400 с.
4. Золотусский И. П. Гоголь. М. : Молодая гвардия, 1998. 485 с.
5. Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово Русского Царя. М. : Русский Миръ, 2002. 752 с.
6. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М. : Наука, 1991. 127 с.
7. Киянская О. И. Декабристы. М. : Молодая гвардия, 2015. 383 с.
8. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций : в 3-х кн. Кн. 3. М. : Мысль, 1995. 558 с.
9. Минаева Н. В. Потаенные конституции России. М. : Посев, 2010. 240 с.
10. Олейников Д. Бенкендорф. М. : Молодая гвардия, 2009. 393 с.
11. Павленко Н. И. Михаил Погодин. М. : Памятники исторической мысли, 2003. 359 с.
12. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М. : Высшая школа, 1993. 736 с.
13. Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I / А. Е. Пресняков. Ленинград : Брокгауз-Ефрон, 1925. 99 с.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 20 т. Т. 14. Наука: АН СССР, 1941. 548 с.
15. Симонова И. А. К вопросу о взаимосвязи славянофильства с идеологией Кирилло-Мефодиевского общества. Ф. В. Чижов и кирилло-мефодиевцы // Советское славяноведение. 1988. № 1. С. 42-54.
16. Славина Т. А. Константин Тон. Л. : Стройиздат, 1989. 224 с.
17. Тьrkова-Вильямс А. В. Жизнь Пушкина : в 2-х т. Т. 2: 1824-1837. М. : Молодая гвардия, 2007. 514 с.
18. Тютчев Ф. И. Россия и Запад. М. : Культурная революция; Республика, 2007. 574 с.
19. Удалов С. В. Государственная идеология в России второй четверти XIX века: пропаганда и реализация : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. 34 с.
20. Филлин М. Д. Люди Императорской России. М : НПК «Интелвак», 2000. 496 с.
21. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М. : Современник, 1989. 623 с.
22. Чулков Г. И. Императоры. Психологические портреты. М. : Художественная литература, 1993. 384 с.
23. Шевченко М. М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М. : Три квадрата, 2003. 256 с.
24. Шпем Г. Г. Сочинения. М. : Правда, 1989. 602 с.

The internal policy of Emperor Nicholas I and the creation of a national-state ideology in the 1820s-1840s

I. A. Nekrasov

PhD in Philosophical Sciences, associate professor, Moscow State University of Food Production.
Russia, Moscow. E-mail: igoristorik@yandex.ru

Abstract. The article examines the process of creating a national-state ideology in the Russian Empire during the reign of Nicholas I. Exactly in this period Russian authorities realized with all seriousness the need to conduct domestic policy on the basis of a stable and stable ideology of the Russian state during this period of Russian history. The predecessors of Nicholas I tried either to erase all past domestic political experience, like Paul I, or were influenced by republican ideas, like Alexander I. In the 1820s. The Russian Empire approached new frontiers in its development, which set the task of resolving a number of internal issues for the Russian tsar and his entourage by creating its own concept of national-state ideology. Under Nicholas I, such important attributes of the state as the anthem "God save the Tsar" appeared, the neo-Russian style in architecture developed, the tsar and his entourage realized for the first time the multinational nature of Russian society. Nicholas I makes an attempt to combine the imperial ideas of the autocracy of the XVIII century with the new realities of the mid - XIX century. At the same time, during the reign of Nicholas I, there was a strengthening of administrative centers of power and strengthening of bureaucratic structures within the state, which, in turn, distanced the monarch from the broad strata of Russian society. During this period, the Russian Empire was able to overcome such a difficult test as the war with the Caucasian highlanders, the main period of which falls during the reign of Nicholas I. The difficulty of creating a national-state ideology was also explained by the fact that Nicholas I, unlike his predecessors, did not consider the Russian nobility as the main pillar of the throne, especially after the events of 1825.

Keywords: Nicholas I, nobility, Benkendorf, multinational state, Russian national anthem, monarchy, decree, autocracy

References

1. A. de Custine *Rossiya v 1839 godu : v 2-h t. T. 1* [Russia in 1839: in 2 vols. Vol. 1]. M. Sabashnikov Publishing House. 1996. 528 p.
2. Vyskochkov L. *Nikolaj I* [Nikolay I]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 2003. 693 p.
3. Gordin Ya. A. *Myatezh reformatorov* [Revolt of reformers]. Lenizdat. 1989. 400 p.
4. Zolotusskij I. P. *Gogol'* [Gogol]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 1998. 485 p.
5. *Imperator Nikolaj Pervyj. Nikolaevskaya epoha. Slovo Russkogo Carya* – Emperor Nicholas the First. The Nicholas era. Russian Tsar's Word. M. Russkiy Mir (Russian world). 2002. 752 p.
6. Karamzin N. M. *Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenii* [A note on ancient and new Russia in its political and civil relations]. M. Nauka (Science). 1991. 127 p.
7. Kiyanskaya O. I. *Dekabristy* [Decembrists]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 2015. 383 p.
8. Klyuchevskij V. O. *Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij : v 3-h kn. Kn. 3* [Russian history. Full course of lectures : in 3 books. Book 3]. M. Mysl (Thought). 1995. 558 p.
9. Minaeva N. V. *Potaennye konstitucii Rossii* [The hidden constitutions of Russia]. M. Sowing. 2010. 240 p.
10. Olejnikov D. *Benkendorf* [Benkendorf]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 2009. 393 p.
11. Pavlenko N. I. *Mihail Pogodin* [Mikhail Pogodin]. M. Monuments of historical thought. 2003. 359 p.
12. Platonov S. F. *Lekcii po russkoj istorii* [Lectures on Russian history]. M. Vyshsya shkola (Higher School). 1993. 736 p.
13. Presnyakov A. E. *Apogej samodержaviya. Nikolaj I* [The apogee of autocracy. Nicholas I] / A. E. Presnyakov. L. Brockhaus-Efron. 1925. 99 p.
14. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij : v 20 t. T. 14* [Complete works : in 20 vols. Vol. 14]. Nauka (Science): Academy of Sciences of the USSR. 1941. 548 p.
15. Simonova I. A. *K voprosu o vzaimosvyazi slavyanofil'stva s ideologiej Kirillo-Mefodievskogo obshchestva. F. V. Chizhov i kirillo-mefodievcy* [On the question of the relationship of Slavophilism with the ideology of the Cyril-Methodius Society. F. V. Chizhov and Cyril-Methodians] // *Sovetskoe slavyanovedenie* – Soviet Slavic Studies. 1988. No. 1. Pp. 42–54.
16. Slavina T. A. *Konstantin Ton* [Konstantin Ton]. L. Stroyizdat. 1989. 224 p.
17. Tyrkova-Williams A. V. *Zhizn' Pushkina : v 2-h t. T. 2: 1824–1837* [Pushkin's life: in 2 vols. Vol. 2: 1824–1837]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 2007. 514 p.
18. Tyutchev F. I. *Rossiya i Zapad* [Russia and the West]. M. Cultural Revolution; Republic. 2007. 574 p.
19. Udalov S. V. *Gosudarstvennaya ideologiya v Rossii vtoroj chetverti XIX veka: propaganda i realizaciya : dis. ... kand. ist. nauk* [State ideology in Russia of the second quarter of the XIX century: propaganda and implementation : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Saratov. 2005. 34 p.
20. Filin M. D. *Lyudi Imperatorskoj Rossii* [People of Imperial Russia]. M. NPK "Intelvak". 2000. 496 p.
21. Chaadaev P. Ya. *Stat'i i pis'ma* [Articles and letters]. M. Sovremennik (Contemporary). 1989. 623 p.
22. Chulkov G. I. *Imperatory. Psihologicheskie portrety* [Emperors. Psychological portraits]. M. Hudozhestvennaya literatura (Fiction). 1993. 384 p.
23. Shevchenko M. M. *Konec odnogo Velichiya: Vlast', obrazovanie i pechatnoe slovo v Imperatorskoj Rossii na poroge Osvoboditel'nyh reform* [The End of one Greatness: Power, education and the printed word in Imperial Russia on the threshold of Liberation reforms]. M. Tri kvadrata (Three Squares). 2003. 256 p.
24. Shpet G. G. *Sochineniya* [Essays]. M. Pravda (Truth). 1989. 602 p.

УДК 947(470)

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.064

«Славянофилы» до славянофилов: спор о свойствах русского этноса и характере национального искусства на страницах журнала «Зритель»

И. М. Лебедев

преподаватель истории и древних языков, Православная гимназия имени Серафима Саровского.
Россия, г. Дзержинск. E-mail: leb1000.mm@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается ряд публикаций П. А. Плавильщикова, появившихся на страницах журнала И. А. Крылова «Зритель» в 1792 г. «Зритель» выходил всего лишь год, но в этот короткий промежуток времени в нескольких номерах издания мы встречаемся с одной из первых в истории отечественной журналистики публицистических полемик. В этой полемике были подняты вопросы, которые впоследствии станут ключевыми в споре славянофилов и западников. Выдающийся русский историк В. О. Ключевский называет авторов журнала люборуссами и считает их предшественниками славянофильства. В статье анализируются взгляды и идеи Плавильщикова. Делается вывод о том, что в своих статьях автор «Зрителя» по многим вопросам превосходил взгляды славянофилов, а вызванная его работами журнальная полемика стала первым в истории отечественной печати эпизодом столкновения западников и сторонников национальной самобытности России. Вместе с тем показывается, что в полном смысле слова Плавильщикова и его сторонников славянофилами назвать нельзя. Выделяется ряд критериев и тем, которые показывают отличие классического славянофильства от идей люборуссов. В частности, показывается, что авторы «Зрителя» не имели той научной и философской базы, которая была у представителей «московского кружка». Кроме того, во многих местах П. А. Плавильщиков выступает жарким поборником петровских реформ, восхваляет царя-преобразователя, тогда как для славянофилов, как старших, так и младших, фигура Петра I, оставаясь знаковой для русской истории, имела негативное значение.

Ключевые слова: «Зритель», славянофилы, западники, П. А. Плавильщиков, И. А. Крылов.

Журнальная полемика между славянофилами и западниками начинается в середине XIX в. Но как у славянофилов, так и у западников были свои предтечи, мыслители, публицисты и даже целые периодические издания, развивавшие соответствующие идеи. Иногда на страницах зарождающейся российской печати можно было встретиться с полемикой между представителями этих противоборствующих мировоззрений. Литературные предшественники славянофилов известны. Это и журнал «Русский Вестник», ставший в начале XIX в. рупором консервативной мысли в России [15]; и знаменитый консерватор А. С. Шишков, высказывавший в полемике с карамзинистами многие «предславянофильские» взгляды [1]; и современник старших славянофилов С. П. Шевырев, который уже в 1830-х гг. столкнулся на журнальном поприще с будущим лидером западников В. Г. Белинским [16; 20; 23].

Менее известен первый в истории отечественной журналистики эпизод публицистической полемики между западниками и ревнителями отечественной старины. Она разыгралась в конце XVIII в. на страницах петербургского журнала «Зритель», выпускавшегося И. А. Крыловым.

В отечественной историографии этому эпизоду из истории российской печати внимания уделяется немного. У В. О. Ключевского, например, мы встречаем упоминание о люборуссах (так он называет Крылова и близких к нему авторов), но занимает оно менее страницы [14, с. 413]. В многочисленных учебных пособиях и научных изданиях по истории отечественной журналистики о журнале «Зритель» и его направлении упоминается обычно мимоходом. А знаменитый историк славянофильства А. Валицкий, в своем главном труде уделявший большое внимание предшественникам славянофилов, вообще обходит вниманием этот вопрос [2].

Нам представляется, что этот эпизод из истории российской печати является важным на сегодняшний день, поскольку на страницах «Зрителя» в конце XVIII в. мы впервые встречаемся со спором, ставшим основным для общественной мысли России, спором и по сей день актуальным.

Целью нашей статьи является выявление сходств и различий между идеологией славянофильства и взглядами издателей «Зрителя». Для этого используются компаративный и системно-структурный методы исследования.

Журнал «Зритель» выходил в Санкт-Петербурге с февраля по декабрь 1792 г. Создателем и идейным вдохновителем издания был молодой Иван Андреевич Крылов, тогда еще начинающий литератор и издатель. Кроме Крылова в издании журнала принимали участие А. И. Клушин, П. А. Плавильщиков, И. А. Дмитриевский и другие авторы. В журнале публиковались оригинальные и переводные произведения, проза и поэтические тексты, размышления и полемические статьи. Одной из отличительных черт журнала был сатирический настрой. Авторы высмеивали нравы современного им общества, следование западной моде, расточительность и прочие пороки высшего света.

Одним из самых активных авторов «Зрителя» был П. А. Плавильщиков – известный театральный деятель конца XVIII столетия. Плавильщиков являлся одной из наиболее ярких фигур театральной и литературной жизни петербургского общества. Актер, режиссер и знаменитый драматург, который «своим творчеством предвосхитил А. Островского» [18, с. 189]. Его можно назвать одним из предтеч славянофильства. В своих статьях, появлявшихся на страницах журнала «Зритель», он защищал национальную самобытность русского народа, рассуждал о характере великороссов и утверждал необходимость национального искусства. В частности, национального театра, теоретиком которого он являлся. Плавильщиков «ратует за русскую народность» и, не отрицая значения западной культуры, «убеждает... не класть в основу русской образованности чужие начала» [21, с. 789].

Плавильщиков, Крылов и их соратники не были первыми идеологами антизападнического направления. В своих рассуждениях о России и Европе они, наоборот, шли в ногу со временем. Уже в годы правления Елизаветы Петровны (1741–1761) наблюдается рост национального самосознания, выразившийся в интересе к истории России и спорах по поводу некоторых ее аспектов. Самым известным из них был спор Ломоносова и Миллера [19]. В екатерининскую эпоху эта тенденция достигает еще большего размаха. Национальная идеология начинает разрабатываться самой правительницей и ее ближайшими сподвижниками. И здесь, в этом поиске места России в мировой истории, взгляды теоретиков обращаются не на Запад, а на Восток (в Византию) или к отечественной старине [5]. Важность Плавильщикова заключается не в новаторстве мысли, а в том, что на страницах «Зрителя» полемика между западниками и ревнителями отеческой старины возникла в периодической печати.

Исследование этой темы остается очень актуальным вопросом. Оппозиция «Россия – Запад» является одним из основных концептов отечественной историософии. На протяжении нескольких столетий Европа была для русских интеллектуалов «другим», точкой, относительно которой определялось место России в мировой истории, ее роль и значение [17, с. 11]. Сегодня эта проблема стоит не менее остро, чем во времена Крылова и Плавильщикова. Отношения с европейскими странами для России всегда складывались непросто. Они обязательно включали элементы напряженности и «разрядки». Западное влияние в различные периоды истории воспринималось позитивно или отрицательно. Вопросы взаимоотношения с Европой, поиск форм взаимного сосуществования и сотрудничества, а главное – допустимые пределы западного влияния (культурного, технического, экономического) на жизнь российского общества – те вопросы, которые остаются актуальными до сих пор. В условиях роста международной напряженности и новых вызовов, связанных с политическими и социальными конфликтами в Центральной и Восточной Европе, эти вечные для нашей страны вопросы о характере взаимоотношений с Западом встают с новой силой. Разрешение их возможно только при обращении к прошлому, опыту предыдущих поколений, наследию отечественных мыслителей, занимавшихся данным вопросом на протяжении нескольких веков.

Изучение полемики, развернувшейся на страницах журнала «Зритель», важно потому, что это в целом одно из первых публичных столкновений такого рода. Кроме того, это определенно первая такая дискуссия, имевшая место в СМИ, первая «журнальная» полемика между западниками и национальной партией.

Уже в дебютном номере журнала «Зритель» появляется первая «славянофильская» статья Плавильщикова «Нечто о врожденном характере душ российских» [6, с. 9–26]. В этой статье знаменитый актер и драматург выступил со своей концепцией русской народности и ее особых, отличительных черт. Статью Плавильщикова можно разделить на три части:

– первая часть – доказательство самобытности русского характера, опровержение мнений об исключительной подражательности русского человека;

– вторая часть – мысли о вреде европейского просвещения для российского общества (в частности, о вреде иностранных воспитателей);

– третья часть – выделение специфических свойств русского характера.

Как отмечает В. О. Ключевский [14, с. 413], эта статья явилась ответом на разговоры в обществе о национальном характере и о характере великороссов в частности. Поэтому свою статью Плавильщиков начинает без предисловий, как будто продолжая когда-то уже начатый спор. «Если бы российский народ отличался от всех племен земнородных единым только подражанием и никакой другой способности не имел, то чем бы он мог удивить вселенную, которая смотрит на него завистными глазами?» [6, с. 9–10]. В доказательство тезиса о самобытности русского народа автор многократно апеллирует к факту внешнеполитического могущества России. «Пусть докажут мне, кому подражают россияне, когда ополчаются на врагов Государя и, следовательно, Отечества? Кто устоял перед мужеством россиян? Перед ними все бежало; едина слава на следах у них» [6, с. 11].

В коротком и импульсивном начале статьи автор отмечает такие качества россиян, как мужество, милосердие, прощение и способность к грандиозным преобразованиям. Последнее качество проявляется на примере деятельности Петра Великого [6, с. 11].

После короткого вступления Плавильщиков переходит к критике современного ему западничества. В первую очередь автор обрушивается с критикой на воспитание в европейском духе. В частности, на распространенную практику приглашения воспитателей из-за рубежа [6, с. 13]. Плавильщиков утверждает, что иностранный воспитатель либо человек недостойной жизни, вынужденный покинуть Родину, либо стяжатель, оставивший Отечество ради наживы. И тот и другой случай неприемлемы, когда речь идет о воспитании будущих граждан. Кроме того, иностранный воспитатель возрастит в своих подопечных скорее любовь к Западу, чем к России [6, с. 13]. Повсеместно распространившаяся практика приглашения иностранных учителей привела, согласно Плавильщикову, к пренебрежению всем российским, родным, отечественным. Это касается и законов, и обычаев, и самого национального языка.

В третьей части автор переходит к выделению специфических для русского характера свойств. Это делается бездоказательно, эмоционально и субъективно. Плавильщиков находит, что русским людям свойственна скромность. Доказывается это следующим образом. Россияне совершали великие дела, но о многих из этих дел вселенского масштаба неизвестно или плохо известно. А это оттого, что «россияне скромничают от того, что превозноситься собою не любят» [6, с. 16]. Другими добродетелями россиян являются гостеприимство и радушие [6, с. 23]. В конце статьи Плавильщиков возвращается к вопросу просвещения, утверждая, что такие замечательные свойства души не могли без него появиться. А, значит, просвещение в России было, в доказательство чего приводятся в пример различные литературные памятники русской старины [6, с. 24–25].

Статья Плавильщикова похожа на восторженную речь, посвященную победам русского оружия. Она пламенна, красноречива, патриотична, но сбивчива и ненаучна. Наличие у великороссов храбрости, скромности, гостеприимства и прочих добродетелей утверждается голословно, без опоры на исторические факты. Хотя Плавильщиков предвосхитил некоторые взгляды славянофилов, уровень критичности, глубины суждений в его статьях намного ниже, чем у авторов XIX в. Однако нельзя не отметить некоторые важные вопросы, которые поднимал Плавильщиков и в которых он стал предтечей славянофилов. В частности, это вопрос о связи народного характера и особенностей национального просвещения. Эта тема станет в XIX в. одним из основных мотивов в философии И. В. Киреевского – основателя и крупнейшего (наряду с Хомяковым) представителя славянофильства. А позднее приведет даже к полемике между Киреевским и Хомяковым. Хотя правильнее, наверное, называть это не полемикой, а обменом мнениями. В ответ на публикацию Киреевского 1852 г. [13], помещенную в «Московском сборнике», Хомяков пишет статью [22], в которой соглашается с основными выводами своего друга и единомышленника, но в некоторых пунктах критикует его [3].

В апрельском номере «Зрителя» появилось продолжение февральской статьи Плавильщикова [5, с. 163–181]. Если в первой публикации автор посвятил значительную часть своего труда критике европейского просвещения, то продолжение статьи почти полностью посвящено исследованию «природных свойств россиян». Плавильщиков находит, что россиянам свойственна стыдливость [5, с. 164], мягкосердие и праводушие (то есть умение держать слово и быть честным) [5, с. 164–166], неустрашимость [5, с. 177–178], бодрость и веселость [5, с. 178–179], благочестие и веротерпимость [5, с. 179–180]. Последнее качество объясняется

тем, что Россия никогда не знала такого явления, как инквизиция. Русский человек тверд в вере, но снисходительно относится к ошибкам других людей и никому не пытается насильственно навязать веру. Отсылка к феномену инквизиции – единственный случай, когда Плавильщиков пытается подтвердить свою мысль фактами и привести веские исторические аргументы. В остальных случаях он обходится голословными утверждениями и риторикой.

Среди позитивных качеств русского человека, которые, однако, зачастую приводят к негативным последствиям, Плавильщиков называет доверчивость. Русский человек не подозрителен. «Вот главная слабость россиянина!» [5, с. 166]. Именно этим качеством пользуются иностранцы. Доверчивые россияне верят западной рекламе и считают французов и итальянцев сведущими во всем лучше их. Из-за этого и наводнили Россию иностранные учителя, развращающие нравы воспитанников. Здесь Плавильщиков возвращается к одной из главных тем своих статей – к критике «модного воспитания». Но если в февральском номере «Зрителя» этому вопросу Плавильщиков отводит значительную часть своей публикации, то в апрельском продолжении статьи он лишь мимоходом касается этой проблемы [5, с. 177, 181].

Главным выводом статьи «О врожденном свойстве россиян» является мысль о том, что русские, в отличие от представителей других наций, способны ко всем наукам и искусствам. «Русский все удобен понимать» [5, с. 175], тогда как представители других европейских наций сильны в чем-то одном. Хотя Плавильщиков и не отрицает слабостей и пороков у представителей русского общества, но они, во-первых, являются случаями редкими и единичными, а во-вторых, «они при блистании сих великих добродетелей не весьма приметны» [5, с. 181].

Важной чертой апрельского продолжения статьи является поднимаемый в ней (правда, лишь мимоходом) вопрос о заимствовании европейских наук и искусств. «Я, не отрицая, чтоб не нужно было занять чего у иностранцев, – пишет автор «Зрителя», – но как и что занимать? В том вся важность» [5, с. 168]. Внимание к этому вопросу сближает Плавильщикова со славянофилами.

Кроме двух статей, посвященных нравам россиян, на страницах «Зрителя» в 1792 г. появились статьи Плавильщикова о театре. Всего их было опубликовано пять, по одной в июньском, августовском, сентябрьском, октябрьском и декабрьском номерах [7–11]. Предметом для размышления стал в этих работах зарождающийся национальный театр. И хотя эти публикации были посвящены вопросам искусства, а не национальности, «прото-славянофильских» идей в этих заметках Плавильщикова тоже было много. В частности, в них поднимаются излюбленные для Плавильщикова темы превосходства всего русского над всем европейским и вреде западного просвещения. Показательным является начало второй статьи, опубликованной в августовском номере «Зрителя». «Нельзя не чувствовать нам, россиянам, превосходства своего языка, когда все то, что человеческое сознание представить себе может, мы ясно воображаем; самотончайшие тени мысли имеют у нас особливые и свойственные названия... И так еще повторяю мое недоумение, от чего преимуществует в модном кругу французский язык перед своим? Неужели постыдное незнание своего языка, внедренное модным воспитанием, есть истинная причина отвращению даже и от свойств природных?» [7, с. 251–252].

В ответ на публикации Плавильщикова в сентябрьском номере «Зрителя» появилось письмо неизвестного из Орла [10, с. 4–23]. Житель Орла, подписавший свое письмо N. N., критикует Плавильщикова по нескольким направлениям. Во-первых, в вопросе национального театра. Оппонент Плавильщикова в пику заявлениям о необходимости национального театра говорит, что «мы не имеем ни сочинителей трагических, ни актеров» [10, с. 8]. То есть N. N. не против русской драматургии, отечественных спектаклей на отечественные сюжеты, но коль скоро не находит их на современной ему российской сцене, оставляет за собой право восхищаться Расином и другими французскими авторами.

Неизвестный из Орла спорит с Плавильщиковым об исключительности эстетических и языковых способностей россиян. «Все народы, все языки имеют собственный вкус в красноречии [10, с. 10], – пишет орловский критик. – И если русский язык и богат от природы содержанием, то «беден в отделке» [10, с. 16].

N. N. не отрицает красоты русского слова, русской музыки и других искусств, но указывает на то, что все величие русского языка и литературы началось только с Ломоносова. Таким образом, к моменту написания статьи, всего несколько десятилетий назад. И пока кроме Ломоносова ничего великого русская словесность не дала. Поэтому называть великою словесность, которая родила пока что только одного большого автора, рано. Русская культура и

искусство находятся на стадии зарождения, «все это похоже на неоконченное изваяние, которого нельзя сравнить с *Венерою Медицис*» [10, с. 21].

В этом же сентябрьском номере «Зрителя» появляется «Ответ на критику», которой подвергал Плавильщикова Н. Н. из Орла [10, с. 40–65]. В ней Плавильщиков не приводит, по сути, контраргументов против Н. Н. (как и последний против Плавильщикова), а весь ответ сводит к риторике и повторению собственных мыслей. Он соглашается с Н. Н., что французские пьесы лучше отечественных [10, с. 44], однако это не должно быть причиной того, чтобы не использовать в театре сюжеты из российской истории. Главная функция театра воспитательная, но ребенка лучше воспитывать примером собственного отца, а не чужого. Так же и зритель будет лучше воспринимать нравственные примеры из прошлого своей Родины, а не из поэм Гомера и Вергилия [10, с. 45]. Да и достойные сочинители, по мнению Плавильщикова, в России уже появились. «Сумароков, Княжнин, Херасков, Николаев, Майков суть доказательством, что они у нас есть» [10, с. 47]. Далее Плавильщиков так же субъективно, не опираясь ни на какие факты или основания, кроме собственного красноречия, опровергает основные положения Неизвестного из Орла. Плавильщиков указывает, что русская музыка лучше итальянской (по меньшей мере – не хуже), кроме Ломоносова в XVIII в. в России были достойные сочинители, творчество которых может стать основой для национального театра (здесь он повторяет ранее уже высказанную мысль), а русский язык превосходит французский. В последнем случае Плавильщиков даже проводит что-то наподобие лингвистического анализа. По крайней мере, в доказательство того, что русский язык мягче французского, он приводит две строки французского текста, а в дальнейшем рассуждении ссылается на французского автора [10, с. 58].

Мы вслед за В. О. Ключевским считаем [14, с. 413], что данная журнальная полемика является первым в истории отечественной публицистики противостоянием славянофилов (точнее, их предшественников) и западников. Для этого есть много оснований.

Во-первых, в статьях Плавильщикова мы видим пробуждение национального самосознания. Причем именно в той специфической форме, которая характерна для позднейшего движения славянофилов. Это не просто осознание себя нацией со своими особенностями, достоинствами и недостатками. Это осознание себя в противопоставлении Европе. Плавильщиков говорит не только о русском, но (и это главное) о том, чем это русское отличается от западноевропейского и в чем оно его превосходит.

Во-вторых, это критика Запада. Все статьи Плавильщикова, посвященные даже чисто эстетическим вопросам, полны критики западной культуры. Везде Плавильщиков указывает на превосходство России над Западом. Этот вопрос, естественно, будет впоследствии подниматься всеми консервативными мыслителями XIX в., в том числе и славянофилами. Некоторые из них будут занимать позицию по своей непримиримости к европейской культуре близкую к Плавильщикову (например, К. Аксаков).

В-третьих, у Плавильщикова мы находим много идей, которые предвосхитили мысли славянофилов. Самая главная из них – это вопрос просвещения. Как уже отмечалось, вопрос о характере просвещения русского и европейского был одной из основных тем старших славянофилов. Особенно он был важен для И. В. Киреевского. Правда, нужно отметить, что Плавильщиков и Киреевский используют термин «просвещение» по-разному. Для Плавильщикова европейское просвещение – это просто воспитание русских юношей европейскими гувернерами, обучение их, в первую очередь, не национальному языку, а французскому, и так далее. Такое просвещение приводит к забвению национального, родного, русского. В этом Плавильщиков видит один из главных пороков его времени. Киреевский вкладывает в вопрос о «просвещении» более глубокие смыслы. Для него «просвещение» – это характер образования, воспитания и даже мировосприятия, свойственный культуре и определяющий ее основные ценности и установки. Но несмотря на то, что Киреевский глубже изучает этот вопрос и наделяет его новыми смыслами, само внимание Плавильщикова к проблеме просвещения сближает живших в разные эпохи мыслителей.

В-четвертых, это мимоходом поднимаемая Плавильщиковым тема заимствований из европейской культуры. Не отрицая самой возможности заимствований, Плавильщиков призывает делать это осторожно и осмысленно, чтобы не уничтожить национальную идентичность. Как известно, вопрос заимствований стал для славянофилов и западников одним из основных.

Однако эти черты сходства, которые сближают славянофилов и творческий коллектив «Зрителя» во главе с Плавильщиковым, ни в коем случае нельзя преувеличивать. Несмотря на некоторую близость позиций, разделяет их тоже немало.

Первое, что бросается в глаза при чтении статей «Зрителя» и сравнении их со славянофильством – это уровень образования и аргументации. Противостояние западников и славянофилов – это спор просвещеннейших людей своего времени: профессоров, ученых, писателей, ведущих литературных критиков. В этом споре они апеллируют к фактам, демонстрируя глубокое знание и понимание исторической и социальной действительности. Полемика на страницах «Зрителя» – чистой воды риторика, в которой к истории, социологии или лингвистике никто практически не обращается. Это спор не ученых, а ораторов. Причем, речи этих ораторов изобилуют не только риторическими фигурами, но и фактическими ошибками.

Другим важным моментом, уже смысловым, а не качественным, является отношение к фигуре Петра I. Спор о роли Петра I в русской истории – один из ключевых моментов, разделяющих славянофилов и западников. Для славянофилов Петр – фигура по большей степени отрицательная. Собственно говоря, фигура Петра I является ключевой в историософских построениях славянофилов. И критика его реформ и начинаний является органичной частью классического славянофильства. Плавильщиковым и его соратниками (как и противниками) историческое значение Петра для судеб русской культуры было еще не осмыслено. Плавильщиков восхищается деяниями великого реформатора. Он еще не видит связи между петровскими реформами и засильем западного просвещения. Плавильщиков находится еще под обаянием образа великого монарха, созданного в эпоху, когда Россией правили «птенцы гнезда петрова». В конце XVIII столетия в обществе уже возникает понимание негативных для народной культуры последствий петровских реформ [14, с. 414]. Но это понимание встречается пока только у единиц (Фонвизин, Дашкова), и, конечно, в прессе того времени освещение и развитие эти мысли получить не могли. Петр I был исторической фигурой в тот момент слишком важной для идеологической политики Екатерины II.

Но, несмотря на указанные различия, можно утверждать, что в 1792 г. мы впервые сталкиваемся с полемикой «уже тогда зарождавшихся противных партий славянофилов и западников» [4, с. 6]. Эта полемика не могла быть долгой и разрастись в настоящий идеологический спор, как это случилось полвека спустя с противостоянием западников и славянофилов. Для этого еще не появились важные общественные условия. И в первую очередь этому мешал уровень развития печати. Газеты, журналы, альманахи, существовавшие в тот период, имели, как правило, недолгую жизнь. Занятие журналистикой было делом недоходным, а чаще всего просто убыточным. Кроме того, отсутствие цензурного законодательства и каких-либо четких норм функционирования печати способствовало тому, что власти могли закрыть любой журнал по своему усмотрению. При таком уровне развития права, печати и общественных отношений не могло идти и речи о какой-то серьезной и длительной идеологической полемике. Но тем значительнее и ярче представляется ряд статей Плавильщикова и вызванный ими спор, который развернулся на страницах «Зрителя».

Список литературы

1. Альтшуллер М. Шишков и Карамзин о судьбах России // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 43–57.
2. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. Серия: Historia Rossica / А. Валицкий, пер. с польск. К. Душенко. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 704 с.
3. Володина Н. В. Диалог И. В. Киреевского и А. С. Хомякова о характере русского и европейского просвещения // Quaestio Rossica. 2019. № 1. С. 243–254. DOI: 10.15826/qr.2019.1.374.
4. Давидович И. Плавильщиков, Петр Алексеевич // Русский биографический словарь : в 25 т. Т. 14: Плавильщиков – Примо / под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцева. СПб., 1905. С. 2–6.
5. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: лит. и гос. идеология в России в послед. трети XVIII – первой трети XIX в. Серия: Historia Rossica / А. Зорин. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 414 с.
6. Зритель. 1792. Ч. I. Апрель.
7. Зритель. 1792. Ч. I. Февраль.
8. Зритель. 1792. Ч. II. Август.
9. Зритель. 1792. Ч. II. Июнь.
10. Зритель. 1792. Ч. III. Декабрь.
11. Зритель. 1792. Ч. III. Сентябрь.
12. Зритель. 1792. Ч. III. Октябрь.
13. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Московский сборник / подг. В. Н. Греков. М. : Наука, 2014. С. 285–334.

14. Ключевский В. О. Лекции по русской историографии : соч. в 8 т. Т. 8. М., 1959. С. 396–453.
15. Орнатская Т. И., Бабаев Э. Г. «Русский вестник» // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М. : Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 6: Присказка – «Советская Россия». 1971. С. 511–513.
16. Прохоров И. Е. В. Г. Белинский vs С. П. Шевырев: реализация конфронтационной стратегии в журнальной полемике (1836) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2012. № 2. С. 68–83.
17. Семиконов Д. В., Захряпин А. А. Европа как «другой» русского историософского сознания: от средневековья к модерну // Вестник Мининского университета. 2021. № 1 (34). С. 11. DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-1-11.
18. Слуцкая Е. А., Махрова Э. В. «Купеческий театр» в русской культуре XVIII – начала XX веков // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 3 (28). С. 188–192.
19. Соколов С. С. Первая дискуссия по варяжскому вопросу в интеллектуальном пространстве эпохи (к спору Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова) // Лит. исторический альманах. 2014. № 5. С. 252–271.
20. Сытина Ю. Н. Россия и Европа в полемике авторов «Московского наблюдателя» // Вопросы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 172–184. DOI: 10.15393/j9.art.2016.3602.
21. Усманский А. Н. Плавильщик (Петр Алексеевич) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. Т. 46. СПб. : 1898. 789 с.
22. Хомяков А. С. Несколько слов по поводу статьи г. Киреевского, помещенной в 1-м томе «Московского сборника» («О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России») // Московский сборник / подг. В. Н. Греков. М. : Наука, 2014. С. 285–334.
23. Цветкова Н. В. Дневник С. П. Шевырева и критика журнала «Московский наблюдатель» (1835–1837) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 75–84.

"Slavophiles" before slavophiles: a dispute about the properties of the Russian ethnos and the nature of national art on the pages of "The Spectator" magazine

I. M. Lebedyantsev

teacher of history and ancient languages, Seraphim of Sarov Orthodox Gymnasium.
Russia, Dzerzhinsk. E-mail: leb1000.mm@yandex.ru

Abstract. The article examines a number of publications by P. A. Plavilshchikov, which appeared on the pages of I. A. Krylov's magazine "The Spectator" in 1792. "The Spectator" was published for only a year, but in this short period of time in several issues of the publication we meet with one of the first publicistic polemics in the history of domestic journalism. In this controversy, issues were raised that would later become key in the dispute between slavophiles and Westerners. The outstanding Russian historian V. O. Klyuchevsky calls the authors of the magazine Lyuborussians and considers them the predecessors of Slavophilism. The article analyzes the views and ideas of Plavilshchikov. It is concluded that in his articles the author of The Spectator anticipated the views of slavophiles on many issues, and the magazine controversy caused by his works became the first episode in the history of the national press of the clash of Westerners and supporters of the national identity of Russia. At the same time, it is shown that in the full sense of the word, Plavilshchikov and his supporters cannot be called slavophiles. There are a number of criteria and topics that show the difference between classical Slavophilism and the ideas of the Lyuborussians. In particular, it is shown that the authors of The Spectator did not have the scientific and philosophical base that the representatives of the Moscow circle had. In addition, in many places, P. A. Plavilshchikov is a hot advocate of Peter's reforms, praises the tsar-converter, whereas for slavophiles, both older and younger, the figure of Peter I, remaining iconic for Russian history, had a negative meaning.

Keywords: "The Spectator", slavophiles, Westerners, P. A. Plavilshchikov, I. A. Krylov.

References

1. Altshuller M. Shishkov i Karamzin o sud'bah Rossii [Shishkov and Karamzin about the fate of Russia] // *Literaturovedcheskij zhurnal* – Literary journal. 2011. No. 28. Pp. 43–57.
2. Valickij A. V *krugu konservativnoj utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva. Seriya: Historia Rossica* [In the circle of conservative utopia. The structure and metamorphoses of Russian Slavophilism. Series: Historia Rossica] / A. Valitsky, transl. from Polish by K. Dushenko. M. New Literary Review. 2019. 704 p.
3. Volodina N. V. *Dialog I. V. Kireevskogo i A. S. Homyakova o haraktere russkogo i evropejskogo prosveshcheniya* [Dialogue of I. V. Kireevsky and A. S. Khomyakov on the nature of Russian and European enlightenment] // *Quaestio Rossica*. 2019. No. 1. Pp. 243–254. DOI: 10.15826/qr.2019.1.374.

4. Davidovich I. Plavil'shchikov, Petr Alekseevich [Plavilshchikov, Peter Alekseevich] // *Russkij biograficheskij slovar'* : v 25 t. T. 14: Plavil'shchikov – Primo – Russian Biographical Dictionary : in 25 vols. Vol. 14: Plavilshchikov – Primo / under the supervision of the chairman of the Imperial Russian Historical Society A. A. Polovtsev. SPb. 1905. Pp.2–6.

5. Zorin A. L. *Kormya dvuglavogo orla...: lit. i gos. ideologiya v Rossii v posled. treti XVIII – pervoj treti XIX v. Seriya: Historia Rossica* [Feeding the double-headed eagle...: lit. and state ideology in Russia in the late third of the XVIII – first third of the XIX century. Series: Historia Rossica] / A. Zorin. M. New lit. review. 2004. 414 p.

6. *Zritel'* – The Spectator. 1792. Part I. April.

7. *Zritel'* – The Spectator. 1792. Part I. February.

8. *Zritel'* – The Spectator. 1792. Part II. August.

9. *Zritel'* – The spectator. 1792. Part II. June.

10. *Zritel'* – The Spectator. 1792. Part III. December.

11. *Zritel'* – The Spectator. 1792. Part III. September.

12. *Zritel'* – The Spectator. 1792. Part III. October.

13. Kireevskij I. V. *O haraktere prosveshcheniya Evropy i ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii* [On the nature of the enlightenment of Europe and its relation to the enlightenment of Russia] // *Moskovskij sbornik – Moscow collection* / prep. by V. N. Grekov. M. Nauka (Science). 2014. Pp. 285–334.

14. Klyuchevskij V. O. *Lekcii po russkoj istoriografii : soch. v 8 t. T. 8* [Lectures on Russian historiography : works in 8 vol. Vol. 8]. M. 1959. Pp. 396–453.

15. Ornatskaya T. I., Babaev E. G. "Russkij vestnik" ["Russian herald"] // *Kratkaya literaturnaya enciklopediya* – Brief literary encyclopedia / editor-in-chief A. A. Surkov. M. Soviet Encyclopedia, 1962–1978. Vol. 6: The saying – "Soviet Russia". 1971. Pp. 511–513.

16. Prohorov I. E. V. G. Belinskij vs S. P. Shevyrev: realizaciya konfrontacionnoj strategii v zhurnal'noj polemike (1836) [V. G. Belinsky vs S. P. Shevyrev: implementation of a confrontational strategy in journal polemics (1836)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* – Herald of Moscow University. Episode 10: Journalism. 2012. No. 2. Pp. 68–83.

17. Semikopov D. V., Zahryapin A. A. *Evropa kak "drugoj" russkogo istoriosofskogo soznaniya: ot srednevekov'ya k modernu* [Europe as the "other" of the Russian historiosophical consciousness: from the Middle Ages to Modernity] // *Vestnik Mininskogo universiteta* – Herald of Mininsky University. 2021. No. 1 (34). P.11. DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-1-11.

18. Sluckaya E. A., Mahrova E. V. "Kupecheskij teatr" v russkoj kul'ture XVIII – nachala XX vekov ["Merchant theater" in Russian culture of the XVIII – early XX centuries] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* – Society. Wednesday. Development (Terra Humana). 2013. No. 3 (28). Pp.188–192.

19. Sokolov S. S. *Pervaya diskussiya po varyazhskomu voprosu v intellektual'nom prostranstve epohi (k sporu G. F. Millera i M. V. Lomonosova)* [The first discussion on the Varangian question in the intellectual space of the epoch (to the dispute of G. F. Miller and M. V. Lomonosov)] // *Lit. istoricheskij al'manah* – Lit. historical almanac. 2014. No. 5. Pp. 252–271.

20. Sytina Yu. N. *Rossiya i Evropa v polemike avtorov "Moskovskogo nablyudatelya"* [Russia and Europe in the polemic of the authors of "The Moscow Observer"] // *Voprosy istoricheskij poetiki* – Questions of historical poetics. 2016. No. 14. Pp. 172–184. DOI: 10.15393/j9.art.2016.3602.

21. Usmanskij A. N. *Plavil'shchikov (Petr Alekseevich)* [Plavilshchikov (Petr Alekseevich)] // *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* : v 86 t. T. 46 – Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron : in 86 vol. Vol. 46. SPb. 1898. 789 p.

22. Homyakov A. S. *Neskol'ko slov po povodu stat'i g. Kireevskogo, pomeshchennoj v 1-m tome "Moskovskogo sbornika" ("O haraktere prosveshcheniya Evropy i ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii")* [A few words about the article by G. Kireevsky, placed in the 1st volume of the "Moscow Collection" ("On the nature of the enlightenment of Europe and its relation to the enlightenment of Russia")] // *Moskovskij sbornik – Moscow collection* / prep. by V. N. Grekov. M. Nauka (Science). 2014. Pp. 285–334.

23. Tsvetkova N. V. *Dnevnik S. P. Shevyreva i kritika zhurnala "Moskovskij nablyudatel'" (1835–1837)* [S. P. Shevyrev's Diary and criticism of "The Moscow Observer" magazine (1835–1837)] // *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki* – Herald of Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences. 2007. No. 1. Pp. 75–84.

Антинемецкая кампания в Нижнем Поволжье в годы Первой мировой войны

Р. М. Уразгалиев

аспирант, Московский городской педагогический университет.
Россия, г. Москва. E-mail: rus.urazgaliev@mail.ru

Аннотация. Рост международной напряженности, вызванный кризисом миграционной политики, актуализирует проблемы борьбы с шовинизмом и ксенофобией. Обращение к историческому опыту России может помочь в поисках способов эффективного противодействия агрессивным проявлениям нетерпимости на национальной почве. Волна национальной неприязни в период Первой мировой войны подавалась как демонстрация патриотических настроений. Анализ этой негативной ситуации может оказаться полезным для выработки национальной политики в современных обстоятельствах.

Несмотря на расширяющиеся возможности получения информации, общество по-прежнему подвергается пагубному влиянию через средства массовой информации. Пропагандистские кампании небывалого охвата, методы и приемы массового психологического воздействия, опробованные в начале XX в., и сегодня пользуются популярностью. Целью работы является выявление и изучение политики государства и общественных настроений в условиях военного времени как специфической формы проявления российского национализма, направленной против проживающих в России немцев. Объектом исследования является общественно-политическая ситуация, сложившаяся в России в годы Первой мировой войны. Предметом исследования стала антинемецкая кампания, проводившаяся в Нижнем Поволжье в Первую мировую войну.

В статье показано положение немецкого населения (российских немцев и подданных Германии) на территории Нижнего Поволжья в годы Первой мировой войны. Проанализированы причины дискриминации в отношении прихожан Евангелическо-лютеранской церкви и представителей баптизма. По мнению автора, в условиях роста шовинистических настроений и германофобии российские немцы и приверженцы протестантизма Нижнего Поволжья в глазах власти выглядели как потенциальные враги.

Ключевые слова: баптисты, военнопленные, дискриминация, Евангелическо-лютеранская церковь, российские немцы.

В годы Первой мировой войны Германия в общественном сознании россиян утвердилась в образе врага. Безжалостность и «зверства» немецких солдат, высокое влияние немцев в политических и экономических кругах Российской империи, нарушения неприятелем норм международного права стали главными сюжетами пропаганды для создания данного образа. Война преподносилась как священный долг по спасению мира от поправших все моральные принципы немцев и их кровожадного императора. «Никто войны не желает, Россия и Франция проявили крайнее миролюбие и до сих пор не объявили войну ни одному государству. Исключение составляют немцы, которые хотят отнять у другого государства его земли и присоединить их к владениям Германии. Очевидно, германский император человек ненормальный, в высшей степени опасный маньяк» [26, с. 3]. Так с самого начала военного конфликта неотъемлемым атрибутом повседневной жизни становится антинемецкая кампания, которая получила достаточно широкое освещение в историографии. В основном авторы [7; 27; 28; 29; 30] рассматривают мероприятия в рамках борьбы с чрезмерным влиянием немцев в Российской империи и религиозную сторону антинемецкой кампании [3; 17; 31; 32; 33]. В работах [1; 9], рассматривающих немецких колонистов в Поволжье в годы Первой мировой войны, не уделяется внимание общественной дискуссии о положении и судьбе в России немцев Нижнего Поволжья, имевшей место на страницах прессы. Поэтому избранный нами и обозначенный в названии статьи региональный сюжет до сего времени представляется недостаточно изученным.

Антинемецкая кампания была последовательно направлена против трех категорий населения: подданных Германии, немцев России, являвшихся ее подданными, в частности против немцев Поволжья, и представителей западнохристианских конфессий. Зачастую к врагам, определенным по принципу религии, относились не только этнические немцы, а самые разнообразные группы, в том числе и русские.

Достаточно активная, а иногда и агрессивная антинемецкая кампания, развернувшаяся в российской центральной и региональной прессе, способствовала росту национализма и ксенофобии. Первая волна затронула прежде всего германских подданных, пребывавших в начале войны на территории Российской империи.

В Нижнем Поволжье таких погромных действий, как в конце мая 1915 г. в Москве, в отношении немцев не отмечалось. Тем не менее они также испытывали на себе последствия начавшейся войны. Во всех губерниях региона наблюдался рост бытового национализма. Кроме того, немцы стали испытывать жесткий прессинг со стороны губернских властей и правоохранительных органов. Так, в Астраханской губернии был введен запрет германским подданным «выступать на сценах в качестве исполнителей, в театрах, цирках и увеселительных садах, а также трудоустраиваться в качестве гувернеров, гувернанток и нянек» [5, с. 3]. Разного рода союзы, общества, просветительские и благотворительные организации получили предписание исключить из своего состава неприятельских подданных [23, с. 3]. Начальник саратовского управления земледелия Н. И. Добровольский по распоряжению из Петрограда запретил чинам управления совершать на имя подданных Германии всякого рода акты на установление и переход прав собственности. «Германо-русским лицам не должны допускать никаких отсрочек, рассрочек и льгот по договору с казной на аренду казенных земель, лесов, рыбных ловель» [36, с. 4]. По сути, этот закон не предусматривал отчуждения недвижимого имущества, находящегося в собственности немецких землевладельцев, тем не менее он стимулировал рост антинемецких настроений.

В течение Первой мировой войны немецкое население Нижнего Поволжья увеличивается за счет переселения беженцев с польских земель, Литвы и Курляндии. Также в регион поступал большой поток военнопленных, которых задействовали в полевых работах. Уже в начале весны 1915 г. астраханскому губернатору поступали многочисленные просьбы об отпуске пленных на сельскохозяйственные работы. В ответ всем земским управам было предложено сообщить к 20 марта следующие сведения: необходимое количество военнопленных и время, на которое они потребуются [4, с. 3]. Прием беженцев, которые чаще всего доставлялись без средств к существованию и нуждались в помощи, продолжался вплоть до окончания боевых действий. Для поддержки нуждающихся был организован «Евангелический комитет попечительства о беженцах», членами которого были г. Шмидт, Гафнер, Гергардт, Дамер, Рейтер, Гильденбрандт, Штульнер, Борк [8, с. 3]. Они координировали благотворительную деятельность местных властей. В Саратовскую губернию прибывали немцы-колонисты из Привислинского края и других местностей, соприкасающихся с театром военных действий. Вплоть до начала 1916 г. им оказывалась продовольственная помощь Министерством внутренних дел по просьбе саратовского губернатора [42, с. 3].

Отношение русского населения к военнопленным временами было негативным, поскольку многие из них не проявляли желания работать, кроме того, часть военнопленных в своих беседах с местным населением оказывалась излишне разговорчивой. Зимой 1915 г. по сведениям, поступившим в Комитет Астраханской народной монархической партии, «германские подданные и военнопленные ведут пропаганду о плохой жизни народа в России при ее богатствах и об очень хорошей у них под немецким управлением» [14, л. 6].

Помимо иностранцев, к числу враждебных элементов отнесли и немцев, давно проживавших в России, но в силу своего происхождения вызывавших недоверие к себе. Активная колонизация слабозаселенных территорий, инициированная манифестом Екатерины II «О позволении иностранцам селиться в России и свободном возвращении русских людей, бежавших за границу» [40], привела к появлению в Нижнем Поволжье группы немцев-колонистов, численность которых росла быстрыми темпами. В основном колонисты прибывали из тогдашней Римско-Немецкой империи под гегемонией Габсбургов [11, с. 99]. Саратовское Поволжье стало первым регионом, где немцы стали жить компактно. Данные по Нижнему Поволжью – 171 645 человек [39] – показывают нам количество говорящих на немецком языке и считающих немецкий язык родным, так как при проведении Первой всеобщей переписи населения 1897 г. не указывалась национальная принадлежность опрошенных.

Отвлечение внимания населения от государственных проблем за счет притеснения «внутреннего врага» – российских немцев – показалось удобным для правительства. Истерия иногда достигала пугающих масштабов. Так, в 1915 г. проводилось расследование инцидента, случившегося в 1906 г.: группа астраханских немцев отправила поздравление-телеграмму Вильгельму II по случаю дня его серебряной свадьбы. К телеграмме прилагалась фотография

компании немцев с портретом императорской четы в руках. Лицам, участвовавшим в процессе, пришлось нелегко, но они быстро среагировали на меняющиеся условия. Так, Иван Бредрих принес фотографию в Жандармское управление с замазанными портретами Вильгельма и его супруги, говоря, что сделал это сразу после объявления Германией войны России. Фотограф упомянутой сцены Рудольф Баденмюллер, несмотря на проживание в Астрахани на протяжении 22 лет, в деле фигурировал как «заядлый немец, злорадствовавший нашим неудачам» [16, л. 4]. По мнению доносителей, у предательства не бывает срока годности.

Периодическая печать через публикации наносила урон репутации немецких предпринимателей. В статье Царицынского вестника «Наши богачи-немцы» [34, с. 3] крупный предприниматель города М. Миллер обвиняется в том, что отказал в помощи пострадавшему на его стройке рабочему. Позже подобному выговору подвергается владелец пивного завода в Царицыне г. Клейнау, обвиненный в недобросовестности уплаты по векселям в банки города [35, с. 4]. Само название и тон статьи демонстрируют явно недоброжелательное отношение к немцам.

Патриотический подъем первых дней войны коснулся массового переименования немецких поселений на русский манер. В ноябре 1914 г. саратовский губернатор срочно потребовал от земских начальников сведения о селениях и волостях, носящих немецкие названия [25, с. 3]. В срочном порядке рассматривались предложения с присвоением им русских названий. При определении нового названия для поселения уездные чиновники руководствовались справкой, полученной от архивной комиссии. Всего Саратовское губернское присутствие рассмотрело десять дел о переименовании колоний спустя всего два месяца после получения циркуляра от МВД [24, с. 4]. В качестве резюме по этому вопросу стоит отметить, что в кампании по переименованию немецких колоний Саратовская губерния не отставала от остальных частей государства.

Нелегко пришлось простым российским немцам, надзор за которыми был постоянным и пристальным. К числу проступков, в которых они обвинялись, относились публичные заявления перед местными жителями, содержащие критику в адрес России или ее правительства. Так, например, поселанин с. Россоши Камышинского уезда Карл Гейнрихов Мейер, согласно решению вице-губернатора Саратовской губернии Римского-Корсакова, за проявление враждебного отношения к русскому воинству и русскому народу и восхваление враждебной державы был осужден на три месяца ареста [18, с. 3]. Подобное наказание получил германский подданный Герман Турка за распространение в г. Царицын ложных слухов о военных действиях [20, с. 3]. Правительство не желало мириться с такой ситуацией и собиралось прекратить пропаганду о плохой жизни народа в России. Примером может служить заявление председателя Астраханской народной монархической партии Н. Н. Тихановича-Савицкого, в котором он предлагает «переселить германских подданных в малонаселенные места или в местности с инородческим, мусульманским населением (Средняя Азия), где они особого вреда не принесут» [14, л. 12].

Наряду с расследованиями, по которым выносились обвинительные приговоры, встречались дела, не находящие доказательств при проверке. Один такой случай произошел с поселянином колонии Сарепта Царицынского уезда Саратовской губернии Вильгельмом Александровым Ниденталем. В сентябре 1915 г. на Нидентала поступил донос, по которому ему приписывались слова: «Россия напрасно лезет воевать с Германией, все равно она ничего Германии не сделает, так как германские лакеи знают больше, чем русские генералы» [12, л. 17]. По итогам этого расследования Ниденталь был оправдан. Столь благоприятный исход для регионов, близких к местам военных сражений, был менее характерен.

Российские немцы в ответ на разразившуюся войну продемонстрировали преданность государству. Свидетельством чему могут явиться проводившиеся на постоянной основе богослужения. «Am 30. Juli in der hiesigen ev. luth. Kirche ein Bittgottesdienst um Sieg der russischen Waffen statt» (30 июля в местной Евангелическо-лютеранской церкви состоялся молебен о победе российского оружия) [46, с. 3].

Весомый вклад поволжские немцы внесли в кампанию помощи фронту, которая проходила во всех регионах страны. «В губернский земский комитет от немцев на устройство лазарета поступило 34 340 рублей, кроме того предоставлено бесплатно хорошее помещение на сто кроватей и масса пожертвованных вещами» [37, с. 3]. Повсеместно возникали благотворительные организации. «Представители русско-подданных землевладельцев-немцев постановили перевести в распоряжение Императрицы Александры Федоровны 10 000 р., в распоря-

жение Великой княгини Ксении Александровны 5000 р. Для оказания помощи раненым» [38, с. 3]. Такая реакция русских немцев объяснялась не только страхом быть заподозренными в связях с врагом, но и благодарностью земле, где их предки были приняты и обласканы. Духовное обособление и желание сохранить свой самобытный уклад не помешали немцам связать себя крепкими узами с русским народом и русской землей.

Евангелическо-лютеранская церковь, в числе приверженцев которой было немало германских подданных и российских немцев, воспринималась правительством как неблагонадежное общество, стремящееся помочь своим соотечественникам. Несмотря на то, что в их число входили и представители иных национальностей, отношение правительства ко всем лютеранам значительно испортилось с началом военного конфликта с Германией. Из-за опасений помощи противникам России в войне в декабре 1914 г. лютеранским приходам запретили совершать сборы на потребности заграничных миссий [2, с. 15].

Получение духовной литературы лютеранскими общинами стало проблематичным в годы войны. В целом с изданием немецкоязычной литературы дело обстояло сложно, даже уже изданные книги не подлежали распространению. Учебники немецкого языка были изъяты из средних школ [22, с. 3]. Не только письмо, но и употребление «вражеского» языка было незаконным. С целью поимки всех нарушителей Министерство народного просвещения делало запрос о языке проведения занятий в школах поволжских немцев. «Школы, получающие ссуду от земств, игнорировали преподавание русского языка. Нет никаких следов преподавания русской истории и русской литературы» [43, с. 3]. В Петрограде уже в начале 1915 г. по распоряжению военной власти на все время военных действий было прекращено издание газет Petrograder Zeitung и Petrograder Gerold [45, с. 3]. На местном уровне следует упомянуть распоряжение главноначальствующего Саратовской губернии о воспрещении разговоров на немецком языке в публичных местах [10, с. 3]. На запрете устного общения власти не остановились. Так, для выяснения, на каком языке ведется делопроизводство, Департамент духовных дел распорядился истребовать и доставить протоколы заседаний всех губернских евангелических обществ молодых людей. Расследование выделило два таких немецких общества: в Саратове и Царицыне [41, с. 3]. А с целью наиболее полного и успешного надзора за высланными из Астраханской губернии и водворенными в Астрахань корреспонденту на иностранном языке допускалось уничтожать [15, л. 8]. На основании использования немецкого языка делался вывод о германизме и нелояльности российских лютеран.

Благодаря указу Николая II от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» были созданы благоприятные условия для быстрого распространения евангельского движения в различных регионах империи, в том числе в Нижнем Поволжье. В данном указе объявлялось, что «отделившимся от православия сектантам предоставляется свободное исповедание их веры и отправление религиозных обрядов по правилам их вероучений, а также образование в порядке, настоящими правилами указанным, религиозных общин» [41]. Для создания общины необходимо было составить письменное заявление в местное губернское правление, с подписями более 50 человек. После регистрации общины она наделялась правами: выбирать наставников, приобретать недвижимость и заключать договоры, открывать церкви, школы и другие богослужебные учреждения. По материалам А. А. Сафонова, за промежуток с 1905 по 1911 гг. к баптистам перешли 30 094 человека, из них 24 140 человек – из православия, а 5954 человека – из иных христианских конфессий [44, с. 163].

К баптистам еще до начала военного конфликта было негативное отношение в российском обществе, причиной чему служит факт, что значительный прирост численности российских баптистов происходил путем перехода в их ряды представителей иных конфессий, главным образом, православных. Местные газеты приводили разные ситуации, где действия баптистов выглядели комично: «16 февраля в 10 часов утра у баптистов состоялось молитвенное собрание, предназначенное исключительно для местных босяков. После собрания каждому из них в виде подарка было предложено новое Евангелие на русском языке и брошюры религиозно-нравственного содержания. Собранием босяки остались очень довольны. Ввиду же того, что базарный толчок по случаю масленицы не функционировал, по чайным-столовым и трактирам можно было видеть немало босяков, торговавших Евангелиями и брошюрами религиозно-нравственного содержания, полученными от баптистов. Все это продавалось по довольно дешевой цене» [6, с. 3]. В годы самой войны баптистов обвиняли в предательстве и сочув-

ствии врагам. В отчете подполковника Джакелли товарищу прокурору Саратовского окружного суда сообщалось, что баптисты ст. Пичужинской Царицынского уезда в апреле 1915 г. на богослужении «молились за Германию и заклинали Россию и русское войско за взятие г. Львова, Перемышля и других городов Галиции» [13, л. 4].

Первая мировая война стала тяжелым испытанием для жителей Российского государства. Российские немцы испытали на себе рост неприязненных настроений и вынуждены были мириться с недоверием в свою сторону. За деятельностью российских немцев и немецких подданных внимательно следили, любое их действие, расцененное как враждебное, могло привести к мерам репрессивного характера. Наряду с запретом на употребление немецкого языка, привлечением на обязательные сельскохозяйственные работы, агрессивной кампанией в печати, запретом на трудоустройство в некоторых сферах, встречались более жесткие меры преследований, такие как высылка и арест. Однако, несмотря на определенное напряжение, вызванное военными действиями, в целом каких-либо крупных межнациональных и межконфессиональных конфликтов на территории Нижнего Поволжья зафиксировано не было. Более того, беженцы и военнопленные, прибывшие в регион, получали помощь от государства. Определенную роль в этом сыграли отзывчивость российских немцев к бедам, выпавшим на долю всех граждан Российской империи, и выражение верноподданных чувств путем участия в благотворительности и помощи пострадавшим.

Список литературы

1. Айсфельд А. Положение немецких колонистов Поволжья в политике Германского рейха во время Первой мировой войны // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М. : Готика, 1995. С. 183–196.
2. Алишина Г. Н. Антинемецкая кампания в годы Первой мировой войны в «центре» и «на местах» Российской империи: реализация мер по борьбе с немецким засильем в Томской губернии // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 2. С. 14–23.
3. Алишина Г. Н. Евангелическо-лютеранская церковь и лютеранские пасторы Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4. С. 151–156.
4. Астраханский вестник. 18.03.15. № 62.
5. Астраханский вестник. 30.03.15. № 35. С. 3.
6. Баптисты и босяки // Царицынский вестник. 18.02.14. № 4521. С. 3.
7. Бахтурина А. Ю. «Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить: немцы-колонисты и российское общество в годы "Германской" войны» // Новый исторический вестник. 2013. № 35. С. 6–32.
8. В евангелическо-лютеранском обществе // Царицынский вестник. 17.10.1915. № 5004.
9. Воронезцев А. В. Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Немцы России: Социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг. : мат-лы 8-й Международной научной конференции, Москва, 13–16 октября 2001. М., 2002. С. 72.
10. Воспрещение разговаривать по-немецки // Царицынский вестник. 19.04.1915. № 4859. С. 3.
11. Галперина Ю. С. Хозяйственное развитие немецких колоний на Волге во второй половине XVIII – первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 98–103.
12. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. Оп. 212. Д. 2951. Л. 17.
13. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 212. Д. 2983. Л. 4.
14. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 159. Л. 6.
15. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 254. Л. 8.
16. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 9 ч. 2. Л. 4.
17. Гераськин Ю. В., Повод И. В. Государственная религиозная политика по отношению к лютеранскому населению в годы Первой мировой войны (на материалах Рязанской губернии) // «Власть духовная и светская: взаимодействие в социокультурном пространстве» : мат-лы Международной научно-практической конференции. Самара, 2017. С. 39–45.
18. Дерзость немца // Царицынский вестник. 23.06.15. № 4912. С. 3.
19. Исключение германских и австрийских подданных // Царицынский вестник. 06.12.14. № 4757.
20. За распространение ложных слухов // Царицынский вестник. 17.04.15. № 4857. С. 3.
21. Запрос о евангелических обществах // Царицынский вестник. 18.10.14. № 4714. С. 3.
22. Изъятие учебников немецкого языка // Царицынский вестник. 22.08.14. № 4670. С. 3.
23. Исключение германских и австрийских подданных // Царицынский вестник. 06.12.14. № 4757.
24. Исторические данные о переименовании немецких колоний // Царицынский вестник. 24.01.15. № 4792. С. 4.
25. К переименованию поселений с немецкими названиями // Волго-Донская копейка. 12.11.14. № 270.

26. Как прекратить войну // Царицынский вестник. 24.07.14. № 4647.
27. Корниенко Т. А. «Образ врага» в политическом сознании населения России в годы Первой мировой войны // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 2. С. 65–71.
28. Коротун С. Н. Немцы Воронежской губернии в период Первой мировой войны // Панорама. Научные труды факультета международных отношений Воронежского государственного университета. 2015. Т. XVIII. С. 30–38.
29. Котов Б. С. Образ российских немцев в русской прессе накануне Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 391–398.
30. Кротт И. И. Реализация мер по борьбе с «немецким засильем»: немецкие предпринимательские хозяйства Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 430.
31. Лиценбергер О. А. Влияние Первой мировой войны на положение немцев в Российской империи: католики и лютеране // Россия – Германия: уроки войны и мира: к 100-летию начала Первой мировой войны : сб. научных статей. 2014. С. 34–39.
32. Машковцев А. А. Лютеранская община Казани в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2-х ч. Ч. 2. 2012. № 6 (20). С. 131–134.
33. Морозова Н. В., Назарова Т. П. Религиозные аспекты антинемецкой кампании на страницах русской прессы (1914–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2-х ч. Ч. 1. Тамбов : Грамота, 2015. № 2 (52). С. 123–125.
34. Наши богачи-немцы // Царицынский вестник. 12.11.14. № 4737.
35. Наши немцы // Царицынский вестник. 11.02.15. № 4805.
36. Ограничение прав немцев и турок // Царицынский вестник. 11.11.14. № 4736.
37. От немецкого населения // Волго-Донская копейка. 27.07.14. № 188. С. 3.
38. Патриотизм русско-подданных немцев // Волго-Донская копейка. 13.08.1914. № 197. С. 3.
39. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Центр. стат. комитет МВД; под ред. Н. А. Тройницкого. [СПб.], 1897–1905. URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/12632> (дата обращения: 25.10.2021).
40. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 16. № 11720. С. 126–127. URL: <https://www.prilib.ru/item/358609> (дата обращения: 17.11.2021).
41. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 26. № 28424. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.12.2021).
42. Прекращение пособий немцам-колонистам // Царицынский вестник. 03.01.16. № 5.
43. Ревизия немецких школ // Царицынский вестник. 10.01.15. № 4780. С. 3.
44. Сафонов А. А. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX века. Тамбов, 2007. С. 163.
45. Хроника // Астраханские ведомости. 16.01.1915. № 7. С. 3.
46. Volks-Zeitung (Saratow). Juli 1914. № 60. S. 3.

The Anti-German campaign in the Lower Volgaregion during the First World War

R. M. Urazgaliev

postgraduate student, Moscow City Pedagogical University,
Russia, Moscow. E-mail: rus.urazgaliev@mail.ru

Abstract. The growth of international tension caused by the crisis of migration policy actualizes the problems of combating chauvinism and xenophobia. Turning to the historical experience of Russia can help in finding ways to effectively counter aggressive manifestations of intolerance on national grounds. The wave of national hostility during the First World War was presented as a demonstration of patriotic sentiments. The analysis of this negative situation may be useful for the development of national policy in modern circumstances.

Despite the expanding opportunities for obtaining information, society continues to be adversely affected through the mass media. Propaganda campaigns of unprecedented reach, methods and techniques of mass psychological influence, tested at the beginning of the XX century, are still popular today. The aim of the work is to identify and study state policy and public sentiment in wartime conditions as a specific form of manifestation of Russian nationalism directed against Germans living in Russia. The object of the study is the socio-political situation in Russia during the First World War. The subject of the study was the anti-German campaign conducted in the Lower Volga region during the First World War.

The article shows the situation of the German population (Russian Germans and German subjects) on the territory of the Lower Volga region during the First World War. The reasons of discrimination against parishioners

of the Evangelical Lutheran Church and representatives of the Baptist Church are analyzed. According to the author, in the conditions of the growth of chauvinistic sentiments and Germanophobia, Russian Germans and adherents of Protestantism of the Lower Volga region looked like potential enemies in the eyes of the authorities.

Keywords: Baptists, prisoners of war, discrimination, Evangelical Lutheran Church, Russian Germans.

References

1. Ejsfeld A. *Polozhenie nemeckih kolonistov Povolzh'ya v politike Germanskogo rejha vo vremya Pervoj mirovoj vojny* [The position of the German colonists of the Volga region in the policy of the German Reich during the First World War] // *Polozhenie nemeckih kolonistov Povolzh'ya v politike Germanskogo rejha vo vremya Pervoj mirovoj vojny* – Russian Germans on the Don, Caucasus and Volga. M. Gothica. 1995. Pp. 183–196.
2. Alishina G. N. *Antinemeckaya kampaniya v gody Pervoj mirovoj vojny v "centre" i "na mestah" Rossijskoj imperii: realizaciya mer po bor'be s nemeckim zasil'em v Tomskoj gubernii* [The anti-German campaign during the First World War in the "center" and "on the ground" of the Russian Empires: implementation of measures to combat German dominance in Tomsk province] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* – Herald of Tomsk State University. History. 2016. No. 2. Pp. 14–23.
3. Alishina G. N. *Evangelichesko-lyuteranskaya cerkov' i lyuteranskie pastory Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Evangelical Lutheran Church and Lutheran pastors of the Russian Empire during the First World War] // *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* – Herald of Archeology, Anthropology and Ethnography. 2015. No. 4. Pp. 151–156.
4. *Astrahanskij vestnik* – Astrakhan herald. 18.03.15. No. 62.
5. *Astrahanskij vestnik* – Astrakhan herald. 03.30.15. No. 35. P. 3.
6. *Baptisty i bosyaki* – Baptists and tramps // *Tsaricynskij vestnik*– Tsaritsyn herald. 18.02.14. No. 4521. P. 3.
7. Bahturina A. Yu. *"Luchshe pust' nemcy razoryatsya, chem budut shpionit': nemcy-kolonisty i rossijskoe obshchestvo v gody "Germanskoj" vojny"* ["It's better to let the Germans go bankrupt than to spy: German colonists and Russian society during the "German" War"] // *Novyj istoricheskij vestnik* – New Historical herald. 2013. No. 35. Pp. 6–32.
8. *V evangelicheskoy lyuteranskoj obshchestve* – In the Evangelical Lutheran society // *Tsaricynskij vestnik*– Tsaritsyn herald. 17.10.1915. No. 5004.
9. Voronezhcev A. V. *Nemeckie kolonisty v Povolzh'e v gody Pervoj mirovoj vojny (na materialah Saratovskoj i Samarskoj gubernij)* [German colonists in the Volga region during the First World War (based on the materials of the Saratov and Samara provinces)] // *Nemcy Rossii: Social'no-ekonomicheskoe i duhovnoe razvitie 1871–1941 gg. : mat-ly 8-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* – Germans of Russia: Socio-economic and spiritual development of 1871–1941 : materials of the 8th International Scientific Conference, Moscow, October 13–16, 2001. M. 2002. 72 p.
10. Prohibition to speak German // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 19.04.1915. No. 4859. P. 3.
11. *Vospreshchenie razgovarivat' po-nemecki* [Economic development of German colonies on the Volga in the second half of the XVIII – first half of the XIX century] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniya* – News of Saratov University. A new series. Series: History. International relations. 2014. Vol. 14. Is. 3. Pp. 98–103.
12. SARF (State Archive of the Russian Federation). F. 102. Inv. 212. File 2951. Sh. 17.
13. SARF. F. 102. Inv. 212. File 2983. Sh. 4.
14. SARF. F. 102. Inv. 73. File 159. Sh. 6.
15. SARF. F. 102. Inv. 73. File 254. Sh. 8.
16. SARF. F. 102. Inv. 73. File 9 part. 2. Sh. 4.
17. Geras'kin Yu. V., *Povod I. V. Gosudarstvennaya religioznaya politika po otnosheniyu k lyuteranskomu naseleniyu v gody Pervoj mirovoj vojny (na materialah Ryazanskoj gubernii)* [State religious policy towards the Lutheran population during the First World War (based on the materials of the Ryazan province)] // // *"Vlast' duhovnaya i svetskaya: vzaimodejstvie v sociokul'turnom prostranstve"* : mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii– "Spiritual and secular power: interaction in the socio-cultural space" : materials of the International Scientific and Practical Conference. Samara. 2017. Pp. 39–45.
18. *Derzost' nemca* – The audacity of the German // *Tsaricynskij vestnik*– Tsaritsyn herald. 23.06.15. No. 4912. P. 3.
19. *Isklyuchenie germanskih i avstrijskih poddannyh* – Exclusion of German and Austrian subjects // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 06.12.14. No. 4757.
20. *Za rasprostranenie lozhnyh sluhov* – For spreading false rumors // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 17.04.15. No. 4857. P. 3.
21. *Zapros o evangelicheskikh obshchestvah* – Inquiry about evangelical societies // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 18.10.14. No. 4714. P. 3.
22. *Iz'yatie uchebnikov nemeckogo yazyka* – Withdrawal of textbooks of the German language // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 22.08.14. No. 4670. P. 3.
23. *Isklyuchenie germanskih i avstrijskih poddannyh* – Exclusion of German and Austrian subjects // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 06.12.14. No. 4757.

24. *Istoricheskie dannye o pereimenovanii nemeckih kolonij* – Historical data on the renaming of German colonies // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 24.01.15. No. 4792. P. 4.
25. *K pereimenovaniyu poselenij s nemeckimi nazvaniyami* – To the renaming of settlements with German names // *Volgo-Donskaya kopejka* – Volga-Don kopek. 12.11.14. No. 270.
26. *Kak prekratit' vojnu* – How to stop the war // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn Bulletin. 24.07.14. No. 4647.
27. Kornienko T. A. *"Obraz vraga" v politicheskom soznanii naseleniya Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny* ["The image of the enemy" in the political consciousness of the population of Russia during the First World War] // *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura* – The Caspian region: politics, economy, culture. 2009. No. 2. Pp. 65–71.
28. Korotun S. N. *Nemcy Voronezhskoj gubernii v period Pervoj mirovoj vojny* [Germans of the Voronezh province during the First World War] // *Panorama. Nauchnye trudy fakul'teta mezhdunarodnyh otnoshenij Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* – Panorama. Scientific works of the Faculty of International Relations of Voronezh State University. 2015. Vol. XVIII. Pp. 30–38.
29. Kotov B. S. *Obraz rossijskikh nemcev v russkoj presse nakanune Pervoj mirovoj vojny* [The image of Russian Germans in the Russian press on the eve of the First World War] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2011. Vol. 13. No. 3 (2). Pp. 391–398.
30. Krott I. I. *Realizaciya mer po bor'be s "nemeckim zasil'em": nemeckie predprinimatel'skie hozyajstva Zapadnoj Sibiri v gody Pervoj mirovoj vojny* [Implementation of measures to combat "German dominance": German entrepreneurial farms in Western Siberia during the First World War] // *Vestnik Tomskogo gos. un-ta* – Herald of Tomsk State University. 2018. No. 430.
31. Licenberger O. A. *Vliyanie Pervoj mirovoj vojny na polozhenie nemcev v Rossijskoj imperii: katoliki i lyuterane* [The impact of the First World War on the situation of Germans in the Russian Empire: Catholics and Lutherans] // *Rossiya – Germaniya: uroki vojny i mira: k 100-letiyu nachala Pervoj mirovoj vojny : sb. nauchnyh statej* – Russia – Germany: lessons of war and peace: to the 100th anniversary of the beginning of the First World War : collection of scientific articles. 2014. Pp. 34–39.
32. Mashkovcev A. A. *Lyuteranskaya obshchina Kazani v gody Pervoj mirovoj vojny* [Lutheran community of Kazan during the First World War] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki : v 2-h ch. Ch. 2* – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice : in 2 parts. Part 2. 2012. No. 6 (20). Pp. 131–134.
33. Morozova N. V., Nazarova T. P. *Religioznye aspekty antinemeckoj kampanii na stranicah russkoj pressy (1914–1917 gg.)* [Religious aspects of the anti-German campaign on the pages of the Russian press (1914–1917)] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki : v 2-h ch. Ch. 1* – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice : in 2 parts. Part 1. Tambov. Diplom. 2015. No. 2 (52). Pp. 123–125.
34. *Nashi bogachi-nemcy* – Our rich Germans // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 12.11.14. No. 4737.
35. *Nashi nemcy* – Our Germans // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 11.02.15. No. 4805.
36. *Ogranichenie prav nemcev i turok* – Restriction of the rights of Germans and Turks // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 11.11.14. No. 4736.
37. *Ot nemeckogo naseleniya* – From the German population // *Volgo-Donskaya kopejka* – Volga-Don kopek. 27.07.14. No. 188. P. 3.
38. *Patriotizm rusko-poddannyh nemcev* – Patriotism of Russian-German subjects // *Volgo-Donskaya kopejka* – Volga-Don kopek. 13.08.1914. No. 197. P. 3.
39. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 goda* – The first general population census of the Russian Empire in 1897 / Central stat. committee of the Ministry of Internal Affairs; ed. by N. A. Troynitsky. [St. Petersburg], 1897–1905. Available at: <http://elibrary.ru/nodes/12632> (date accessed: 25.10.2021).
40. The complete collection of laws of the Russian Empire. 1. SPb. 1830. Vol. 16. No. 11720. Pp. 126–127. Available at: <https://www.prilib.ru/item/358609> (date accessed: 17.11.2021) (in Russ.).
41. The complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 3. Vol. 26. No. 28424. Available at: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date accessed: 10.12.2021) (in Russ.).
42. *Prekrashchenie posobij nemcam-kolonistam* – Termination of benefits to German colonists // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 03.01.16. No. 5.
43. *Reviziya nemeckih shkol* – Revision of German schools // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 10.01.15. No. 4780. P. 3.
44. Safonov A. A. *Svoboda sovesti i modernizaciya veroispovednogo zakonodatel'stva Rossijskoj imperii v nachale XX veka* [Freedom of conscience and modernization of religious legislation of the Russian Empire at the beginning of the XX century]. Tambov. 2007. P. 163.
45. *Hronika* – Chronicle // *Astrahanskije vedomosti* – Astrakhan news. 16.01.1915. No. 7. P. 3.
46. *Volks-Zeitung* (Saratow). Juli 1914. No. 60. P. 3.

«Пока доктора раздумывают, пациент умирает»: как родился план Маршалла

К. В. Минкова

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры американских исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, г. Санкт-Петербург.
ORCID: 0000-0001-5833-6808. Researcher ID: M-6859-2016. E-mail: k.minkova@spbu.ru.

Аннотация. Актуальность предложенной темы определяется присутствием тематики холодной войны и ее истоков в современном общественном и политическом дискурсе России и США. К окончательному разрыву отношений между Востоком и Западом привело разделение Европы на два лагеря после начала реализации плана Маршалла. Цель статьи – вскрыть предпосылки и проследить процесс подготовки речи госсекретаря Джорджа Маршалла, прозвучавшей 5 июня 1947 г. в Гарвардском университете. Предмет исследования – процесс принятия политического решения в США.

Автор приходит к выводу о том, что решение о необходимости реализации американской программы помощи Европе было принято в очень сжатые сроки; так же быстро проходила и выработка основных принципов этой программы. В результате ни американское общество, ни реципиенты помощи не получили полного представления о сути программы, а ее разработчики не имели возможности просчитать все риски и избежать ряда важнейших проблем, ключевой из которых стало начало холодной войны между Востоком и Западом.

Результаты статьи могут иметь практическое и научное применение. Научное связано с тем, что в отечественной историографии процесс выработки принципов экономической помощи Европе изучен недостаточно подробно. Практическое – способствовать пониманию процесса принятия внешнеполитических решений в США, а этот процесс с того времени не претерпел значительных изменений.

Ключевые слова: программа восстановления Европы, Ачесон, Кеннан, Трумэн, Клейтон, внешняя политика США, план Маршалла.

Отечественная и зарубежная историография плана Маршалла насчитывает сотни работ. И тем не менее весьма немногие уделяют должное внимание истокам происхождения программы послевоенного восстановления Европы. Исследователи, представляющие предложение Маршалла как противовес растущему влиянию Советского Союза в Европе и распространению коммунистической идеологии, как правило, принижают важность экономических факторов и их значение для авторов программы помощи. Интерпретации плана Маршалла как чисто экономического проекта, напротив, не принимают во внимание весь комплекс политических проблем как самой Европы, так и отношений между Европой и США, Европой и СССР, США и Советским Союзом соответственно.

Кто в администрации Трумэна первым высказал идею оказания комплексной помощи Европе? Какие правительственные структуры и отдельные фигуры сыграли ключевую роль в выработке ее принципов? Насколько серьезными были расхождения между предложенными ими вариантами программы? Каким виделось разработчикам место в ней Советского Союза и стран, находившихся в орбите его влияния? Как и кем осуществлялась информационная поддержка плана Маршалла в США и в Европе на начальном этапе? Поискам ответов на эти вопросы посвящена настоящая статья.

Соединенные Штаты Америки начали оказывать экономическую помощь странам Старого света задолго до 5 июня 1947 г., когда госсекретарь США Джордж Маршалл выступил с предложением разработать программу восстановления Европы. Эта помощь осуществлялась на двусторонней основе, в рамках ООН (через ЮНРПА и ФАО), в виде кредитных соглашений.

Еще в начале 1946 г. Уолт Ростоу, помощник главы Управления по экономическим делам Германии и Австрии госдепартамента США, заявил, что объединения Германии невозможно будет достичь без объединения Европы, а последнее может стать скорее результатом технического сотрудничества по экономическим вопросам, чем дипломатических усилий. Соображения Ростоу были переданы заместителю госсекретаря США Дину Ачесону в апреле 1946 г. Предложения Ростоу нашли частичное выражение в принципах деятельности Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК) [10, p. 241].

Непосредственно идея оказания помощи Европе возникла в правительственных кругах США осенью-зимой 1946 г. в связи со стремительно ухудшавшимся экономическим положением Великобритании. В Вашингтоне возникли опасения, что если эту ситуацию оставить без внимания, то мир «может начать лихорадить, а наша собственная позиция станет исключительно уязвимой и рискованно изолированной» [18]. На протяжении 1946 г. в Лондоне работала американская миссия по экономическим вопросам, а экономисты госдепартамента составили отчеты о состоянии ряда стран Европы в рамках проекта European Reconstruction Survey [13, p. 1054].

Впрочем, меры помощи отдельным странам Европы, предлагавшиеся в рамках разных правительственных учреждений США зимой 1946–1947 гг., не носили системного характера.

Сообщение о том, что к концу марта британские войска будут выведены из Греции, где столкновения между коммунистами и их противниками приобрели масштаб гражданской войны [11, p. 32–35], вынудило администрацию Трумэна дать первый ответ на новый политический вызов Европе и миру – им стало выступление президента 12 марта 1947 г. с новой внешнеполитической программой, позже получившей название «Доктрина Трумэна» [25]. (Напомним, что в своей речи Трумэн запросил у Конгресса дополнительные 400 млн долл. для оказания помощи Греции и Турции [1, с. 511–547]).

Антикоммунистические настроения, которыми было проникнуто выступление президента, не нашли поддержку ни у американской общественности, ни у большинства ключевых фигур политического истеблишмента. В частности, 13 апреля бывший вице-президент Генри Уоллес в своем радиообращении назвал помощь Греции и Турции первым шагом на пути к войне с Советским Союзом и призвал к осуществлению глобальной программы восстановления, которая включала бы страны советского блока [30].

Еще до выступления Трумэна, 5 марта 1947 г., Ачесон попросил генерала Джона Хиллдринга – главу Правительственного межведомственного комитета, осуществлявшего координацию решений госдепартамента, морского и военного министерств (State-War-Navy Coordinating Committee, SWNCC) и являвшегося в известной степени предтечей Совета по национальной безопасности, начать работу по изучению потребности стран мира в экономической и военной помощи. Эта инициатива была сразу поддержана министром флота Джеймсом Форрестолом, министром финансов Джоном Снайдером и министром торговли Авереллом Гарриманом [13, p. 1050]. В рамках SWNCC был создан специальный комитет для разработки программы и условий оказания помощи Европе. В своих мемуарах Ачесон вспоминает, что создание такого комитета было предложено генералом Эйзенхауэром 26 февраля 1947 г., то есть еще до его обращения к Хиллдрингу [5, p. 226]. В этот же день в газете «Сэн-Луис пост диспэтч» появилась статья известного американского журналиста У. Липпмана под названием “A Most Tentative Budget”. Автор предупреждал, что британский экономический кризис может потребовать американскую помощь странам, находящимся в других частях света [16].

17 апреля в ведущих американских газетах появилось сразу две важных заметки. В «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон сообщил, что конгрессмен Кристиан Гертер внес инициативу о создании специального комитета по международной помощи (Select Committee on Foreign Aid) для придания американской внешней политике «более широкого видения» [27]. Рестон высказался в поддержку усилий Гертера, поскольку до этого зарубежные расходы США носили в основном спорадический характер. Как и Липпман, он призвал госдепартамент связать ассигнования на помощь с конкретными внешнеполитическими целями. Рестон утверждал, что экономическую помощь следовало рассматривать как один из компонентов комплексной геополитической стратегии [10, p. 205–218; 27].

Уолтер Липпман в «Вашингтон пост» настаивал, что Соединенные Штаты «должны включить в программу помощи русских, если это возможно, и реализовывать ее без них, если так будет нужно, при этом не отказывая их союзникам в благах и статусе, однако не выжидая и не проявляя инициативу, если они решат самоустраниться» [19].

И Рестон, и Липпман находились в тесном и постоянном контакте с теми чиновниками американских правительственных агентств и теми конгрессменами, которые вплотную занимались разработкой программ помощи. Заметки этих журналистов предвосхитили появление первого промежуточного отчета SWNCC 21 апреля 1947 г. В нем содержались следующие результаты работы комитета: перечень возможных мер содействия восстановлению европейских стран, а также набор принципов и процедур, которыми следовало руководствоваться при оказании помощи. Помимо прочего, в отчете в порядке приоритетности приводился список тех стран, которым в соответствии с американскими внешнеполитическими интересами следовало оказать помощь в ближайшие месяцы. В этот список вошли Греция, Турция, Италия, Франция, Австрия (после заключения мирного договора), Венгрия. В указанных странах рекомендовалось развернуть широкие программы экономической, финансовой, военной помощи, политической поддержки и масштабные информационные кампании – в первую очередь для эффективного противодействия распространению там коммунистических настроений.

Великобритании, Бельгии, Люксембургу, Нидерландам, Португалии, Чехословакии и Польше на момент публикации отчета помощь, по мнению членов SWNCC, оказывать не предполагалось, однако указывалось, что она могла потребоваться в дальнейшем [10, p. 206].

Среди главных приоритетов американской политики на ближайшую перспективу назывались:

а) поддержка экономической стабильности и должных политических процессов во всем мире и противостояние распространению хаоса и экстремизма;

б) минимизация или предотвращение роста или появления национальной или наднациональной силы, которая угрожала бы безопасности и благополучию Соединенных Штатов, и противодействие программам насаждения деспотизма и скрытого проникновения, особенно реализующихся вооруженными формированиями;

в) ориентирование зарубежных стран на США, на поддержку ООН и на такое «поведение в международных отношениях, которое отвечает целям ООН» [10, p. 208].

Об участии Советского Союза в программе помощи в 16-страничном отчете не говорилось ни слова. Единственное косвенное упоминание о нем содержалось в следующей фразе: «Сегодня Соединенные Штаты нуждаются в друзьях в мире, и им следует особо позаботиться о том, чтобы другие страны не подпали под влияние какого-либо потенциально враждебного государства» [10, p. 217].

28 апреля Дж. Маршалл, выступая с радиообращением после возвращения с очередной сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) в Москве, заявил: «Восстановление Европы идет намного медленнее, чем ожидалось. Проявились разрушающие силы. Пока доктора раздумывают, пациент умирает <...>. Те действия, которые могут быть предприняты, чтобы разрешить эти насущные проблемы, должны быть безотлагательными» [29, p. 113–122].

Через три дня, 1 мая 1947 г., в «Вашингтон пост» появилась статья Липпмана, в которой говорилось, что США должны «предложить [европейским странам], чтобы они собрались вместе для выработки общей программы производства и обмена, а также поставок внешнему миру, и чтобы они рассчитали предположительную сумму консолидированного дефицита стольких стран Европы, сколько сумеет договориться в рамках этого общего плана» [17].

Джозеф Джонс¹ позднее писал, что это предложение было, по всей видимости, оригинальным и действительно исходило от самого Липпмана, поскольку подобные идеи не встречались ни в каких официальных документах до появления в меморандуме Отдела планирования от 23 мая 1947 г., о котором речь пойдет ниже [14, p. 232].

Через неделю, 8 мая 1947 г., в ходе выступления в педагогическом колледже «Дельта» (Кливленд, штат Миссисипи) Дин Ачесон представил широкой общественности США идею об оказании помощи Европе как государственную программу [6]. Основные положения его речи получили одобрение Трумэна – при полном понимании того, что она может всколыхнуть всю страну [5, p. 227]. К подготовке речи были привлечены Джозеф Джонс и Фрэнсис Рассел². 23 апреля был закончен черновой вариант, 1 мая он был опробован на неофициальном обеде с группой из Лиги голосующих женщин, и к 6 мая работа над текстом была завершена [5, p. 228].

¹ Джонс, Джозеф (1908–1990) – помощник по особым поручениям помощника госсекретаря по связям с общественностью в 1946–1948 гг.

² Рассел, Фрэнсис (1904–1989) – директор Управления по связям с общественностью госдепартамента в 1945–1952 гг.

Ачесон заранее позаботился о том, чтобы европейская пресса не оставила его речь без внимания: он заранее сообщил трем находившимся в Вашингтоне крупным британским журналистам ее содержание [5, р. 228–229].

Выступление Ачесона не имело под собой реального фундамента, поскольку правительственные структуры США и отдельные чиновники, которым было поручено заняться изучением ситуации в Европе и разработать принципы оказания помощи, к 8 мая еще не представили никаких конкретных наработок. Таким образом, главной задачей было обозначить проблему, а не предложить ее решение. Однако это, без сомнения, был важный пробный шар – Трумэн и Ачесон хотели посмотреть на реакцию Конгресса, американского общества и европейских лидеров.

Как оказалось, расчет Ачесона был верным. Его выступление серьезно обеспокоило Артура Ванденберга – главу комитета по внешней политике Сената США, опасавшегося, что правительство будет запрашивать у Конгресса дополнительные средства в рамках текущей сессии [5, р. 230]. После частной беседы Маршалла, Ачесона и Ванденберга о проблемах и перспективах программы восстановления Европы Ванденберг превратился в одного из самых надежных сторонников программы и оказал решающее влияние на последующее одобрение соответствующих ассигнований Сенатом [21, р. ix].

В статье, появившейся 9 мая в «Нью-Йорк таймс», Джеймс Рестон заявил о радикальном повороте во внешнеполитическом курсе США. Опираясь на речь Ачесона, журналист сделал вывод о том, что администрация Трумэна направила свою активность на решение проблем восстановления Европы. «В высоких сферах, – сообщил Рестон, – гораздо больше опасаются экономического коллапса Европы, чем это признавалось в последние месяцы. Сейчас обсуждается, как Соединенные Штаты могут поднять на ноги демократическую Европу как единый организм, достаточно сильный для того, чтобы торговать с США и противостоять советской экспансии» [26].

В Европе на речь Ачесона отреагировали достаточно спокойно. Лондонская «Таймс», например, сочла, что «давний спор, которому речь г-на Ачесона придала новый и резкий поворот, должен оставаться делом Америки» [7].

Тем временем работа по выработке принципов программы взаимопомощи продолжалась на различных уровнях. Заместитель главы Управления по инвестициям и экономическому развитию госдепартамента Харольд Ван Бюрен Кливленд, заместитель директора Бюро международной торговой политики Пол Нитце и заместитель главы Управления торговой политики Бенджамин Мур в конце апреля 1947 г. начали работу над объемным меморандумом о программе восстановления Европы. Он был завершен уже после выступления Маршалла – 12 июня 1947 г.³ Ценность этого меморандума заключалась, в том числе, в признании ошибочным господствовавшего в американских правительственных кругах на протяжении 1946 г. стремления латать дыры в отдельных странах Европы и переориентации на комплексный подход к решению их проблем [15, р. 206]. Кроме того, авторы документа полагали, что распространение американской помощи на страны советского блока может сломать железный занавес, развеять беспокойство Советского Союза в отношении вопросов безопасности и способствовать развитию многосторонней международной торговли [12, р. 108].

На протяжении всего мая отдельные аспекты программы обсуждались на так называемых «четверговых ланчах», организованных заместителем помощника госсекретаря по экономическим вопросам Тайлером Вудом [10, р. 243].

Работа по выработке принципов программы взаимопомощи велась уже упоминавшимся комитетом SWNCC совместно с созданным 5 мая 1947 г. в рамках госдепартамента Отделом планирования внешней политики (Policy Planning Staff) под руководством Дж. Кеннана⁴ и завершилась первым отчетом, представленным 16 мая.

Среди первых рекомендаций Кеннана можно выделить следующие:

1. Программа американской помощи должна была по возможности стать приложением к программе внутреннего экономического сотрудничества между странами Западной Европы,

³ По другим сведениям, с Муром и Кливлендом работал Ч. Киндлбергер [12, р. 108; 13, р. 1054].

⁴ Кеннан, Джордж (1904–2005) – американский историк, чиновник, дипломат. Известен как архитектор холодной войны. Находясь в должности поверенного в делах США в Советском Союзе, в феврале 1946 г. отправил в госдепартамент свои соображения о невозможности поддержания дружественных отношений с Советским Союзом. Сегодня этот текст известен как «длинная телеграмма» (см. [4]). Один из главных разработчиков плана Маршалла. Позднее стал автором концепции «разрядки» во внешней политике США.

которая должна была, при наличии такой возможности, быть инициирована одной из них и пройти через Европейскую экономическую комиссию. <...>

2. Весь план предоставления американской помощи должен был основываться на гарантиях европейских стран, которые должны были исключить возможность коммунистического саботажа или злоупотреблений. Нужно было иметь возможность немедленно прекратить предоставление помощи в том случае, если что-то в этой сфере перестанет нас удовлетворять. <...>

3. Не следовало предлагать кредиты тем странам, которые были заведомо не в состоянии их вернуть. В этом случае уместно было говорить о «грантах».

4. Программу следовало составить таким образом, чтобы способствовать <...> региональной политической ассоциации стран Западной Европы <...>.

5. США должны были использовать свое влияние для того, чтобы программа, согласованная для западноевропейских стран, оставалась открытой для присоединения Чехословакии и других стран, находившихся в зоне влияния русских, как только они смогут гарантировать, что их участие будет конструктивным, и назначена на 5 июня 1947 г. [10, p. 222].

Как видим, предложения Кеннана существенно отличались от рекомендаций SWNCC. В них ничего не говорилось о возможном участии СССР – они изначально разрабатывались под Западную Европу и с перспективой создания там некоего подконтрольного США политического института.

В первом отчете отдела Кеннана, обнародованном 23 мая 1947 г., утверждалось, что «трудности Западной Европы коренятся не в активности коммунистов», а в «разрушительном воздействии войны на экономическую, политическую и социальную структуру Европы и полном истощении физических мощностей и душевных сил». Признавалось, что коммунизм эксплуатирует европейский кризис и его дальнейшие успехи могут стать серьезной угрозой американской безопасности, однако усилия США по оказанию помощи Европе должны быть направлены не на борьбу с коммунизмом, а на возрождение экономического здоровья и духа европейского общества [10, p. 224–225].

О механизмах реализации помощи в документе говорилось следующее:

«Прежде всего нужно попытаться провести проект через Европейскую экономическую комиссию – возможно, в форме предложения для общеевропейского (а не только западноевропейского) сотрудничества; однако затем нужно будет сделать так, чтобы страны-сателлиты СССР либо сами отказались от участия из-за нежелания принять предложенные условия, либо согласились пересмотреть эксклюзивную ориентацию своих экономик. Если русские смогут заблокировать любую подобную схему в Европейской экономической комиссии, тогда ключевым странам Западной Европы может потребоваться возможность собраться вместе без участия Советского Союза и его сателлитов» [10, p. 228].

27 мая свое видение принципов и задач программы помощи изложил в меморандуме заместитель госсекретаря США по экономическим вопросам У. Клейтон, незадолго до того вернувшийся из поездки по Европе. Отмечая колоссальный платежный дефицит основных стран капиталистической Европы, Клейтон предостерегал: «Крушение Европы будет иметь драматические последствия для мира во всем мире, оно неминуемо и катастрофически отразится на американской экономике» [10, p. 231]. Такой же вывод после соответствующих изысканий сделал и Ачесон: «Через 12–18 месяцев мир уже не сможет покупать американские товары в объемах 1946–1947 гг.» [28, p. 86].

По мнению Клейтона, американская программа экономической помощи могла стать идеей, вокруг которой страны Европы могли бы сплотиться и в дальнейшем действовать сообща [10, p. 232].

Впрочем, сплотить требовалось и американский народ: «Президенту и госсекретарю придется обратиться к американскому народу с призывом принести некоторые жертвы, немало затянуть пояса, чтобы спасти Европу от голода и хаоса (а не от русских) и в то же время сохранить для нас и наших детей славное наследие свободной Америки» [10, p. 232].

На следующий день, 28 мая, Маршалл встретился с Кеннаном, Клейтоном и главами других подразделений госдепартамента для обсуждения полученных рекомендаций. На этой встрече вновь прозвучала идея экономической федерации Европы, впервые озвученная У. Ростоу в начале 1946 г. (см. выше). Что касается стран советского блока, то было принято решение пригласить Восточную Европу и Советский Союз участвовать в программе помощи на общих условиях экономической интеграции в Европу [10, с. 234–236]. При этом изначально Клейтон утверждал, что СССР, несмотря на плачевное состояние своей экономики, «должен

внести свой вклад в реконструкцию европейской экономики, в особенности стран, расположенных непосредственно к западу от его границ» [2, с. 57], а Кеннан предложил, чтобы Советский Союз участвовал в программе помощи сразу в двух ипостасях – и как донор, направляя излишние ресурсы нуждавшимся в них странам, и как получатель помощи [14, р. 253].

После того как ключевые моменты были согласованы, необходимо было найти площадку и повод для выступления Маршалла. В его графике ближайшее публичное мероприятие было намечено лишь на 17 июня, но ситуация в Европе требовала немедленных действий. Некоторое время назад Маршаллу была присуждена степень почетного доктора Гарвардского университета, от которой – как и от многих других – он отказался. Руководство университета сообщило, что степень все же будет присуждена, а соответствующую церемонию можно будет провести позже. Таким образом, и повод, и площадка были найдены, а церемония подготовлена в кратчайшие сроки [15, р. 30–31].

30 мая Маршалл вплотную занялся составлением текста своего выступления. В меморандуме своему помощнику генералу Картеру он изложил пункты, которые собирался в него включить [21].

Картер поручил составление первого варианта речи Чарлзу Болену – крупному эксперту по Советскому Союзу, ставшему с приходом Маршалла на пост госсекретаря одним из ключевых советников Трумэна по внешнеполитическим вопросам. Болен опирался не только на меморандумы Кеннана и Клейтона, но и на собственные впечатления, вынесенные с московской конференции СМВД [8, р. 263–264]. Свой вариант речи Маршалла представил также Джоозеф Джонс, однако, по имеющимся данным, его соображения не вошли в итоговый вариант текста [21, р. 112].

Болен закончил работу над речью 2 июня, а 3 или 4 июня, по воспоминаниям Ч. Киндлбергера, главы Управления по экономическим делам Австрии и Германии госдепартамента США, Маршалл собрал своих заместителей на специальное совещание для ее обсуждения, на котором проявилось фундаментальное расхождение позиций Клейтона и Кеннана. Любопытно, что в целом в госдепартаменте было столько противников программы помощи, что Уолтер Сейлэнт, помощник главы Управления по экономическим делам Австрии и Германии, полагал, что она вообще не будет разработана⁵.

Сам Маршалл позднее так рассказывал о днях, предшествовавших выступлению в Гарварде: «Изначально речь создавалась следующим образом. Я обсудил ее с Джорджем Кеннаном из Отдела планирования и с Чипом Боленом и попросил каждого из них начать абсолютно независимо друг от друга и представить мне свои соображения. Потом я потерял терпение и начал диктовать какие-то свои мысли. А когда получил их наработки, они оказались совершенно другими. Я взял кусок текста Кеннана, кусок текста Болена и кусок своего текста и собрал их вместе. Это и стало началом речи» [24, р. 559].

В Европе инициативу Маршалла заметили далеко не сразу, поскольку ни американские посольства в странах Европы, ни посольства европейских стран в Вашингтоне не были заранее проинформированы о содержании его речи. В воспоминаниях Ачесона говорится, что ее проигнорировали все ключевые европейские СМИ за исключением «Дейли Телеграф» и BBC, которые, как и министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин, получили текст выступления Маршалла лично от Ачесона [5, р. 232–234]. Лишь через несколько дней, когда более полная информация об инициативе американской стороны дошла до Лондона, Парижа и других европейских столиц, последовали многочисленные консультации с Великобританией и Францией в Европе и в Вашингтоне (в двух- и трехстороннем формате), а также совещания с американскими дипломатами в Европе.

12 июня Маршалл направил американскому послу в Париже Дж. Кэффери, а также послам в Италии, Бельгии и Нидерландах секретную телеграмму, в которой просил их высказать мнение относительно политических и технических возможностей реализации программы: «Вследствие нашей огромной заинтересованности в восстановлении Европы и нашей роли оккупирующей державы, важно, чтобы мы как можно скорее получили сведения о том, насколько европейская программа выполнима с политической и технической стороны» [10, р. 249].

Что касается Советского Союза, то в госдепартаменте понимали, что исключение советской стороны из участия в программе помощи будет способствовать более быстрому принятию решений и поможет избежать длительных проволочек. Кроме того, существовали серь-

⁵ Скорее всего, Киндлбергер ошибся в дате, имеется в виду встреча 28 мая [10, р. 244–245].

езные опасения, что поддержка плана Маршалла Москвой и ожидавшиеся от нее большие запросы приведут к тому, что он не будет одобрен Конгрессом [8, р. 264]. При этом ни Клейтон, ни Болен, ни Кеннан, ни Ачесон, ни сам Маршалл не смогли взять на себя ответственность за разделение Европы, к которому неминуемо должно было привести исключение СССР из участия в консультациях по выработке программы помощи и в ее последующей реализации. Окончательное решение вопроса было отдано на откуп Великобритании и Франции, которые также побоялись принять подобное решение. 19 июня в Москве было получено официальное приглашение британского и французского правительств принять участие в дальнейших консультациях по плану экономической помощи Европе [3].

Необходимо подчеркнуть, что реального плана помощи Европе у американской стороны не было ни 5-го, ни 19-го июня 1947 г. [23]. Известно, что в день выступления Маршалла на совещании высокопоставленных чиновников госдепартамента было решено избегать не только дальнейших публичных заявлений, но и предварительных переговоров с Конгрессом, поскольку, по словам Ачесона, «наши речи уже опередили наши замыслы» [22]. А на пресс-конференции 18 июня 1947 г. У. Клейтон открыто заявил о том, что «никакой программы помощи пока не существует» [9, р. 429].

Подводя итоги, отметим, что в правительственных кругах идея оказания комплексной помощи Европе впервые прозвучала в отчете Отдела планирования Кеннана, причем это случилось через три недели после того, как она была озвучена известным журналистом Уолтером Липпманом. В выработке принципов программы принимали участие разные правительственные структуры и отдельные чиновники, и уже на этапе разработки в их видении того, какими должен быть круг реципиентов помощи, условия ее предоставления и степень вмешательства США во внутренние дела Европы, выявилось значительное расхождение. Одним из принципиальных вопросов, также не нашедших общего решения, стала проблема участия в программе Советского Союза и стран, находившихся в орбите его влияния. С самого зарождения идея об оказании помощи Европе получила значительную медийную поддержку в крупнейших изданиях США. Журналисты, освещавшие процесс разработки принципов программы в прессе, выполняли роль своеобразного связующего звена между правительством и обществом, причем зачастую именно они «вбрасывали» в народ те сведения, которые позднее включались в программные выступления госсекретаря Маршалла и близких к нему авторов плана помощи Европе.

Забегая вперед, отметим, что дальнейшая судьба плана Маршалла и в Соединенных Штатах Америки, и в Европе была нелегкой. Борьба Лондона и Парижа за лидерство во вновь создаваемых институтах реализации помощи, окончательный раскол Европы на Западную и Восточную, противостояние определенных деловых и политических кругов США – вот лишь немногие из тех проблем, с которыми архитекторам плана Маршалла пришлось столкнуться на первых этапах реализации. Возможно, хотя бы части этих проблем можно было бы избежать, если бы подготовке экономических и политических основ программы помощи Европы было уделено немного больше времени.

Список литературы

1. Калинин А. А. На переднем рубеже холодной войны: СССР, США и гражданская война в Греции (1944–1949 гг.). Киров : Науч. изд-во ВятГУ, 2018. 616 с.
2. Наринский М. М. Нарастание конфронтации: план Маршалла, Берлинский кризис // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / под ред. Ю. Н. Афанасьева. Т. 2. М. : Российский государственный университет, 1997. С. 54–89.
3. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Нота с приглашением принять участие в обсуждении плана помощи Европе, переданная Я. Малику П. Шарпантье и М. Петерсоном 19 июня 1947 г. Ф. 17. Оп. 166. Д. 790. Л. 189–190.
4. Юнглод В. Т. Новая и очень нужная парадигма: Длинная телеграмма Дж. Ф. Кеннана как альтернатива принципам Ялты // Вехи американской истории : сб. статей, посвященный 70-летию доктора исторических наук, профессора Владимира Викторовича Согрина. М., 2015. С. 117–138.
5. Acheson D. Present at the Creation: My Years in the State Department. N. Y. : W. W. Norton & Co, 1969. 798 p.
6. Acheson D. The Requirements of Reconstruction // Department of State Bulletin. 1947. Vol. 16. No. 411. Pp. 991–994.
7. America Looks Ahead // The Times. 1947. May 9. P. 5.
8. Bohlen C. E. Witness to History, 1929–1969. N. Y. : W. W. Norton & Co., 1973. 562 p.
9. Cromwell W. C. The Marshall Non-Plan, Congress and the Soviet Union // The Western Political Quarterly. 1979. Vol. 32. No. 4. Pp. 422–443.

10. Foreign Relations of the United States. 1947. Vol. III. Washington : Government Printing Office, 1972. 1131 p.
11. Foreign Relations of the United States. 1947. Vol. V. Washington : Government Printing Office, 1971. 1377 p.
12. Halsey S. Toward the Marshall Plan: the dialogue between the Truman administration and the elite press // The Fletcher Forum of World Affairs. 1998. Vol. 22. No. 2. Pp. 107–130.
13. Jackson S. Prologue to the Marshall Plan: The Origins of the American Commitment for a European Recovery Program // The Journal of American History. 1979. Vol. 65. No. 4. Pp. 1043–1068.
14. Jones J. The Fifteen Weeks. New York : Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1955. 296 p.
15. Kindleberger C. P. Marshall Plan Days. New York : Routledge, 2009. 288 p.
16. Lippmann W. A Most Tentative Budget // St. Louis Post-Dispatch. 1947. February 26. P. 3.
17. Lippmann W. Marshall and Dulles // Washington Post. 1947. May 1. P. 13.
18. Lippmann W. The Coming Crisis in Britain // St. Louis Post-Dispatch. 1947. February 13. P. 3.
19. Lippmann W. What Marshall Is Achieving // Washington Post. 1947. April 17. P. 11.
20. Marshall Papers // Marshall Research Library. Box 155. Folder 5.
21. Mills N. Winning the Peace: The Marshall Plan and America's Coming of Age as a Superpower. Hoboken, N. J. : Wiley, 2008. 304 p.
22. Minutes of Meeting, June 5, 1947 // National Archives. Records of the Policy Planning Staff, 1947–1953. Box 32. Minutes of Meetings.
23. Notes for Secretary Marshall, July 21, 1947 // National Archives. Records of the Department of State. Records of the Policy Planning Staff, 1947–1953. Box 33. Chronological File, 1947.
24. Pogue F. C., George C. Marshall: Interviews and Reminiscences. Lexington, VA : G. C. Marshall Research Foundation, 1991. 650 p.
25. President Harry S. Truman's Address Before a Joint Session of Congress. March 12, 1947. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/trudoc.asp (дата обращения: 08.01.2022).
26. Reston J. Administration Now Shifts Its Emphasis on Foreign Aid: Economic Reconstruction of Western Europe Now Held Best Bar to Soviet Expansion // The New York Times. 1947. May 9. P. 3.
27. Reston J. Overall View of Europe Sought to Guide Congress // The New York Times. 1947. April 17. P. 12.
28. Steil B. The Marshall Plan: Dawn of the Cold War. Oxford : Oxford University Press, 2018. 624 p.
29. The Papers of George Catlett Marshall. Vol. 6: January 8, 1947 – September 30, 1949. Baltimore and London : The Johns Hopkins University Press, 2013. 880 p.
30. Wallace Address // Washington Post. 1947. March 20. P. 24.

"While doctors are thinking, the patient is dying": how the Marshall Plan was born

K. V. Minkova

PhD in Historical Sciences, senior lecturer at the Department of American Studies,
St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg. ORCID: 0000-0001-5833-6808.
Researcher ID: M-6859-2016. E-mail: k.minkova@spbu.ru.

Abstract. The relevance of the proposed topic is determined by the presence of the Cold War theme and its origins in today's social and political discourse of Russia and the United States. The final rupture of relations between East and West was caused by the division of Europe into two camps after the implementation of the Marshall Plan began. The purpose of the article is to reveal the prerequisites and trace the process of preparing the speech of Secretary of State George Marshall, delivered on June 5, 1947 at Harvard University. The subject of the study is the process of political decision-making in the United States.

The author comes to the conclusion that the decision on the need to implement the American program of assistance to Europe was made in a very short time; the development of the basic principles of this program also took place quickly. As a result, neither the American society nor the recipients of aid received a full understanding of the essence of the program, and its developers were unable to calculate all the risks and avoid a number of major problems, the key of which was the beginning of the cold war between East and West.

The results of the article can have practical and scientific application. The scientific one is connected with the fact that in Russian historiography the process of developing the principles of economic assistance to Europe has not been studied in sufficient detail. Practical – to promote understanding of the process of making foreign policy decisions in the United States, and this process has not undergone significant changes since that time.

Keywords: the European Reconstruction Program, Acheson, Kennan, Truman, Clayton, US foreign policy, the Marshall Plan.

References

1. Kalinin A. A. *Na perednem rubezhe holodnoj vojny: SSSR, SShA i grazhdanskaya vojna v Grecii (1944–1949 gg.)* [At the forefront of the Cold War: the USSR, the USA and the Civil War in Greece (1944–1949)]. Kirov. VyatSU Scientific Publishing House. 2018. 616 p.
2. Narinskij M. M. *Narastanie konfrontacii: plan Marshalla, Berlinskij krizis* [The rise of confrontation: the Marshall Plan, the Berlin crisis] // *Sovetskoe obshchestvo: vznikovenie, razvitie, istoricheskij final* – Soviet Society: emergence, development, historical finale / ed. by Yu. N. Afanasyev. Vol. 2. M. Russian State University. 1997. Pp. 54–89.
3. RGASPI (Russian State Archive of Socio-Political History). Note with an invitation to take part in the discussion of the plan of assistance to Europe, transmitted by J. Malik P. Charpentier and M. Peterson on June 19, 1947 F. 17. Inv. 166. File 790. Sh. 189–190.
4. Yungblud V. T. *Novaya i ochen' nuzhnaya paradigma: Dlinnyaya telegramma Dzh. F. Kennana kak al'ternativa principam Yalty* [A new and very necessary paradigm: A long telegram by J. F. Kennan as an alternative to the principles of Yalta] // *Novaya i ochen' nuzhnaya paradigma: Dlinnyaya telegramma Dzh. F. Kennana kak al'ternativa principam Yalty* – Milestones of American history : collection of articles dedicated to the 70th anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor Vladimir Viktorovich Sogrin. M., 2015. Pp. 117–138.
5. Acheson D. *Present at the Creation: My Years in the State Department*. N. Y. : W. W. Norton & Co, 1969. 798 p.
6. Acheson D. *The Requirements of Reconstruction* // Department of State Bulletin. 1947. Vol. 16. No. 411. Pp. 991–994.
7. *America Looks Ahead* // The Times. 1947. May 9. P. 5.
8. Bohlen C. E. *Witness to History, 1929–1969*. N. Y. : W. W. Norton & Co., 1973. 562 p.
9. Cromwell W. C. *The Marshall Non-Plan, Congress and the Soviet Union* // The Western Political Quarterly. 1979. Vol. 32. No. 4. Pp. 422–443.
10. *Foreign Relations of the United States*. 1947. Vol. III. Washington : Government Printing Office, 1972. 1131 p.
11. *Foreign Relations of the United States*. 1947. Vol. V. Washington : Government Printing Office, 1971. 1377 p.
12. Halsey S. *Toward the Marshall Plan: the dialogue between the Truman administration and the elite press* // The Fletcher Forum of World Affairs. 1998. Vol. 22. No. 2. Pp. 107–130.
13. Jackson S. *Prologue to the Marshall Plan: The Origins of the American Commitment for a European Recovery Program* // The Journal of American History. 1979. Vol. 65. No. 4. Pp. 1043–1068.
14. Jones J. *The Fifteen Weeks*. New York : Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1955. 296 p.
15. Kindleberger C. P. *Marshall Plan Days*. New York : Routledge, 2009. 288 p.
16. Lippmann W. *A Most Tentative Budget* // St. Louis Post-Dispatch. 1947. February 26. P. 3.
17. Lippmann W. *Marshall and Dulles* // Washington Post. 1947. May 1. P. 13.
18. Lippmann W. *The Coming Crisis in Britain* // St. Louis Post-Dispatch. 1947. February 13. P. 3.
19. Lippmann W. *What Marshall Is Achieving* // Washington Post. 1947. April 17. P. 11.
20. *Marshall Papers* // Marshall Research Library. Box 155. Folder 5.
21. Mills N. *Winning the Peace: The Marshall Plan and America's Coming of Age as a Superpower*. Hoboken, N. J. : Wiley, 2008. 304 p.
22. *Minutes of Meeting*. June 5, 1947 // National Archives. Records of the Policy Planning Staff, 1947–1953. Box 32. Minutes of Meetings.
23. *Notes for Secretary Marshall*, July 21, 1947 // National Archives. Records of the Department of State. Records of the Policy Planning Staff, 1947–1953. Box 33. Chronological File, 1947.
24. Pogue F. C., George C. *Marshall: Interviews and Reminiscences*. Lexington, VA : G. C. Marshall Research Foundation, 1991. 650 p.
25. *President Harry S. Truman's Address Before a Joint Session of Congress*. March 12, 1947. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/trudoc.asp (date accessed: 08.01.2022).
26. Reston J. *Administration Now Shifts Its Emphasis on Foreign Aid: Economic Reconstruction of Western Europe Now Held Best Bar to Soviet Expansion* // The New York Times. 1947. May 9. P. 3.
27. Reston J. *Overall View of Europe Sought to Guide Congress* // The New York Times. 1947. April 17. P. 12.
28. Steil B. *The Marshall Plan: Dawn of the Cold War*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 624 p.
29. *The Papers of George Catlett Marshall*. Vol. 6: January 8, 1947–September 30, 1949. Baltimore and London : The Johns Hopkins University Press, 2013. 880 p.
30. *Wallace Address* // Washington Post. 1947. March 20. P. 24.

«Возвращение праха»: перезахоронение останков Наполеона II в оккупированном Париже

С. В. Виватенко¹, Т. Е. Сиволап², О. А. Ларичева³

¹кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: svivat@bk.ru

²кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: tntslp@mail.ru

³старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: laricheva@gukit.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме перезахоронения праха Наполеона II («Орленка») в Париже в период немецкой оккупации. В политических целях руководство нацистской Германии решило преподнести правительству Виши и всей Франции «подарок» – передать ей останки сына Наполеона I. Перезахоронение проходило в декабре 1940 г. Авторы отмечают, что прах «Орленка» оказался разменной монетой в политике нацистской Германии по отношению к режиму Виши, который Берлин рассчитывал сильнее привязать к себе. Делается вывод о том, что, несмотря на развернутую вокруг перезахоронения пропагандистскую кампанию, свою цель эта акция не достигла.

Ключевые слова: Франция, режим Виши, Наполеон II, перезахоронение, Париж, оккупация, нацистская Германия.

Вы еще услышите, как Париж будет кричать: «Да здравствует император!»

Слова Наполеона на смертном одре

«Рождение и смерть – вот вся моя история».

Наполеон II

Летом 1940 г. вермахт разбил французскую армию и заставил Третью республику капитулировать. Униженная Франция вынуждена была пойти на выполнение всех требований нацистской Германии. Для продолжения войны с Великобританией Третьему рейху нужен был спокойный и лояльный тыл. Поэтому для улучшения отношений между двумя народами Германия решила преподнести правительству Виши и всей Франции «подарок» – передать ей останки Наполеона II – сына императора Наполеона I и его единственного законного потомка мужского пола.

Для укрепления своей власти император Наполеон I очень нуждался в наследнике. Ради этого он был вынужден развестись с бесплодной Жозефиной Богарне и сочетаться браком с молодой австрийской принцессой Марией-Луизой¹. Свадьба состоялась 1 апреля 1810 г., а 20 марта 1811 г. Мария-Луиза родила в парижском дворце Тюильри мальчика, получившего титул короля Рима.

Такой не типичный для французской традиции титул был отражением внешней политики и внутривосточной борьбы, которую вел император в это время. Он должен был напомнить Римскому Папе – Пию VII, который в то время был, по сути, пленником Наполеона, что Вечный город являлся тогда всего лишь центром одного из 130 департаментов Империи. Это также был способ вписать себя в историю одновременно как преемника и римских императоров, и императоров Священной Римской империи Германской нации, поскольку традиция требовала, чтобы его назначенный преемник носил титул «король римлян». Это был также жест в сторону свекра Наполеона I – австрийского императора Франца I, которого новоиспеченный зять после Ваграма заставил отказаться от титула главы Священной Римской империи Германской нации.

По случаю рождения сына императора в Париже был произведен артиллерийский салют. По установленной во Франции традиции, в случае рождения в монаршей семье мальчи-

ка, делался 101 пушечный выстрел (и 21, если речь шла о девочке) [18]. Как вспоминала очевидица этого события графиня де Буань: «После 22-го выстрела парижане позволили долгим криком вырваться наружу своей радости» [13, p. 306].

В свидетельстве о рождении наследника, внесенном в специальный реестр, было указано: «Его величество император и король сообщили нам, что его намерение состояло в том, чтобы король Рима получил имена Наполеон, Франсуа, Жозеф, Шарль». Наполеоном звали его отца, Франсуа (Францем) – его деда по материнской линии, а Шарлем – его деда по отцовской линии; что касается Жозефа – то так звали брата Наполеона Жозефа Бонапарта и дядю матери великого герцога Вюрцбургского, который к тому же стал и крестным отцом ребенка. В целом, имена Франсуа (Франц), Жозеф (Йозеп) и Шарль (Карл) являются общими для антропонимического репертуара как для семьи Бонапартов, так и для Габсбург-Лотарингского дома.

Римский король был долгожданным наследником престола для новой династии и поэтому получил прозвище L'Aiglon («Орленок»). После двух отречений (1814 и 1815 гг.) и, наконец, смерти отца (1821 г.) он трижды провозглашался бонапартистами императором Наполеоном II, однако фактически никогда не правил [12, pp. 25–26].

Последняя встреча «Орленка» с отцом произошла перед отправкой императора в действующую армию 24 января 1814 г. [16, p. 534].

После взятия 31 марта 1814 г. войсками антинаполеоновской коалиции Парижа король Рима с матерью был отправлен в Вену, где проживал под покровительством своего деда Франца I, который воспитывал его в традициях Габсбургского дома. Он никогда больше не видел отца и не бывал во Франции². При дворе австрийского императора, в Вене, ребенка звали на немецкий манер Францем, никто не звал Наполеоном; при нем старались не упоминать о его отце, называя его «сыном Ее Высочества эрцгерцогини». Несмотря на это, он знал о своем отце, был горячим его поклонником и тяготился австрийским двором.

Нет никаких свидетельств тому, чтобы он явно или тайно пытался претендовать на власть во Франции, и ему за его короткую жизнь ни разу не доверяли задачи политического руководства. Лишь в 1818 г. его дед австрийский император Франц I преподнес ему подарок, передав в управление судетский городок Райхштадт³, и в связи с этим возвел его в герцогское достоинство. Под именем герцога Райхштадтского он и вошел в историю⁴.

Герцог с раннего возраста мучился от проблем с легкими и, в конце концов, заболел туберкулезом. Находясь на смертном одре, Орленок с горечью произнес: «Мое рождение и моя смерть – вот и вся моя история. Между моей колыбелью и моей могилой большой ноль!» [19]. Умер Наполеон II 22 июля 1832 г. в возрасте 21 года во дворце Шенбрунн недалеко от Вены.

Тело Орленка, облаченное в военную форму полковника Нассауского полка⁵ [4], было погребено в Императорском склепе под церковью капуцинов в Вене. По приказу его деда австрийского императора Франца I для помещения саркофага покойного была сооружена пристройка к собору – склеп Franzensgruft⁶, в котором позже были захоронены сам Франц I и мать Наполеона II Мария-Луиза. Сердце же Орленка было похоронено в склепе Габсбургов, а его внутренности – в герцогском склепе собора Святого Стефана. Это соответствовало похоронной церемонии, принятой при венском дворе того времени. «Раздельное погребение» с фракционированием тела между тремя традиционными венскими захоронениями Габсбургов (императорский склеп, сердечный склеп, герцогский склеп) не было чем-то экстраординарным, такой погребальный обряд был совершен еще над 41 членом династии Габсбургов.

Впервые идею перенесения праха Орленка французские власти озвучили в 1852 г., когда к власти во Франции пришел двоюродный брат⁷ Наполеона II Луи-Наполеон Бонапарт. Последний попытался перезахоронить герцога Райхштадтского рядом с отцом в Доме Инвалидов, но Франц-Иосиф I категорически отказал Наполеону III⁸ [2, p. 215].

² Последняя встреча Наполеона с сыном произошла весной 1814 г.

³ Сейчас это чешский город Закупы.

⁴ В разные периоды своей жизни он носил титулы короля Рима, герцога Пармского и герцога Райхштадтского.

⁵ Военная форма полка Нассау была белого цвета, поэтому, кроме прозвища Орленок, его часто называли Белым герцогом.

⁶ Пристройка была спроектирована австрийским архитектором Иоганном Аманом.

⁷ Он был сыном брата Наполеона Луи Бонапарта.

⁸ Наполеону III удалось только перезахоронить рядом с братом Жерома и Жозефа Бонапартов.

При Третьей республике французские власти к семье Бонапартов относились скептически, поэтому если иностранные делегации почти никогда не пропускали посещение императорской гробницы, то французские официальные лица старались этого не делать. Во время Первой мировой войны французский президент Раймон Пуанкаре [1] трижды побывал в военном госпитале Дома Инвалидов, но ни разу не посетил могилу Наполеона⁹. А идея перезахоронения Наполеона II даже не рассматривалась.

Лишь перед началом Второй мировой войны в 1938 г. лидер немецко-французской народной дипломатии Отто Абец¹⁰ высказал идею, что Третий рейх мог бы вернуть прах Орленка¹¹, полагая, что это послужило бы франко-германскому сближению, но политический климат тогда был не очень благоприятным. А после Мюнхенского соглашения (1938 г.) и насильственного уничтожения чехословацкого государства (1939 г.) достоверно рекламировать якобы мирную политику Берлина по отношению к Парижу становилось все труднее, и Абец 30 июня 1939 г. был назван персоной нон грата и вынужден был покинуть Францию.

Сразу после окончания французской кампании Отто Абец вернулся в Париж с первыми немецкими войсками 15 июня 1940 г. и принял на себя обязанности немецкого посланника в посольстве Германии. Фактически он был своего рода германским губернатором или наместником в побежденной Франции. Абец делил власть с военным командующим вермахта. Военный комендант должен был согласовывать с Абецем все политические вопросы¹².

Утвердившись в Париже, Абец вернулся к идее «возвращения праха». Однако нужно было, чтобы ее озвучила французская сторона, и по его предложению в сентябре 1940 г. это сделал секретарь парижской редакции журнала «Иллюстрасьон» (L'Illustration)¹³ Фелисьен Файе. Во время встречи с германским оккупационным руководством он вспомнил об идее возвращения праха Орленка в Париж и просил осуществить церемонию 15 декабря 1940 г., в день столетия возвращения праха Наполеона со Святой Елены на Родину [7].

Затем Абец через своего непосредственного начальника Иоахима фон Риббентропа донес это предложение до Адольфа Гитлера. Фюрер ухватился за эту идею, поскольку преклонялся перед Наполеоном и был убежден, что такой жест вызовет поддержку французов, а также подтолкнет маршала Петена на еще более тесное сближение с Германией.

Гитлер личной телеграммой сообщил маршалу Петену «о своем намерении по случаю столетней годовщины возвращения праха Наполеона передать Франции останки его сына, чтобы они могли теперь покоиться с ним, под одним куполом» [3]. Маршал немедленно ответил благодарственным письмом «от всех французов».

Было принято решение, что ответственным за проект со стороны Германии назначается Отто Абец, а от Франции реализацию проекта поручат известному коллаборационисту Жак Бенуа-Мешэну¹⁴, занимавшему тогда должность главы французской дипломатической миссии по делам военнопленных в Берлине.

Немецкое руководство считало, что такой жест заставит Филиппа Петена приехать из Виши в Париж, в котором он отказывался бывать, пока город находится под оккупацией. По их мнению, во французской столице стороннику более тесного сотрудничества с Германией П. Лавалю будет проще навязать маршалу «новое более активное коллаборационистское правительство и назначить более сговорчивых министров» [15, р. 134].

Неожиданно в мероприятие вмешалась третья сторона. Итальянский диктатор Бенито Муссолини выступил против возвращения праха Наполеона II, так как Италия в случае победы во Второй мировой войне должна была получить в том числе и французский остров Корсику. Поэтому он полагал, что прах корсиканских выходцев Бонапартов должен принадлежать Италии. Но Гитлер эту претензию проигнорировал [17, pp. 91–100].

⁹ Он побывал там 5 мая 1915 г., 14 июля 1915 г. и 4 июля 1917 г.

¹⁰ Он был организатором немецко-французских летних молодежных лагерей мира, проводившихся при поддержке «Гитлерюгенда» и германского МИДа.

¹¹ Это заявление последовало после Аншлюса.

¹² Формально он был только агентом министерства иностранных дел Франции, поскольку состояние войны с Францией все еще продолжалось.

¹³ Единственный журнал, которому немецкая администрация разрешила выходить в оккупированном Париже.

¹⁴ Он, в частности, был автором работы «Разъяснения по поводу «Майн кампф» Адольфа Гитлера, книги, которая изменила облик мира» (1939); после войны был отдан под суд.

Решение о перезахоронении держалось в секрете до последнего момента. Только накануне этого события небольшое количество контролируемых оккупационной властью парижских журналистов и часть прогермански настроенных деятелей искусства получили приглашение посетить резиденцию германского посла Отель Богарне (Hôtel Beauharnais) на рю де Лилль в 23 часа 14 декабря 1940 г. Там их ждал сюрприз. Отто Абец заявил, что Германия по приказу фюрера передает Франции прах сына Наполеона. В заключение своего спича он сообщил присутствующим, что два часа назад специальный железнодорожный состав из Вены с прахом герцога Райхштадта, сына Наполеона, в бронзовом саркофаге, прибыл на Восточный вокзал Парижа (Gare de l'Est)¹⁵ [17, pp. 119–122]. Всем приглашенным было предложено посетить церемонию перезахоронения Наполеона II, которая пройдет этой ночью.

В 23.30 на железнодорожной платформе Восточного вокзала, куда прибыл состав, выстроился почетный караул из немецких солдат парижского гарнизона. 24 военнослужащих вермахта вынесли из специального вагона 800-килограммовый саркофаг, пронесли его на привокзальную площадь и там поставили на артиллерийский лафет, который прицепили к бронетранспортеру¹⁶.

Около вокзала на площади «11 ноября 1918 года» была сформирована траурная колонна из группы немецких мотоциклистов, броневиков и десяти машин. Ни один француз в эту колонну приглашен не был. Процессия тронулась с места в полночь. Она быстро добралась до Дома Инвалидов, так как улицы были пустынными, поскольку во французской столице действовал введенный оккупантами комендантский час, который начинался в 23.00.

Около половины второго траурная процессия прибыла на площадь Вобана и остановилась близ Дома Инвалидов. Немецкие солдаты перенесли тяжелый гроб за боковые ручки и поставили его на специальное возвышение. Перед церковью Дома собралось несколько десятков продрогших от холода французских высокопоставленных чиновников и гостей¹⁷. Среди приглашенных был известный писатель Саша Гитри, который позднее вспоминал об этом событии: «Это торжественно и грустно!».

От рва, который охватывает комплекс Дома Инвалидов по периферии, до ворот собора двести республиканских гвардейцев с горящими факелами в руках образовали двойную живую изгородь.

Маршал Филипп Петен, которого немецкие власти так хотели видеть в Париже, чтобы ему официально передать прах сына императора, на церемонии отсутствовал. Престарелый лидер вишистского правительства прекрасно осознавал, для чего ему предлагают посетить эту траурную церемонию. Поэтому он не намеревался на ней присутствовать, тянул время и, в конечном итоге, отказался от участия. В итоге правительство Виши на ритуале представлял уполномоченный французского правительства при немецком верховном командовании в оккупированном Париже Фернан де Бринон [10], а французских военных – адмирал Франсуа Дарлан.

Посол Гитлера Отто Абец, назначивший сам себя распорядителем церемонии, обратился к адмиралу Дарлану, который представлял маршала Петена: «Я отдаю вам прах герцога Райхштадта». Адмирал его поблагодарил, и приветствовал прах Орленка. Представители Франции приняли у немцев гроб, после этого начался процесс захоронения.

Двадцать республиканских гвардейцев взяли тяжелый бронзовый гроб на плечи, под звук барабанов и горна они торжественно пересекли двор и занесли его в церковь. Войдя внутрь, траурная процессия обошла круглую мраморную балюстраду; останки «Орленка» водрузили перед алтарем над красным порфирным саркофагом его отца¹⁸. Французские солдаты покрыли серый гроб Наполеона II огромным государственным трехцветным флагом [8].

После окончания церемонии гроб установили в часовне Святого Иеронима у подножия могилы его дяди Жерома Бонапарта, где в крипте часовни прах герцога Райхштадтского будет повторно похоронен.

Подконтрольная оккупантам пресса писала хвалебные тексты, отмечая, что благодаря «Гитлеру белый эрцгерцог теперь покоится со своим Отцом», называя перезахоронение «символом мира между Францией и Германией» и «отправной точкой Примирения Европы» [11].

¹⁵ В Париж было перенесено только тело герцога. Сердце и внутренности остались в Австрии.

¹⁶ Sonderkraftfahrzeug 251.

¹⁷ В тот день в Париже резко похолодало, и пошел первый снег.

¹⁸ Как писал вишистский журналист А. Кастело: «Орленок соединился с Орлом!»

Однако простые парижане это событие не оценили. Мало кто из них торопился в Дом Инвалидов взглянуть на гроб Орленка. Население не проявляло ни благодарности к оккупантам, ни энтузиазма в связи с этой помпезной церемонией. «Возвращение праха» жители французской столицы встретили с равнодушием, граничащим с презрением, а порой, с иронией. На следующий день, с намеком на холод в парижских домах, в городе распространился анекдот: «В Париж [захватчики] не поставляют угля, вместо него они нам отправили пепел!» [9, р. 131].

Оккупанты не получили ожидаемых дивидендов. Филипп Петен в Париже так и не появился, а главный апологет переноса праха и замирения с немцами вице-председатель правительства Виши Пьер Лаваль был отправлен в отставку, а затем и арестован 13 декабря 1940 г.¹⁹ [20]. Простые французы также не пожелали пожать немецкую руку примирения.

В английском правительстве, узнав о появлении в Париже «Орленка», серьезно стали обсуждать вопрос об аннексии французской части острова Святой Елены.

Впоследствии праху Наполеона II было суждено еще раз поменять свою дислокацию. Президент французской республики Шарль де Голль, который боготворил Наполеона Бонапарта, по случаю 200-летнего юбилея императора, отмечавшегося в 1969 г., поручил перенести саркофаг в нижнюю церковь, чтобы, в конечном итоге, «объединить» его с отцом, где он и находится в настоящее время. Перемещение произошло 18 декабря 1969 г. [14]. «Белый герцог» был перезахоронен в средней части галереи крипты, в ногах статуи Наполеона I, облаченного в одежды римского императора.

Прах сына Наполеона Бонапарта пытались использовать как разменную монету во взаимоотношениях между нацистской Германией и вишистской Францией. Но ожидаемые дивиденды от этой акции не получили ни руководители Третьего рейха, ни французские коллаборационисты.

Список литературы

1. Виватенко С. В., Евдокимова Н. П. Президент Франции Раймон Пуанкаре. СПб., 2004.
2. Кастело Андре. Сын Наполеона. Биография. М. : Захаров, 2007. 668 с.
3. Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М. : Мысль, 1987. 735 с.
4. Рейхштадтский герцог // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. Т. 82 и 4 доп. СПб., 1890–1907.
5. Тарле Е. В. Наполеон. М. : Пресса, 1941.
6. Тюлар Жан. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 2017.
7. Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М. : Центрполиграф, 2011. 927 с.
8. Шарль Лоран. Сын Наполеона. Ташкент : Главная редакция издательско-полиграфического концерна «Шарк», 1994.
9. Auroy Berthe. Jours de guerre. Ma vie sous l'occupation. P. : Edition Bayard, 2008.
10. Gilbert Joseph, Fernand de Brinon. L'aristocrate de la collaboration. Paris : A. Michel, 2002.
11. la Ligue Française // LE RETOUR DE L'AIGLON. 15 Décembre 1840 – 15 Décembre 1940 retour des cendres de Sainte Hélène et de l'aiglon, signé Pierre Costantini.
12. Martineau Gilbert. Le roi de Rome. Paris : Éditions France-Empire, 1982. 254 p.
13. Memoirs of the Comtesse de Boigne. 1781–1815. Vol. 1. San Francisco, California, 2007.
14. Musée de l'Armée: Les tombeaux et momnuments funéraires. In: Webseite des Musée de l'Armée in Paris. Musée de l'Armée, abgerufen am 14. Juni 2020.
15. Poisson Georges. Le retour des cendres de l'aiglon. P., 2016.
16. Tulard J. et Garros L. Napoléon au jour le jour. Paris, 1992.
17. Verges-Chaignon Bénédicte. Dans Les secrets de Vichy. P., 2019.
18. URL: https://www.herodote.net/20_mars_1811-evenement-18110320.php (дата обращения: 30.03.2022).
19. URL: <https://www.france-kz.com/?p=2490> (дата обращения: 30.03.2022).
20. URL: <http://www.slate.fr/story/196088/histoire-execution-pierre-laval-nazie-occupation-guerre-mondiale-regime-vichy>(дата обращения: 30.03.2022).

¹⁹ Петэн заставил всех министров написать заявление об отставке, но отставку принял только Пьер Лаваль.

"The Return of the Ashes": the reburial of the remains of Napoleon II in occupied Paris

S. V. Vivatenko¹, T. E. Sivolap², O. A. Laricheva³

¹PhD in Historical Sciences, associate professor, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television.
Russia, St. Petersburg. E-mail: svivat@bk.ru

²PhD in Historical Sciences, associate professor, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television.
Russia, St. Petersburg. E-mail: tntslp@mail.ru

³senior lecturer, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television.
Russia, St. Petersburg. E-mail: laricheva@gukit.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the reburial of the ashes of Napoleon II ("Eaglet") in Paris during the German occupation. For political purposes, the leadership of Nazi Germany decided to present the Vichy government and the whole of France with a "gift" – to give her the remains of Napoleon I's son. The reburial took place in December 1940. The authors note that the ashes of the "Eaglet" turned out to be a bargaining chip in the policy of Nazi Germany towards the Vichy regime, which Berlin hoped to bind to itself more strongly. It is concluded that, despite the propaganda campaign launched around the reburial, this action did not achieve its goal.

Keywords: France, Vichy regime, Napoleon II, reburial, Paris, occupation, Nazi Germany.

References

1. Vivatenko S. V., Evdokimova N. P. *Prezident Francii Rajmon Puankare* [President of France Raymond Poincare]. SPb. 2004.
2. *Castelo Andre. Syn Napoleona. Biografiya* [Napoleon's son. Biography]. M. Zaharov. 2007. 668 p.
3. *Manfred A. Z. Napoleon Bonapart* [Napoleon Bonaparte]. M. Mysl' (Thought). 1987. 735 p.
4. *Rejhshtadtskij gercog – The Duke of Reichstadt // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona : v 86 t. T. 82 i 4 dop.* – Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 vol. Vol. 82 and 4 add. SPb. 1890–1907.
5. *Tarle E. V. Napoleon* [Napoleon]. M. Press. 1941.
6. *Tyular Zhan. Napoleon, ili Mifo "spasitele"* [Napoleon, or the Myth of the "Savior"]. M. 2017.
7. *Chandler D. Voennye kampanii Napoleona. Triumf i tragediya zavoevatelya* [Napoleon's military campaigns. The triumph and tragedy of the conqueror]. M. Centrpoligraf. 2011. 927 p.
8. *Charles Laurent. Syn Napoleona* [Napoleon's son]. Tashkent. The main editorial office of the publishing and printing concern "Shark". 1994.
9. *Auroy Berthe. Jours de guerre. Ma vie sous l'occupation.* P. : Edition Bayard, 2008.
10. *Gilbert Joseph, Fernand de Brinon. L'aristocrate de la collaboration.* Paris : A. Michel, 2002.
11. *la Ligue Française // LE RETOUR DE L'AIGLON. 15 Décembre 1840 – 15 Décembre 1940 retour des cendres de Sainte Hélène et de l'aiglon, signé Pierre Costantini.*
12. *Martineau Gilbert. Le roi de Rome.* Paris : Éditions France-Empire, 1982. 254 p.
13. *Memoirs of the Comtesse de Boigne. 1781–1815. Vol. 1.* San Francisco, California, 2007.
14. *Musée de l'Armée: Les tombeaux et momnuments funéraires.* In: Website des Musée de l'Armée in Paris. Musée de l'Armée, abgerufen am 14. Juni 2020.
15. *Poisson Georges. Le retour des cendres de l'aiglon.* P., 2016.
16. *Tulard J. et Garros L. Napoléon au jour le jour.* Paris, 1992.
17. *Vergez-Chaignon Bénédicte. Dans Les secrets de Vichy.* P., 2019.
18. Available at: https://www.herodote.net/20_mars_1811-evenement-18110320.php (date accessed: 30.03.2022).
19. Available at: <https://www.france-kz.com/?p=2490> (date accessed: 30.03.2022).
20. Available at: <http://www.slate.fr/story/196088/histoire-execution-pierre-laval-nazie-occupation-guerre-mondiale-regime-vichy>(date accessed: 30.03.2022).

УДК 940.53(438)

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.068

Внутриполитические, региональные и международные аспекты польской государственности во время Второй мировой войны

Д. Г. Немчанинов

аспирант кафедры всеобщей истории, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: nemchaninovdaniil@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются проблемы польской государственности во время Второй мировой войны. Прослежены детерминанты и этапы эволюции внутренних изменений польского государства. Показано влияние обстановки в Польше на политическую ситуацию в регионе и на международные отношения в целом. Конкретизировано понятие «польский вопрос» для данного хронологического периода. Сделаны выводы о том, что, несмотря на оккупацию, Польша являлась действующим субъектом международных отношений и сохраняла частичный контроль над собственной территорией. Польский истеблишмент в своей стратегии руководствовался устаревшими внешнеполитическими паттернами, не учитывая новые реалии и используя в своей тактике конфронтационную концепцию «двух врагов» – Германии и СССР, что определяло не только внутриполитические, но и региональные стратегические модели.

Ключевые слова: польский вопрос, сентябрьская катастрофа, Польша, оккупация, линия Керзона.

История Второй мировой войны находится в фокусе исследований отечественных и зарубежных историков, а также современного политического руководства многих стран. Все чаще проявляется тенденция к ревизии итогов самого глобального конфликта XX в. Особую активность в данном вопросе проявляет Польша, руководство которой все чаще склоняется к пересмотру роли СССР во Второй мировой войне (от освободителя к агрессору), что вносит напряжение в ее отношения с Россией.

Учитывая тот факт, что Польша является важным геостратегическим партнером США в Восточной Европе, представляется целесообразным обратиться к некоторым вопросам польской государственности в период Второй мировой войны, чтобы прояснить отдельные спорные моменты, связанные с международным положением польского правительства, региональные аспекты его политики, состояние польского общества, проследить метаморфозы государственной власти этой страны, отдельно отметив роль западных союзников, в частности США. Указанные проблемы неоднократно поднимались отечественными и зарубежными историками (Чернышев Е. Ю., Самоделкин П. А., Богданович М., Бискупски М. и другие), однако открывшиеся в последние годы документальные источники позволяют по-новому изложить некоторые грани названных проблем.

Для прояснения отношения США к польской проблеме в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы необходимо прежде всего уточнить, что представляла из себя Вторая Речь Посполитая после 1 сентября 1939 г., какие произошли внутренние изменения в структуре польского государства, как они повлияли на ситуацию в регионе и на международные отношения в целом, а также раскрыть суть самого понятия «польский вопрос» применительно к данному периоду времени. Конкретизация перечисленных параметров позволит составить полную картину польского направления американской внешней политики в исследуемый период.

Понятия «польского вопроса» и Польши как государства с началом Второй мировой войны претерпевали существенные изменения. В сентябре 1939 г. Польша утратила свою независимость, так как органы государственной власти реально не контролировали польскую территорию. Формально Польша сохранила свою государственность и с точки зрения международного права того времени продолжала считаться сражающейся стороной в войне и союзником Великобритании и Франции. Ввиду этих противоречивых обстоятельств и возникла амбивалентность в подходах к Польше и польскому вопросу со стороны стран Запада, в том числе и США.

Несмотря на официальное признание Вашингтоном польского эмигрантского правительства как единственно законного представителя польского народа, фактически для американского руководства, как и для правительств Великобритании и Франции, происходит расширение дефиниции «Польша», которая, помимо официально признанного руководства, отныне могла включать в себя и отдельные польские вооруженные формирования на оккупированной территории, и структуры «подпольного государства», и организации просоветской направленности, и различные объединения поляков на территориях других стран. Такое расширение и неопределенность понятий «Польша» и «польский вопрос» изначально предопределяло сложности в определении правосубъектности польского государства в процессе дипломатических переговоров, в воссоздании польской государственности на завершающей стадии войны, а также в выборе возможных вариантов решения «польского вопроса» в процессе послевоенного урегулирования.

Определенно, фабулой «польского вопроса» было восстановление независимости Польши, а из этого проистекали остальные сопутствующие проблемы: перипетии польско-советских дипломатических отношений, а также дискуссии по поводу послевоенных границ, процедур и принципов создания правительства; масштабов и механизмов помощи различным польским вооруженным формированиям.

Восстановления независимой Польши желали и страны Запада (это было одной из их общих целей на протяжении всей войны), и сами поляки. Однако их взгляды на различные стороны польской проблемы, в частности, при обсуждении послевоенных границ и подходов к определению состава польского правительства, позиция польских политиков нередко расходилась с мнениями их западных союзников. И уж тем более взгляды польской стороны не совпадали с позицией советского руководства, подключившегося в 1941 г. к решению «польского вопроса». Все это заставляло Вашингтон постоянно вносить корректировки в свой курс относительно Польши, еще больше запутывая клубок противоречий вокруг польской проблемы [17, с. 53].

После «сентябрьской катастрофы» 1939 г. руководство Польши фактически утратило контроль над территорией своей страны. 28 сентября был подписан договор между СССР и Германией о дружбе и границе по рекам Сан и Западный Буг. Западные этнические польские земли отошли к Германии, а восточные, преимущественно украинские и белорусские – к Советскому Союзу. Земли, попавшие под германскую юрисдикцию, были расчленены. Силезия, Тешинская область, Великая Польша, Поморье, часть Келецкого, Краковского, Лодзинского и Варшавского воеводств (а после июня 1941 г. также Белосток с округой) были объявлены частью Германии. Краковский, Варшавский, Люблинский и Радомский дистрикты, а после начала Великой Отечественной войны и Львовщина были включены в состав так называемого «генерал-губернаторства для оккупированных польских земель» [15, с. 280, 283, 285].

Восточные территории Польши до 22 июня 1941 г. находились под советской юрисдикцией. Причем, Вильно с прилегающими землями советской стороной был передан Литовской республике, согласно советско-литовскому договору о взаимопомощи от 10 октября 1939 г., но ввиду присоединения в 1940 г. Литвы к Советскому Союзу данные территории вновь оказались под управлением Москвы. Германия по договору со Словакией от 21 марта 1940 г. выделила из своей доли Словакии территории, захваченные в 1920, 1924 и 1938 гг. бывшим польским государством [42, р. 218–222].

Таким образом, земли Второй Речи Посполитой фактически оказались разделены между четырьмя государствами – Германией, СССР, Литвой и Словакией. И вполне закономерно, что данные административно-территориальные изменения воспринимались в Вашингтоне не иначе как «четвертый раздел» Польши, хотя официально осуждению было подвергнуто только немецкое вторжение, на участие же остальных стран реакции Госдепартамента не последовало. Например, действие американского закона о нейтралитете¹ на СССР не распространялось [29, р. 136–137]. В данном случае, сторонами конфликта признавались только Германия, Польша, Великобритания и Франция. СССР стороной конфликта признан не был, что уже на тот момент свидетельствовало о готовности США «жертвовать» Польшей ради собственных прагматичных интересов.

---

¹ Закон США о нейтралитете, принятый 1 мая 1937 г., запрещал экспорт американского оружия, боеприпасов и военного снаряжения воюющим сторонам конфликта, как агрессору, так и жертве нападения. Подробнее: Public Resolution 27, 75th Congress, 50 Stat. 121 of May 1, 1937. URL: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/50/STATUTE-50-Pg121.pdf>

От объявления войны СССР польское правительство воздержалось ввиду давления западных союзников, рассчитывавших использовать Москву для борьбы с нацизмом. Непримируемая же позиция Польши по отношению к Советскому Союзу могла способствовать сближению его с Германией, чего явно не желали в Госдепартаменте [24, с. 126–128; 25, с. 79–80]. В итоге Сикорский был вынужден принять предложенную союзниками позицию, к тому же тайный протокол к польско-британскому договору в случае вторжения Советской России в Польшу прекратил бы свое действие [46, с. 593–594; 50, с. 76].

После нападения Германии на СССР была поставлена точка в вопросе о признании его агрессором и смены парадигмы в вопросе об оккупации Восточных Кресов. Восстановление довоенной польско-советской границы ассоциировалось в массовом сознании поляков с возрождением польской государственности и независимостью от Советской России. Именно по этой причине в расчетах польского истеблишмента граница, установленная Рижским договором 1921 г., рассматривалась как неперемное условие внутривосточной стабильности и геополитической безопасности на восточных границах страны [34, с. 121–126, 141–144]. Даже расширение западных польских границ за счет Германии воспринималось Польшей не как возможная компенсация за потерю Восточных воеводств, но как законное вознаграждение полякам за их жертвы и героическую борьбу [1, с. 16]. Советской же стороной данные установки оценивались как глубоко враждебные. Все это свидетельствовало об острых противоречиях между двумя странами и порождало напряженную атмосферу во взаимоотношениях между ними [20, с. 105].

Стоит отметить, что в Госдепартаменте США еще в начале 1919 г. рекомендовали провести восточную границу Польши в соответствии с этнографической границей расселения поляков [31, р. 1–2], соответствующей линии Керзона, считая, что перенесение ее дальше на восток может стать в будущем причиной нестабильности в данном регионе [39, р. 400–401]. В то же время польское население на данных территориях было значительно, особенно в крупных городах. Во Львове, не входившем в пределы так называемой этнографической Польши, население преимущественно было польским, и Львовское воеводство было населено значительным количеством этнических поляков [6, с. 32]. Наибольший процент поляков в Восточной Галиции был в Тарнопольском воеводстве, где они составляли почти половину населения. Виленское воеводство и город Вильно по этническому составу также были преимущественно населены поляками, литовское население здесь было минимальным. Также польское население доминировало в Гродно и Белостоке. Лишь на Волыни и в Полесье польское население было минимальным [32, р. 12–15]. Поэтому претензии Польши на Восточные Кресы, как минимум на Вильно и Львов, с точки зрения этнического состава выглядели вполне обоснованными, в то время как доводы советской стороны, утверждавшей о Львове и Вильно как о украинском и литовском городах, были не столь убедительны.

Внешнеполитические цели польского руководства имели и свои региональные особенности. В частности, эмигрантское правительство было крайне заинтересовано в создании после окончания войны конфедерации восточно-европейских государств между Балтикой, Адриатикой и Черным морем, куда помимо Польши вошли бы Чехословакия, а также союзники Германии – Венгрия, Румыния и, вероятно, некоторые страны Балканского полуострова [13, с. 135]. По мнению польского правительства, мирной и процветающей Европа могла стать лишь в случае построения политической и экономической федерации в составе Польши и других стран Восточной Европы [42, р. 232–233]. Роль лидера в таком региональном объединении отводилась Польше, территориально увеличенной после войны за счет присоединения германской Восточной Пруссии. Основной целью данной конфедерации было бы сдерживание влияния СССР и Германии в Восточной Европе [8, с. 91]. По польским расчетам, конфедерация представляла бы собой, прежде всего, военный блок, усиленный за счет передачи Польше восточногерманских областей, на территории которых было сосредоточено большое количество военной промышленности Германии [4, с. 7]. Однако в то же время президент Чехословакии Э. Бенеш считал невозможным создание конфедерации без опоры на Советский Союз. Польский премьер генерал В. Сикорский такую возможность не отрицал, но полагал, что соглашение с СССР возможно лишь тогда, когда на руках будут достаточно сильные козыри, ибо поляки не готовы уступить Москве Восточные Кресы [15, с. 302–303].

В глобальном масштабе основным союзником Польши во время Второй мировой войны оставалась лишь Великобритания, так как Франция сама оказалась под иностранной оккупацией. При этом поляки не теряли контакты и с коллаборационистским режимом Виши. Осо-

бое место для эмигрантского правительства занимали отношения с США, которые В. Сикорский стремился активировать и укрепить, о чем свидетельствуют неоднократные визиты польского премьера в Соединенные Штаты [15, с. 302–303]. Также польское эмигрантское правительство налаживало политические контакты с Латинской Америкой [5, с. 5].

С началом советского вторжения в Польшу 17 сентября 1939 г. польское руководство перебралось в Румынию, где и было интернировано румынскими властями. Президент Второй Речи Посполитой И. Мосьцицкий, находясь в Румынии, под давлением Франции и Великобритании распустил правительство Ф. Складковского, а президентский пост передал В. Рачкевичу. Главой правительства был назначен генерал В. Сикорский, не принадлежавший к числу активных сторонников прежнего режима санации [9, с. 234]. В судьбу же бывшего польского президента И. Мосьцицкого вмешался американский президент Ф. Рузвельт, благодаря усилиям которого экс-президенту Польши было разрешено выехать в Швейцарию [41, р. 699–706]. От посещения США Мосьцицкий воздержался, хотя и получил личное приглашение Рузвельта [36, р. 100–101].

Несмотря на то, что фактически произошла смена польского руководства, это было осуществлено в рамках Конституции Польши от 23 апреля 1935 г. [52], где подобный вариант был оговорен в статье 13. Согласно пунктам 1 и 3 данной статьи президент Польши во время войны имел право назначать своего преемника. По этой причине легитимность польского правительства в эмиграции ни Великобританией, ни Францией, ни США под сомнение не ставилась. И уже 2 октября Вашингтон официально признал правительство Польши в изгнании [40, р. 342].

Польское эмигрантское правительство до лета 1940 г. находилось в Париже, затем перебралось в Лондон. В его состав входили представители практически всех довоенных партий, так или иначе поддерживавших и принимавших санационный режим: Национальная партия (СН; Stronnictwo Narodowe – SN), Партия труда (СП; Stronnictwo Pracy – SP), Народная партия (СЛ; Stronnictwo Ludowe – SL), Польская социалистическая партия (ППС; Polska Partia Socjalistyczna – PPS) [17, с. 54].

Несмотря на оккупацию польской территории, нельзя безоговорочно утверждать, что правительство в изгнании абсолютно не имело над ней контроля. Уже в сентябре 1939 г. на польской территории стали возникать разнообразные гражданские и военные организации, которые позже смогли объединиться в единую структуру так называемого Польского подпольного государства (Polskie Państwo Podziemne), фактически представлявшего из себя систему государственно-политических институтов, объединявших оккупированные территории довоенной Польши. Руководство подпольным государством осуществлялось эмигрантским правительством через Делегатуру представительства на Родине (Delegatura Rządu na Kraj). Формально Делегатура осуществляла связь между Лондоном и территорией Польши, а фактически являлась высшей исполнительной властью на оккупированной польской территории, так как в прерогативы делегата входило принятие по согласованию с партиями политических решений и директив и взаимодействие с польскими вооруженными силами [15, с. 297].

27 сентября 1939 г. приказом командующего гарнизоном Варшавы генерала Ю. Руммеля была создана подпольная организация «Служба победе Польши» (Śłużba Zwycięstwu Polski – SZP), поддерживавшая связь с эмигрантским правительством. Руководителем SZP был назначен генерал М. Токаржевский-Карашевич, который обратился за поддержкой к представителям досентябрьской оппозиции (ППС, СЛ, СП и СН). В результате при «Службе победе Польши» был создан Главный политический совет (ГПС; Główna Rada Polityczna – GRP), в состав которого вошли представители данных партий. Целью этого шага была попытка отмежевать зарождающуюся подпольную военную организацию от бывшего санационного режима, который общество обвиняло в сентябрьском поражении, и, таким образом, заручиться поддержкой новых эмиграционных властей. Однако, по мнению премьер-министра генерала В. Сикорского, «Служба победе Польши» слишком близко находилась к лагерю Санации, поэтому 13 ноября 1939 г. был издан приказ о роспуске данной организации и замене ее Союзом вооруженной борьбы (СВБ; Związek Walki Zbrojnej – ZWZ) во главе с генералом К. Соснковским, а позже с С. Грот-Ровецким. Тем самым В. Сикорский ограничил влияние представителей санации в польском сопротивлении, усилив собственные позиции, так как новая организация входила в оперативное управление эмигрантского правительства [30, с. 76].

Особо острым для вооруженных сил эмигрантского правительства был вопрос пополнения своих воинских частей. В условиях оккупации возможности набора в армию были су-

щественно ограничены, поэтому требовались дополнительные человеческие ресурсы. Такие возможности могли представить зарубежные польские диаспоры, наиболее крупными из которых были поляки в СССР и США. Однако набор польских добровольцев в СССР до 22 июня 1941 г. был невозможен, поэтому взоры были обращены прежде всего к американской диаспоре. С лета 1940 г. эмигрантское правительство пыталось добиться разрешения на набор польских добровольцев в США [27, с. 2–4; 28, с. 1], но эта попытка фактически провалилась ввиду американского законодательства о нейтралитете. При этом руководство США не возражало против создания польской армии в Канаде под командованием польского генерала Б. Духа [26, с. 456]. В дальнейшем этот факт способствовал тому, что после нападения Германии на Советский Союз для польского эмигрантского правительства актуализировались восстановление дипломатических отношений с Москвой и заключение соглашения о военном взаимодействии [9, с. 236].

14 февраля 1942 г. СВБ был реорганизован в Отечественную армию (Армия Крайова – АК; Armia Krajowa – АК), все также возглавляемую Ровецким. Это была попытка консолидации всех польских подпольных вооруженных структур, прежде всего тех, которые принадлежали партиям, входившим в ГПС². АК должна была стать полноценной частью польских вооруженных сил, в которые помимо нее входили польские дивизии на Западе и армия генерала Андерса в СССР [15, с. 329].

СВБ, а потом и АК, подчинялись премьер-министру лондонского правительства как главнокомандующему всеми польскими вооруженными силами. Польское руководство считало СВБ и АК единой общенациональной организацией, преданной католическим идеалам и объединявшей для борьбы с оккупантами всех поляков, вне зависимости от их политических взглядов и социального статуса. Такая позиция находила отклик у многих поляков, способствовала росту у них популярности СВБ, а позднее и АК. Тем не менее ведение военных действий не являлось главной целью СВБ, они допускались лишь для самообороны организации. Основной задачей в деятельности СВБ, а потом и АК, являлось сохранение польского народа как биологической и культурной общности, что на практике проявлялось как аккумулирование людских ресурсов и вооружения, а также подготовка к общенациональному восстанию против оккупационного режима в подходящий момент и освобождения Польши западными союзниками с целью восстановления польской власти [49, с. 11].

Освобождение страны СВБ и АК связывала главным образом с успехами западных союзников. Такой прогноз опирался во многом на опыт Первой мировой войны, когда восточный фронт Германии находился вдали от польских границ. Польское руководство не исключало возможного дальнейшего конфликта Запада с СССР. Однако реалии Второй мировой войны были иными и польские элиты явно недооценивали геополитические изменения, произошедшие в мире, и не замечали усиливающуюся роль Советского Союза. Тем не менее рост среди поляков стремления к разнообразным формам сопротивления немецкому оккупационному режиму привел к изменению тактики АК, все более смещавшейся в сторону ограниченной вооруженной борьбы. После победы СССР в Сталинградской битве борьбу стали усиливать также и военные организации, созданные различными польскими политическими партиями [15, с. 331, 339].

ГПС в феврале 1940 г. был преобразован в Политический консультативный комитет (ПКК; Polityczny Komitet Porozumiewawczy – РКР), который имел отделения практически во всех крупных городах на территории довоенной Польши. Весной 1940 г. ПКК был признан эмигрантским правительством в качестве политического руководства на оккупированной польской территории. И, если первоначально ПКК действовал в подчинении СВБ, то к осени 1940 г. он значительно укрепил свои позиции и стал самостоятельным и независимым от военных сил органом, фактически парламентом Подпольной Польши [51, с. 71–79].

В связи с активизацией деятельности польских коммунистов в августе 1943 г. произошло очередное преобразование ПКК в Национальное политическое представительство (КРП; Krajowa Reprezentacja Polityczna – КРР), возникшее в результате соглашения между четырьмя основными партиями: ППС, СН, СЛ и СП. Однако ввиду провала переговоров эмигрантского правительства с Польской рабочей партией (ППР; Polska Partia Robotnicza – ПРР) и провозглашения последней 1 января 1944 г. собственного национального совета, КРП вновь была реор-

² У СЛ существовали Bataliony Chłopskie – БЧ, БХ; военной организацией ППС была Gwardia Ludowa – ГЛ ППС, ГЛ ППС; у СН – Narodowa Organizacja Wojskowa – NOW, НОВ; у эндэции – Narodowe Siły Zbrojne – NSZ, НСЗ.

ганизована в Совет национального единства (Рада Едности Народовой – РЕН; Rada Jedności Narodowej – RJN). Делегатура правительства в июле 1944 г. была преобразована в Государственную Раду Министров, делегатом же стал вице-премьер эмигрантского правительства [33, с. 5–6].

Состав РЕН утверждался делегатом лондонского правительства и включал в себя от 15 до 18 представителей польских политических партий. Деятельность РЕН ограничивалась преимущественно совещательными функциями при Делегатуре правительства [33, с. 171–173, 204–206]. Однако сама РЕН обозначала себя не иначе как парламентом «Подпольной Польши». Фактически же РЕН обладала достаточно широкими возможностями влияния на политику эмигрантского правительства, Делегатуры и комендатуры АК, играя существенную роль в польском освободительном движении [17, с. 54].

Нападение Германии на СССР внесло изменения в сложившийся расклад в польском руководстве. Подписанное 30 июля 1941 г. советско-польское соглашение спровоцировало правительственный кризис, так как представители СН, сторонники «санации», пилсудчики и правые социалисты из ППС выступили против договора с Москвой [43, с. 102–104]. Конфликт разрешился победой генерала В. Сикорского, который не без труда смог убедить членов правительства принять соглашение и сумел сохранить за собой кресло премьера [12, с. 63]. Не согласные с Сикорским сторонники «санации» и СН в польском правительстве подали в отставку. Их недовольство было вызвано в первую очередь тем, что Сикорский не заявил о неприкосновенности польских границ на 1 сентября 1939 г. [3, с. 4].

Важным пунктом польско-советского соглашения было обязательство сторон по формированию на территории Советского Союза Польской армии под командованием генерала В. Андерса. Однако ввиду трудностей СССР по оснащению польских войск и по настоянию Великобритании армия Андерса была выведена в 1942 г. в Иран, а оттуда на Ближний Восток, где из нее было сформировано несколько польских частей, принимавших участие в боевых действиях союзников [15, с. 318, 325].

Несмотря на наличие соглашения с СССР о взаимопомощи, некоторые политические группировки в польском истеблишменте оценивали любую помощь советской стороне как национальное предательство. Апологеты таких взглядов считали, что любое усиление сопротивления оккупационному режиму в Польше будет отвлекать германские войска с Восточного фронта для борьбы в тылу, что, безусловно, было на руку Красной армии. Допустить это сторонники теории «двух врагов» никак не могли, поэтому, когда отряды АК совершали диверсии и пускали под откос поезда, то делали это обычно с составами, идущими с Восточного фронта, которые везли раненых и поврежденную технику. Составы же, которые везли немецкие войска на Восточный фронт, взрывать руководством АК запрещалось. Уже в начале 1942 г. была развернута борьба против польских коммунистов, что свидетельствовало о гражданской войне в польском обществе [15, с. 335–336].

После придания международной огласке подробностей «Катынского расстрела» ситуация в польском обществе стала еще более напряженной, снизились масштабы противостояния германским войскам, произошел разрыв в польско-советских отношениях и обострились отношения в антигитлеровской коалиции. Руководство США и Великобритании было в курсе действительного положения дел в «катынской истории», однако, имея своей главной целью победу над Германией, в основном советскими силами, поступили довольно прагматично и признали единство союзников более важной целью, нежели признание истины в данной трагедии [19, с. 222–226; 24, с. 30–31, 172–173, 176–178].

Несмотря на разлад в советско-польских отношениях, В. Сикорский пытался найти пути к урегулированию конфликта, вплоть до признания границы по линии Керзона, однако неожиданная гибель польского премьера не позволила этому осуществиться. Западные союзники полагали, что следующий польский премьер, лидер СЛ, С. Миколайчик сможет договориться с Москвой и признает линию Керзона [18, с. 43]. Однако позиции правых в польском правительстве и руководстве АК после смерти Сикорского³ существенно усилились, так как

---

³ 4 июля 1943 г. британский самолет, на котором В. Сикорский возвращался в Лондон из инспекционной поездки по польским вооруженным силам в Северной Африке, упал в море через 16 секунд после взлета из аэропорта Гибралтара. Генерал Сикорский, его дочь и остальные девять пассажиров погибли. Существуют версии, что эта авиакатастрофа не была несчастным случаем. Подробнее: Польша в XX веке. Очерки политической истории. М. : Индрик, 2012. С. 360–361.

значимые посты главнокомандующего польскими вооруженными силами и министра обороны остались за пилсудчиками и сторонниками противостояния с СССР, К. Соснковским и М. Кукелем. Все это делало невозможным достижение компромисса с советской стороной по восточной границе. СССР желал сохранить советскую границу на 22 июня 1941 г. неизменной. Великобритания и США в этом вопросе готовы были идти на уступки и соглашались с линией Керзона, так как к концу 1943 г. было ясно, что СССР может и в одиночку справиться с германской мощью [15, с. 360–362; 24, с. 30–31].

На Тегеранской конференции американский президент Ф. Рузвельт заявлял, что соглашается с линией Керзона, включая передачу Львова Советскому Союзу. При этом президент США указывал, что он не желает, чтобы его позиция в польском вопросе была предана огласке, так как это могло бы помешать ему на выборах [16, с. 473]. В итоге прагматизм в польском направлении американской и британской политики явно преобладал над заявляемыми в Атлантической хартии идеалистическими и демократическими [23, с. 69]. За победу над Германией силами СССР странам Запада необходимо было платить, и Восточные Кресы были подходящей платой за эту услугу.

Новый польский премьер С. Миколайчик основную ставку делал на вооруженное восстание, которое было утверждено командованием АК под названием план «Буря». Суть плана состояла в том, чтобы при приближении советских войск атаковать отступающий вермахт и захватывать власть на местах, встречая Красную армию на правах официальных польских органов государственной власти. Восстанием польское эмигрантское правительство рассчитывало поставить Москву перед выбором: или признать границу по Рижскому договору 1921 г., или ликвидировать такую власть на местах, но второй вариант, определенно, осложнил бы отношения СССР с Западом. Фактически это была последняя крупная попытка лондонского правительства Польши на своих условиях разрешить конфликт с Советским Союзом по поводу восточных границ и выявить истинные намерения Москвы в отношении Польши [38, с. 88–89].

Однако Варшавское восстание потерпело поражение, а вместе с ним и попытка лондонского эмигрантского правительства навязать свою волю советскому руководству, предотвратить дальнейшее распространение советского влияния в Восточной Европе и показать союзникам по антигитлеровской коалиции наличие в стране подконтрольных официальным властям сил. СССР не мог допустить прихода к власти в Польше откровенно антисоветского руководства, поэтому переговоры СССР, Великобритании и США при участии Польского комитета национального освобождения (ПКНО)⁴ (Tolstoy Conference)⁵, состоявшиеся в Москве после Варшавского восстания 9–18 октября 1944 г., завершились не в пользу лондонского правительства, которое, несмотря на все усилия С. Миколайчика, ни на каких условиях не могло принять линию Керзона и согласиться на доминирование в коалиционном польском правительстве ПКНО [15, с. 413].

Таким образом, к концу 1940 г. складывается и вплоть до 1945 г. на польской территории существует особая трехкомпонентная система подпольных военных (СВБ-АК), политических (ГПС-ПКК-КРП-РЕН) и государственных структур (Делегатура), опирающаяся на различные общественно-политические организации [15, с. 298]. Данная система польского государственного управления в условиях войны была достаточно функциональной, хотя и имела определенные недостатки, связанные в первую очередь с территориальной разобщенностью этих структур ввиду оккупации, и как следствие, их относительной независимости друг от друга. Подобная оторванность эмигрантского правительства от основной территории Польши ослабляла его возможности, ограничивала ресурсы и механизмы воздействия на политическую ситуацию. По этой причине, учитывая постоянные трудности во взаимодействии с

⁴ О составе и обстоятельствах создания Польского комитета национального освобождения будет сказано на с. 18 данной статьи.

⁵ Четвертая Московская конференция, которая в англоязычной историографии известна как Tolstoy Conference (кодовое название конференции – «Толстой»), проходила с 9 по 19 октября 1944 г. в Москве. В переговорах участвовали с советской стороны И. Сталин и В. Молотов, с английской – У. Черчилль и Э. Иден, с американской – посол в Москве А. Гарриман. Привлекались и представители двух польских сторон: от эмигрантского правительства – С. Миколайчик, С. Грабский, Т. Ромер; от ПКНО – Б. Берут, Э. Осубка-Моравский и М. Роля-Жимерский. На конференции участники антигитлеровской коалиции пытались достичь договоренности между Лондонским правительством и ПКНО о формировании единого польского правительства на основе Люблинского комитета, а также о признании польским Лондонским линией Керзона.

польским Лондоном, союзники по антигитлеровской коалиции логично склонялись к поиску альтернативных вариантов эмигрантскому правительству и подчиненным ему структурам. Особенно это стало актуальным после резкого ухудшения их отношений с Советским Союзом на фоне раскрытия подробностей «Катынского расстрела» в 1943 г., а в дальнейшем и ситуацией с Варшавским восстанием 1944 г., после которого АК перешла к фактически открытой конфронтации с СССР.

Заинтересованность стран Запада в союзе с Москвой для победы над Германией в подобных условиях логично заставляла их искать иные возможности для решения польского вопроса, особенно в условиях роста советского фактора. Альтернативной польскому эмигрантскому правительству закономерно становились польские организации, лояльные СССР. После победы РККА под Москвой по инициативе советской стороны была активизирована деятельность польских коммунистов на оккупированной территории. В начале 1942 г. была создана ППР, которая сразу же заявила о признании восточной границы Польши по линии Керзона. При этом ППР также выражала свою поддержку эмигрантскому правительству, признавая целесообразность этого на данном этапе освободительной борьбы, что было вызвано незначительной поддержкой партии среди поляков [15, с. 340–341]. Руководство ППР высказывалось за военно-политический союз с СССР и немедленную вооруженную борьбу с германскими оккупантами, вопреки выжидательной тактике Лондонского правительства. С этой целью уже в январе 1942 г. были созданы собственные вооруженные формирования – Гвардия Людова (ГЛ ППР; Gwardia Ludowa – GL PPR) [15, с. 345].

Вывод армии Андерса в Иран привел к росту левых настроений и в среде польской эмиграции в СССР, где с осени 1942 г. стала продвигаться идея создания собственной общественно-политической организации, которая бы выражала интересы просоветски ориентированных групп [15, с. 368].

1 марта 1943 г. в Москве при финансовой, политической и организационной помощи советских властей было объявлено о создании Союза польских патриотов (СПП; Związek Patriotów Polskich – ZPP). В составе СПП преобладали польские коммунисты, левые социалисты и общественно-политические активисты левой направленности [8, с. 9]. По инициативе СПП с мая 1943 г. на территории СССР было начато формирование польских воинских соединений, в частности 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко, которая осенью 1943 г. была переформирована в Польский корпус, а к лету 1944 г. в 1-ю Польскую армию [15, с. 379]. При этом, стоит отметить, что более 60 % офицерского состава польской армии составляли советские офицеры [45, с. 1, 20–21].

Появление нового игрока на польской политической арене отметили и на Западе, считая его при этом зависимым от советского руководства. Тем не менее и США, и Великобритания вынуждены были признать СПП новым претендентом на власть в Польше, что на данном этапе оспаривалось руководством СССР, заявлявшем лишь о расширении состава польских политических сил. Впрочем, на Западе уже и так сомневались в осуществимости планов возвращения эмигрантского правительства в Польшу [34, с. 246].

После отказа СССР от сотрудничества с лондонским правительством активизировались просоветские польские организации на территории самой Польши. Под руководством ППР 1 января 1944 г. в Варшаве было объявлено о создании Крайовы Рады Народовы (КРН; Krajowa Rada Narodowa – KRN) – представительного органа политической власти в противовес правительству С. Миколайчика, которое заявило о непризнании КРН. В состав КРН, кроме ППР, вошли представители СЛ, СД, СП, различных профсоюзных объединений и беспартийные общественно-политические деятели. Руководство КРН осуществлял Президиум во главе с председателем, которым стал представитель ППР Б. Берут. КРН была принята декларация о союзе с СССР в войне против Германии и приказ о создании собственных вооруженных сил – Армии Людовой (АЛ; Armia Ludowa – AL) [15, с. 365–366].

После вступления РККА на польскую территорию КРН в мае 1944 г., в Москву прибыла делегация КРН для установления связи с СПП и советским правительством [10, с. 58]. Основной целью была организация Польского национального комитета в Москве. Стоит отметить, что сама идея организации такого комитета вырабатывалась советским руководством и польскими коммунистами уже с лета 1943 г., а после создания КРН активизировалась, но была приостановлена до лета 1944 г., чтобы не накалять отношения с западными союзниками [15, с. 373–374].

21 июля 1944 г. КРН и СПП объявили об образовании Польского комитета национального освобождения (ПКНО; Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego – PKWN), являвшегося фак-

тически новым органом исполнительной власти в Польше и располагавшегося сначала в Хелме, а с 1 августа 1944 г. в Люблине (поэтому в противовес Лондонскому правительству ПКНО именовался также «Люблинским комитетом»). В состав ПКНО помимо СПП и ППР вошли представители СД и Рабочей партии польских социалистов (РППС; Robotnicza Partia Polskich Socjalistów – RPPS) во главе с Э. Осубка-Моравским. КРН оставался законодательным органом власти, своего рода временным парламентом. 22 июля 1944 г. ПКНО был опубликован так называемый «Июльский манифест», в том числе над Польской армией, сформированной в СССР, и объединении ее с АЛ в единое Войско Польское. 27 июля 1944 г. между СССР и ПКНО был подписан двухсторонний договор, признававший восточную границу Польши по линии Керзона [14, с. 186–194] и передавший власть на освобожденной территории в руки ПКНО [2, с. 57–59].

Эмигрантское правительство, не желая идти на компромисс с Люблинским правительством, переживало кризис и все больше теряло свою политическую привлекательность в глазах западных союзников. Польский премьер С. Миколайчик, опасаясь изоляции и стремясь еще успеть занять место в новой политической реальности Польши, подал в отставку. В новое эмигрантское правительство Т. Арцишевского представители СЛ не вошли, хотя и остались ему лояльными, что, безусловно, не способствовало сохранению демократического облика польского руководства и углубило правительственный кризис, внося раскол в польской эмиграции [48, с. 205; 7, с. 62; 37, р. 40–42].

Окончательный удар по Лондонскому правительству был нанесен 31 декабря 1944 г., когда ПКНО был преобразован во Временное правительство Польской республики (ВППР; Rząd Tymczasowy Rzeczypospolitej Polskiej – RTRP). Это событие вызвало большое беспокойство у западных союзников, однако реальных рычагов для противодействия они не имели [15, с. 420]. В своем дневнике летом 1944 г. известный американский дипломат Д. Кеннан отмечал, что польский вопрос стал проверкой готовности Советского Союза проводить в Европе политику сотрудничества с западными союзниками. При невозможности партнерства с Москвой по данному вопросу, по его мнению, для англосаксонских держав разделение Западной Европы на сферы влияния осталось единственно возможным выходом [22, с. 120; 44, р. 164].

Таким образом, во время Второй мировой войны на территории Польши не существовало полноценной польской государственности. Польское правительство в изгнании обладало определенными чертами государства, имело свои вооруженные силы и частичный административно-политический контроль над оккупированной территорией. Однако к концу войны ввиду продвижения СССР на запад происходит усиление позиций просоветских польских организаций. К началу 1945 г. Люблинский комитет, в отличие от Лондонского правительства, обладал фактической властью в Польше, имел собственное хорошо оснащенное вооружением Войско Польское, а также реальные рычаги административно-государственного управления на контролируемой территории. По этой причине ПКНО-ВППР становились реальной альтернативой эмигрантскому правительству не только для польского народа, но и для стран Запада, которые готовы были согласиться с таким вариантом решения польского вопроса, хотя и на определенных условиях.

Лондонское эмигрантское правительство вплоть до 1945 г. признавалось США и Великобританией легитимным правительством Польши, когда с реальными фактами контроля ПКНО-ВППР уже спорить было невозможно и приходилось считаться со вторым и теперь уже главным полюсом польской государственности. Для СССР данной дилеммы не существовало, и с весны 1943 г. легитимность Лондонского правительства им не признавалась. Уже с начала 1944 г. фактически единственным партнером Москвы на польском направлении были структуры КРН-ПКНО-ВППР. Следует отметить, что с точки зрения существовавшего на тот момент международного права только Лондонское правительство могло считаться легитимным правительством Польши, а значит, только оно могло выступать как субъект международных отношений, вступать в отношения с другими субъектами и заключать с ними договоры. Однако изменение военно-политической ситуации на восточном фронте в пользу Советского Союза и расширение политико-административного влияния в западном направлении способствовали увеличению потенциала польских организаций просоветской ориентации.

Невозможность и нежелание США и Великобритании влиять на усиление позиций Лондонского правительства на завершающем этапе Второй мировой войны привели к легализации прав Люблинского комитета на восстановление Польского государства и уходу с политической сцены эмигрантского правительства [21, с. 53–54, 59], которое де-юре продолжало

оставаться легитимным правительством Польши вплоть до 1990 г., когда передало свои полномочия руководству Третьей Речи Посполитой. Поэтому именно на основе ВППР в дальнейшем и было сформировано Временное правительство национального единства (ВПНЕ; Tymczasowy Rząd Jedności Narodowej – TRJN), куда после переговоров были кооптированы некоторые бывшие представители польского правительства в изгнании, что вполне устроило США и Великобританию.

Поражение польского правительства в изгнании не было предрешено, путь к возвращению в Польшу был для него открыт. Основные причины ослабления позиций Лондонского правительства связаны с тем, что польские политики в своей стратегии руководствовались устаревшими внешнеполитическими паттернами, не учитывая новые реалии, и использовали в своей тактике конфронтационную концепцию «двух врагов», рассматривая СССР как априорного врага. Именно поэтому затруднялось примирение не только с СССР, но и с польскими коммунистами, проводниками московской политики. Неслучайно уже с 1942 г. в Польше фактически шла гражданская война.

Региональные аспекты политики правительства в изгнании также были следствием данной стратегической модели. Послевоенные геополитические планы эмигрантских политиков включали в себя создание федерации восточноевропейских стран под эгидой Польши для сдерживания прежде всего СССР, а потом уже Германии. В то же время в вопросе делегитимации Лондонского правительства нельзя отрицать и неуступчивую позицию Советского Союза в вопросе о восточных границах Польши, имевшему для поляков метафизическое значение. Свою роль сыграла и недостаточная настойчивость и жесткость западных союзников в отстаивании польских интересов. Все это в итоге привело к падению Второй Речи Посполитой и установлению просоветского режима в Польше.

Список литературы

1. АВП РФ (Архив внешней политики РФ). Ф. 0136 «Референтура по Франции». Оп. 27. Д. 11. Папка 184. URL: http://agk.mid.ru/fonds/sovetsko-frantsuzskie-otnosheniya/referentura-po-frantsii2/27/?PAGEN_1=2.
2. АВП РФ. Ф. 0136 «Референтура по Франции». Оп. 28. Д. 40. Папка 189. URL: http://agk.mid.ru/fonds/sovetsko-frantsuzskie-otnosheniya/referentura-po-frantsii2/28/?PAGEN_1=3.
3. АВП РФ. Ф. 06 «Секретариат В. М. Молотова». Оп. 4. Д. 267. Папка 25. URL: http://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/4/?PAGEN_1=20.
4. АВП РФ. Ф. 06 «Секретариат В. М. Молотова». Оп. 4. Д. 267. Папка 25. URL: http://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/4/?PAGEN_1=20.
5. АВП РФ. Ф. 06 «Секретариат В. М. Молотова». Оп. 5. Д. 319. Папка 28. URL: http://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/5/?PAGEN_1=22.
6. Булгаков А. О. Проблема обеспечения безопасности СССР и польский вопрос в 1939 году // Институт истории и международных отношений Южного федерального университета. 2016. № 2. С. 30–33.
7. Василенко В. В. Польский вопрос на международной арене после Варшавского восстания 1944 года: последние попытки урегулирования с участием правительства Польши в эмиграции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2013. № 1. С. 57–62.
8. Василенко В. В. Федеративные планы в отношении региона Центрально-Восточной Европы в политике польского и чехословацкого правительств в эмиграции и Великобритании, 1939–1943 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2010. № 7. С. 90–97.
9. Жигалов Б. С., Хахалкина Е. В. Из истории подготовки и заключения Правительства СССР с Польским эмигрантским Правительством 30 июля 1941 г. (по страницам дневника И. М. Майского) // Русин. Кишинев : Изд.: Общественная ассоциация «Русь». 2017. № 1. С. 232–245.
10. Залуский З. Сорок четвертый. События, наблюдения, размышления / пер. с польск. Д. Г. Томашевского; под ред. П. К. Костинова. М. : Воениздат, 1978. 415 с.
11. Обеджинский М. Войско Польское в едином строю борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. М. : Знание, 1985. 64 с.
12. Парсаданова В. С. Владислав Сикорский // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 48–70.
13. Парсаданова В. С. О некоторых аспектах внешней политики польского правительства в эмиграции в 1940–1941 гг. // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы (сентябрь 1940 – июнь 1941 г.). М. : Институт славяноведения и балканистики, 1992. С. 124–132.
14. Парсаданова В. С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / В. С. Парсаданова. М. : Наука, 1982. 280 с.
15. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М. : Индрик, 2012. 952 с.
16. Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии : документы, комментарии, 1941–1945. М. : Наука, 2004. 562 с.
17. Самоделькин П. А. Польша как субъект международных отношений в 1939–1945 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2. С. 53–60.

18. *Самоделькин П. А.* Статус польского правительства в эмиграции в годы Второй мировой войны: новые подходы в изучении вопроса // Известия Российского государственного педагогического университета. 2013. № 159. С. 39–47.
19. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / пер. с англ., под ред. Ф. Л. Лоуэнхейма и др. М. : Изд. центр «Терра», 1995. 798 с.
20. Сталин и Польша. 1943–1944. Из рассекреченных документов советских архивов / предисловие и комм. А. Ф. Носковой // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 104–137.
21. *Юнгблюд В. Т.* Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением. Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13. С. 52–79.
22. *Юнгблюд В. Т.* «Новая и очень нужная парадигма»: «Длинная» телеграмма Дж. Ф. Кеннана как альтернатива принципам Ялты // Вехи американской истории : сб. статей, посвященный 70-летию доктора исторических наук, профессора Владимира Викторовича Согрина. М. : 2015. С. 117–138.
23. *Юнгблюд В. Т.* От Лиги Наций к «системе всеобщей безопасности»: идеи организации мирового сообщества в воззрениях Ф. Д. Рузвельта, 1918–1941 годы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 3. С. 66–70.
24. *Юнгблюд В. Т.* Эра Рузвельта: дипломаты и дипломатия. СПб. : Образование, 1996. 221 с.
25. *Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. Изд. 2-е. М. : РОССПЭН: фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 519 с.
26. *Albert A.* Najnowsza historia Polski. 1914–1945. Warszawa : Swiat Ksiązki, 1995. T. I. 640 s.
27. Archiwum Akt Nowych. Akta Bolesława Wieniawy-Długoszewskiego. 1 Materiały biograficzne. File 12. URL: <https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/5532998> (дата обращения: 28.11.2021).
28. Archiwum Akt Nowych. Akta Bolesława Wieniawy-Długoszewskiego. 1 Materiały biograficzne. File 13. URL: <https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/5532999> (дата обращения: 28.11.2021).
29. *Bogdanowicz M.* President F. D. Roosevelt's Policy towards Poland in the Light of the Memoirs of His Secretary of State Cordell Hull: September 1938 – June 1941 // Echa Przeszłości, 15. 2014. Pp. 127–144.
30. *Ciechanowski J. M.* Powstanie warszawskie. Zarys podłoża politycznego i dyplomatycznego. Wyd. 1., krajowe. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. 533 s.
31. Department of State. General CIA Records. Proposed eastern boundaries of Poland 1918–1921. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP08C01297R000500160029-1.pdf>.
32. Department of State. General CIA Records. The eastern provinces of Poland. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp08c01297r000400260005-7>.
33. *Dzięciołowski S.* Parlament Polski podziemnej, 1939–1945. Warszawa : Sejmowe, 2004. 260 s.
34. *Duraczynski E.* Polska 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa : Bellona, 1999. 635 s.
35. *Roosevelt F. D.* Presidential Library & Museum / Franklin D. Roosevelt // Papers as President: The President's Secretary's File (PSF), 1933–1945. Series 3: Diplomatic Correspondence. Box 47. Poland, 1940–1942. URL: <http://www.fdrlibrary.marist.edu/archives/collections/franklin/?p=collections/findingaid&id=502&rootcontentid=140122&q=Poland#id140347>.
36. *Roosevelt F. D.* Presidential Library & Museum / Franklin D. Roosevelt // Papers as President: The President's Secretary's File (PSF), 1933–1945. Series 3: Diplomatic Correspondence. Box 48. Poland, September–December 1944. URL: http://www.fdrlibrary.marist.edu/_resources/images/psf/psfa0455.pdf.
37. *Duraczyński E.* Rząd Polski na uchodźstwie, 1939–1945. Warszawa : Książka i wiedza, 1993. 487 s.
38. *Friszke A.* Polska Losy Państwa i Narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003. 517 s.
39. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1920. Vol. III. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1936. 823 p.
40. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1956. 1042 p.
41. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. II. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1956. 898 p.
42. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941. Vol. I. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1959. 1024 p.
43. *Hulas M.* Goście czy intruzi? Rząd polski na uchodźstwie. Wrzesień 1939 – lipiec 1943. Warszawa : Instytut Historii PAN, 1996. 334 s.
44. *Kennan G. F.* The Kennan Diaries / Ed. by F. Costigliola. New York : W. W. Norton & Company, 2014. 712 p.
45. *Nalepa E. J.* Oficerowie armii radzieckiej w Wojsku Polskim. 1943–1968. Warszawa : Bellona, 1995. 340 s.
46. Polska w polityce międzynarodowej (1939–1945) : Zbiór dokumentów. T. 1.1939. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. 670 s.
47. Public Resolution 27, 75th Congress, 50 Stat. 121 of May 1, 1937. URL: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/50/STATUTE-50-Pg121.pdf>.
48. *Raczyński E. B.* W sojusznicy Londynie. Dziennik ambasadora Edwarda Raczyńskiego, 1939–1945. London : Niezależna Oficyna, 1960. 450 s.
49. *Salmonowicz S., Ney-Krwawicz A., Górski A.* Polskie Państwo podziemne. Warszawa : Oficyna Wydawnicza Rytm, 1999. 239 s.

50. Sprawa polska: W czasie drugiej wojny światowej w pamiętnikach // Wybór i koment. Mieczysław Tomala. Warszawa : Państw. Inst. Wydaw., 1990. 381 s.

51. *Strzembosz T.* Rzeczpospolita podziemna: społeczeństwo polskie a państwo Podziemne, 1939–1945. Warszawa : Krupski i S-ka, 2000. 408 s.

52. Ustawa konstytucyjna z 23 IV 1935 roku. URL: <https://www.infor.pl/prawo/konstytucja/teksty-polskich-konstytucji/76606,Konstytucja-kwietniowa-z-1935-roku.html>.

Domestic, regional and international aspects of Polish statehood during World War II

D. G. Nemchaninov

postgraduate student of the Department of General History, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: nemchaninovdaniil@gmail.com

Abstract. The article examines the problems of Polish statehood during the Second World War. The determinants and stages of the evolution of internal changes of the Polish state are traced. The influence of the situation in Poland on the political situation in the region and on international relations in general is shown. The concept of the "Polish question" is concretized for this chronological period. Conclusions are drawn that, despite the occupation, Poland was an active subject of international relations and retained partial control over its own territory. The Polish establishment in its strategy was guided by outdated foreign policy patterns, not taking into account new realities and using in its tactics the confrontational concept of "two enemies" – Germany and the USSR, which determined not only domestic political, but also regional strategic models.

Keywords: Polish question, September catastrophe, Poland, occupation, Curzon line.

References

1. AFP of the Russian Federation (Archive of Foreign Policy of Russian Federation). F. 0136 "Reference on France". Inv. 27. File 11. Folder 184. Available at: http://agk.mid.ru/fonds/sovetsko-frantsuzskie-otnosheniya/referentura-po-frantsii2/27/?PAGEN_1=2.
2. AFP RF. F. 0136 "Reference in France". Inv. 28. File 40. Folder 189. Available at: http://agk.mid.ru/fonds/sovetsko-frantsuzskie-otnosheniya/referentura-po-frantsii/28/?PAGEN_1=3.
3. AFP RF. F. 06 "V. M. Molotov's Secretariat". Inv. 4. File 267. Folder 25. Available at: http://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/4/?PAGEN_1=20.
4. AFP RF. F. 06 "V. M. Molotov's Secretariat". Inv. 4. File 267. Folder 25. Available at: http://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/4/?PAGEN_1=20.
5. AFP RF. F. 06 "V. M. Molotov's Secretariat". Inv. 5. File 319. Folder 28. Available at: http://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/5/?PAGEN_1=22.
6. *Bulgakov A. O.* Problema obespecheniya bezopasnosti SSSR i pol'skij vopros v 1939 godu [The problem of ensuring the security of the USSR and the Polish question in 1939] // *Institut istorii i mezhdunarodnyh otnoshenij Yuzhnogo federal'nogo universiteta* – Institute of History and International Relations of the Southern Federal University. 2016. No. 2. Pp. 30–33.
7. *Vasilenko V. V.* Pol'skij vopros na mezhdunarodnoj arene posle Varshavskogo vosstaniya 1944 goda: poslednie popytki uregulirovaniya s uchastiem pravitel'stva Pol'shi v emigracii [The Polish question in the international arena after the Warsaw Uprising of 1944: the last attempts to settle with the participation of the Polish government in emigration] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* – Scientific herald of Belgorod State University. 2013. No. 1. Pp. 57–62.
8. *Vasilenko V. V.* Federativnye plany v otnoshenii regiona Central'no-Vostochnoj Evropy v politike pol'skogo i chekhoslovackogo pravitel'stv v emigracii i Velikobritanii, 1939–1943 gg. [Federal plans for the Central-Eastern Europe region in the policy of the Polish and Czechoslovak governments in emigration and Great Britain, 1939–1943] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* – Scientific herald of Belgorod State University. 2010. No. 7. Pp. 90–97.
9. *Zhigalov B. S., Hahalkina E. V.* Iz istorii podgotovki i zaklyucheniya soglasheniya Pravitel'stva SSSR s Pol'skim emigrantskim Pravitel'stvom 30 iyulya 1941 g. (po stranicam dnevnika I. M. Majsakogo) [From the history of the preparation and conclusion of the agreement of the Government of the USSR with the Polish emigrant Government on July 30, 1941 (according to the pages of the diary of I.M. Maysky)] // *Rusin – Rusin*. Chisinau : Publishing house: Public Association "Rus". 2017. No. 1. Pp. 232–245.
10. *Zaluskij Z.* Sorok chetyvortyj. Sobytiya, nablyudeniya, razmyshleniya [Forty-fourth. Events, observations, reflections] / transl. from Polish by D. G. Tomashevsky; ed. by P. K. Kostikov. M. Voenizdat. 1978. 415 p.
11. *Obedzhin'skij M.* Vojsko Pol'skoe v edinom stroju bor'by s nemecko-fashistskimi zahvatchikami [The Polish army in a unified system of struggle against the Nazi invaders]. M. Znanie (Knowledge). 1985. 64 p.

12. Parsadanova V. S. *Vladislav Sikorskij* [Vladislav Sikorsky] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 1994. No. 9. Pp. 48–70.
13. Parsadanova V. S. *O nekotorykh aspektakh vneshnej politiki pol'skogo pravitel'stva v emigracii v 1940–1941 gg.* [On some aspects of the Polish government's foreign policy in emigration in 1940–1941] // *Mezhdunarodnye otnosheniya i strany Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy (sentyabr' 1940 – iyun' 1941 g.)* – International Relations and the countries of Central and South-Eastern Europe (September 1940 – June 1941). M. Institute of Slavic Studies and Balkanistics, 1992. Pp. 124–132.
14. Parsadanova V. S. *Sovetsko-pol'skie otnosheniya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945* [Soviet-Polish relations during the Great Patriotic War 1941–1945] / V. S. Parsadanova. M. Nauka (Science). 1982. 280 p.
15. *Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii* – Poland in the XX century. Essays on political history. M. Indrik. 2012. 952 p.
16. Rzheshhevskij O. A. *Stalin i Cherrchill'. Vstrechi. Besedy. Diskussii : dokumenty, kommentarii, 1941–1945* [Stalin and Churchill. Meetings. Conversations. Discussions : documents, comments, 1941–1945]. M. Nauka (Science). 2004. 562 p.
17. Samodelkin P. A. *Pol'sha kak sub'ekt mezhdunarodnykh otnoshenij v 1939–1945 gg.* [Poland as a subject of international relations in 1939–1945] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State University for the Humanities. 2010. No. 2. Pp. 53–60.
18. Samodelkin P. A. *Status pol'skogo pravitel'stva v emigracii v gody Vtoroj mirovoj vojny: novye podhody v izuchenii voprosa* [The status of the Polish government in emigration during the Second World War: new approaches to the study of the issue] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Proceedings of the Russian State Pedagogical University. 2013. No. 159. Pp. 39–47.
19. *Sekret'naya perepiska Ruzvel'ta i Cherrchillya v period vojny* – The secret correspondence of Roosevelt and Churchill during the war / transl. from English, ed. by F. L. Lowenheim and others. M. : Publishing center "Terra". 1995. 798 p.
20. *Stalin i Pol'sha. 1943–1944. Iz rassekrechennykh dokumentov sovetskikh arhivov* – Stalin and Poland. 1943–1944. From declassified documents of Soviet archives / preface and commentary by A. F. Noskova // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and modern history. 2008. No. 3. Pp. 104–137.
21. Yungblud V. T. *Mirovoj poryadok 1945 g. – process s "otkryтым" prodolzheniem* [The World Order of 1945 is a process with an "open" continuation] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* – Herald of Moscow State Institute of International Relations. 2020. No. 13. Pp. 52–79.
22. Yungblud V. T. *"Novaya i ochen' nuzhnaya paradigm": "Dlin'naya" telegramma Dzh. F. Kennana kak al'ternativa principam Yalty* ["A new and very necessary paradigm": The "Long" telegram of J. F. Kennan as an alternative to the principles of Yalta] // *Vekhi amerikanskoj istorii : sb. statej, posvyashchennyj 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora Vladimira Viktorovicha Sogrina* – Milestones of American history : collection of articles dedicated to the 70th anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor Vladimir Viktorovich Sogrin. M. 2015. Pp. 117–138.
23. Yungblud V. T. *Ot Ligi Nacij k "sisteme vseobshchej bezopasnosti": idei organizacii mirovogo soobshchestva v vozzreniyah F.D. Ruzvel'ta, 1918–1941 gody* [From the League of Nations to the "system of universal security": ideas of the organization of the world community in the views of F. D. Roosevelt, 1918–1941] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of Tomsk State Pedagogical University. 2007. No. 3. Pp. 66–70.
24. Yungblud V. T. *Era Ruzvel'ta: diplomaty i diplomatiya* [Roosevelt Era: diplomats and diplomacy]. SPb. Obrazovanie (Education). 1996. 221 p.
25. Yazhborovskaya I. S., Yablokov A. Yu., Parsadanova V. S. *Katynskij sindrom v sovetsko-pol'skikh i rossijsko-pol'skikh otnosheniyah* [Katyn syndrome in Soviet-Polish and Russian-Polish relations. Ed. 2nd]. M. ROSSPEN: Foundation of the first President of Russia B. N. Yeltsin. 2009. 519 p.
26. Albert A. *Najnowsza historia Polski. 1914–1945.* Warszawa: Swiat Ksiazki, 1995. T. I. 640 p.
27. Archiwum Akt Nowych. Akta Bolesława Wieniawy-Długoszewskiego. 1 Materiały biograficzne. File 12. Available at: <https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/5532998> (date accessed: 28.11.2021).
28. Archiwum Akt Nowych. Akta Bolesława Wieniawy-Długoszewskiego. 1 Materiały biograficzne. File 13. Available at: <https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/5532999>(date accessed: 28.11.2021).
29. Bogdanowicz M. *President F. D. Roosevelt's Policy towards Poland in the Light of the Memoirs of His Secretary of State Cordell Hull: September 1938 – June 1941* // *Echa Przeszłości*, 15. 2014. Pp. 127–144.
30. Ciechanowski J. M. *Powstanie warszawskie. Zarys podłoża politycznego i dyplomatycznego.* Wyd. 1., krajowe. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. 533 s.
31. Department of State. General CIA Records. Proposed eastern boundaries of Poland 1918–1921. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP08C01297R000500160029-1.pdf>.
32. Department of State. General CIA Records. The eastern provinces of Poland. Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp08c01297r000400260005-7>.
33. *Dzięciołowski S. Parlament Polski podziemnej, 1939–1945.* Warszawa : Sejmowe, 2004. 260 p.
34. Duraczynski E. *Polska 1939–1945. Dzieje polityczne.* Warszawa: Bellona, 1999. 635 p.
35. *Roosevelt F. D. Presidential Library & Museum / Franklin D. Roosevelt // Papers as President: The President's Secretary's File (PSF), 1933–1945. Series 3: Diplomatic Correspondence. Box 47. Poland, 1940–*

1942. Available at: <http://www.fdrlibrary.marist.edu/archives/collections/franklin/?p=collections/findingaid&id=502&rootcontentid=140122&q=Poland#id140347>.

36. *Roosevelt F. D.* Presidential Library & Museum / Franklin D. Roosevelt // Papers as President: The President's Secretary's File (PSF), 1933–1945. Series 3: Diplomatic Correspondence. Box 48. Poland, September–December 1944. Available at: http://www.fdrlibrary.marist.edu/_resources/images/psf/psfa0455.pdf.

37. *Duraczyński E.* Rząd Polski na uchodźstwie, 1939–1945. Warszawa: Książka i wiedza, 1993. 487 p.

38. *Friszke A.* *Polska* Losy Państwa i Narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003. 517 p.

39. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1920. Vol. III. Washington, D. C. : U.S. Government Printing Office, 1936. 823 p.

40. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. Washington, D. C. : U.S. Government Printing Office, 1956. 1042 p.

41. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. II. Washington, D. C. : U.S. Government Printing Office, 1956. 898 p.

42. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941. Vol. I. Washington, D. C. : U.S. Government Printing Office, 1959. 1024 p.

43. *Hulas M.* Goście czy intruzi? Rząd polski na uchodźstwie. Wrzesień 1939 – lipiec 1943. Warszawa : Instytut Historii PAN, 1996. 334 p.

44. *Kennan G. F.* The Kennan Diaries / ed. by F. Costigliola. New York : W. W. Norton & Company, 2014. 712 p.

45. *Nalepa E. J.* Oficerowie armii radzieckiej w Wojsku Polskim. 1943–1968. Warszawa : Bellona, 1995. 340 p.

46. *Polska w polityce międzynarodowej (1939–1945) : Zbiór dokumentów. T. 1. 1939.* Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. 670 p.

47. Public Resolution 27, 75th Congress, 50 Stat. 121 of May 1, 1937. Available at: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/50/STATUTE-50-Pg121.pdf>.

48. *Raczyński E. B.* W sojusznicy Londynie. Dziennik ambasadora Edwarda Raczyńskiego, 1939–1945. London: Niezależna Oficyna, 1960. 450 p.

49. *Salmonowicz S., Ney-Krwawicz A., Górski A.* Polskie Państwo podziemne. Warszawa : Oficyna Wydawnicza Rytm, 1999. 239 p.

50. *Sprawa polska: W czasie drugiej wojny światowej w pamiętnikach // Wybór i koment. Mieczysław Tomala.* Warszawa : Państw. Inst. Wydaw., 1990. 381 p.

51. *Strzembosz T.* Rzeczpospolita podziemna: społeczeństwo polskie a państwo Podziemne, 1939–1945. Warszawa : Krupski i S-ka, 2000. 408 p.

52. Ustawa konstytucyjna z 23 IV 1935 roku. Available at: <https://www.infor.pl/prawo/konstytucja/teksty-polskich-konstytucji/76606,Konstytucja-kwietniowa-z-1935-roku.html>.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 140.8

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.069

Исторический детерминизм в теоретических построениях М. М. Хвостова

М. В. Новиков¹, Т. Б. Перфилова²

¹доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0002-2013-1919. Researcher ID: AAD-2635-2019. E-mail: m.novikov@yspu.org

²доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0002-2498-8688. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. В статье рассматривается проблема отношения М. М. Хвостова к историческому детерминизму, ядром которого являлось признание причинности в историческом процессе. Отмечается, что в изучении категории «причина» и способов казуального объяснения исторических фактов Хвостов руководствовался «Системой логики» Дж. С. Милля. Следуя «закону причинной связи» Милля, Хвостов искал в индивидуализирующей истории повторяющиеся факты или совпадения хотя бы «некоторых их сторон». Они выражали устойчивые связи в социальных явлениях и процессах, то есть служили эквивалентом понятия «закон», которого ученый стал избегать. Аналогом исторической закономерности для Хвостова явилось понятие «единообразия» в истории. «Единоеобразие» он представлял и как результат единой, не изменявшейся во времени психической природы людей, и как следствие цикличности исторических процессов. Оно было необходимо для установления неизбежной объективной взаимосвязи между совокупностью предшествующих фактов (причин, условий, сил) и вызывавшимися ими определенными последствиями. Подчеркивается, что Хвостова как сторонника объяснительной истории привлекало изучение не просто единственной предпосылки – повода события, а множества всех причин, или «факторов общественной эволюции», с предопределенностью закона при определенных условиях приводивших к ожидавшимся результатам. Обращается внимание на то, что большинство казуальных сил (факторов) имело внешний и долговременный характер, постигалось науками – сателлитами истории, то есть было предсказуемо. Только личностный и случайный «элементы» придавали историческому процессу сложный и запутанный характер. Однако гносеологический оптимизм позволял Хвостову верифицировать личностный фактор с помощью психологического приема – эмпатии. Результаты анализа случайного «элемента» определялись компетенцией историка: умениями анализировать «скрещивания» причинных рядов, разлагать события на составные части, сопоставлять их с аналогичными фактами всемирной истории. В трактовке Хвостова случай не являлся нарушением причинности. Каждое событие было заранее предопределено, что исключало «скачки» и «катастрофы», то есть действительно эпохальные события.

Ключевые слова: позитивизм, неокантианство, исторический детерминизм, казуальность в истории, «единоеобразие» в истории, причина (условие, сила), повод, случайность, личностный фактор в истории, эмпатии.

В 2022 г. исполняется 150 лет со дня рождения Михаила Михайловича Хвостова (1872–1920), известного российского историка, выпускника Московского университета, ученика П. Г. Виноградова, В. И. Герье, В. О. Ключевского, профессора Казанского университета. 100-летие его безвременной и трагической кончины было отмечено нашими публикациями [9; 10], данная статья является их продолжением, в ней предпринята попытка выявления отношения М. М. Хвостова к историческому детерминизму.

Диссемилируя неокантианские утверждения о неповторимости исторических фактов, невозможности обнаружения даже в схожих исторических процессах абсолютно тождественных повторений [21, с. 22, 30, 31], М. М. Хвостов не мог не понимать, что «единичные факты», «единичные

явления» очень сложно истолковать в плане поиска для их появления каузальных связей [21, с. 30]. Ему была хорошо известна логическая необходимость применения «закона причинной связи», открытая Дж. С. Миллем: «непременные и безусловные» причинно-следственные отношения, в свете рассуждений этого именитого мыслителя позитивистского толка¹, могли возникнуть только между «повторяющимися явлениями» [21, с. 29, 30].

Не рассчитывая обнаружить повторяющиеся исторические факты, М. М. Хвостов стал руководствоваться идеей о возможности нахождения в них совпадения или сходства хотя бы «некоторых сторон». Такой подход к трактовке «индивидуальности исторических событий» грозил релятивизацией выводов знаменитого английского теоретика, но профессор шел на этот подвох, руководствуясь важной для его сознания целью: констатация даже «какого-либо единообразия» [21, с. 31] в единичных случаях открывала, по его мнению, возможность осуществлять генерализирующие процедуры², исключительно важные в создававшейся им версии социологической истории. Однако эти обобщения отдельных сторон единичных событий не означали открытия универсальных законов общественного развития. Во втором десятилетии XX в. профессор уже точно знал, что закон безусловно устанавливал и предсказывал «связь [только. – М. Н., Т. П.] между явлениями природы, которая повторится всегда и везде, или при всяких обстоятельствах, или при одних и тех же обстоятельствах» [21, с. 40]. В истории, отличавшейся от естественных наук особой сложностью изучаемых «предметов», были возможны только «приблизительные обобщения, отнюдь не имеющие безусловной значимости» [21, с. 41].

Эти выводы, благодаря «Системе логики» Дж. С. Милля, были известны науке уже в последней четверти XIX в.³, но для самого М. М. Хвостова они являлись откровением⁴ и, будучи связанными с проблемой каузальности в истории, требовали от него проведения тщательной ревизии в философии и гносеологии позитивизма, а также поиска надежного теоретического обоснования изменившейся позиции в деле обнаружения причинно-следственных связей.

Для того чтобы гарантировать надежность и обстоятельность своим теоретическим выкладкам по поводу базовых понятий исторической науки: причина, следствие, случайность [13, с. 684] – М. М. Хвостов заручился поддержкой Дж. С. Милля.

---

¹ Дж. С. Милль, в частности, писал: «... Мы никогда не можем с достоверностью утверждать, что какая-нибудь причина, имеющая известное стремление в одном народе или в известном веке, будет иметь точно то же стремление в другом... Дедуктивная наука об обществе не дает теоремы, утверждающей всеобщим образом действие какой-либо причины...» [7, с. 449].

² Схожую мысль высказывал и Д. М. Петрушевский: «Расчлняя процесс культурного развития человечества на ряд отдельных и автономных процессов, современная историческая наука признает эти процессы в основном сходными, аналогичными... Интересуясь индивидуальными формами... историк... под пестрым узором индивидуального старается вскрыть те общие линии развития, которые лежат в основе индивидуальной эволюции каждого человеческого общества» [11, с. 42, 43].

Однако, в отличие от М. М. Хвостова, Д. М. Петрушевский намеревался использовать полученную при сравнительном изучении индивидуальных эволюционных процессов информацию для открытия исторических законов [11, с. 43].

³ Видимо, М. М. Хвостову были важны следующие рассуждения Дж. С. Милля: «... Собирайте... эмпирические законы (которые всегда суть не более как приблизительные обобщения) из прямого наблюдения составляет важную часть приемов социологической науки. Опытный прием должно рассматривать... как средство... для получения необходимых данных для дедуктивной науки...»

То же самое справедливо относительно всех обобщений, какие могут быть основаны на истории. Такие обобщения не только существуют... – общая наука об обществе... может действовать не иначе как делая такие обобщения, а потом подтверждая их связью с психологическими и этологическими законами, от которых они в действительности должны зависеть...

Превратное понимание [главных фактов истории для открытия закона прогресса. – М. Н., Т. П.] состоит в предположении, что порядок последовательности... между различными состояниями общества и цивилизации, представленными историей... может быть сведен на какой-либо закон природы. Это может быть только эмпирический закон. Последовательность состояний человеческой души и человеческого общества не может иметь собственного независимого закона; она должна зависеть от психологических и этологических законов, управляющих действием обстоятельств на человека и человека на обстоятельства... Эмпирические законы общества бывают двух родов: одни суть единообразия сосуществования, другие – единообразия последовательности...» [8, с. 459, 460, 466, 469].

⁴ В своих более ранних работах М. М. Хвостов использовал понятие «историческая закономерность» [17, с. 281]. В статье «К вопросу о задачах истории» М. М. Хвостов, как и другие сторонники неокантианской идеи научной специфики истории, уже отрицал возможность открытия законов развития общества и, подобно Дж. С. Миллю и Г. Зиммелю, называл обнаруженные связи между явлениями «общими положениями», не обладающими «безусловной всеобщезначительностью» [20, с. 816].

Судя по «Лекциям по методологии...», более авторитетного ученого, чем этот английский социолог, в изучении исторической причинности для него не существовало, поэтому ссылки на «Систему логики» (которую профессор называет просто «Логикой») как фундамент социологической трактовки логических приемов проведения причинно-следственного анализа сопровождают объяснение М. М. Хвостовым и дефиниции категории «причина», и способа осуществления «причинного толкования» единичных явлений.

Для М. М. Хвостова было важно то, что Дж. С. Милль рассматривал «принцип причинности» частным случаем «более общего принципа единообразия природы», признавал его «главной основой индуктивной науки» и «неизменный» порядок последовательности любого факта в природе, «независимо от всех соображений относительно конечного происхождения явлений и от всякого другого вопроса о природе “вещей в себе”», называл «законом причинной связи» [21, с. 29. Курсив автора].

История как разновидность «индуктивной науки», связанная с обработкой «эмпирического материала», также по логике вещей должна была подчиняться «закону связи причины со следствием» [21, с. 29], ибо «всеобщность» этого закона заключалась в том, что «всякий последующий факт связан с каким-либо частным предшествующим фактом или с рядом предшествующих фактов. Каков бы ни был факт, если он начал существовать, то был предшествуем каким-либо фактом, или какими-либо фактами, с которыми он неизменно связан» [7, с. 358]. Следовательно, причина – это «неизменно предшествующий факт» [7, с. 358], за которым «данное явление непременно и безусловно следует» [21, с. 29. Курсив автора]⁵.

Примеры, которые вслед за Дж. С. Миллем приводил М. М. Хвостов (о неизбежности падения на дно водоема брошенного в воду камня, о смерти человека во время трапезы [7, с. 359–361]), к историческому процессу не имели никакого отношения. Видимо, профессору важно было только объяснить, что причинность означала последовательность возникновения цепи событий, где нечто, более раннее по хронологии, то есть предыдущее, «неизменно и безусловно» породит какое-либо следствие. Таким образом, полагал он, отражая объективную и неизменную связь между фактами и явлениями⁶, причинность упорядочивает хаос, необъяснимый на первый взгляд набор случайностей, выступает в роли способа структурирования действительности. Хотя обыденное сознание могло воспринимать причинность «инстинктом», естественной «наклонностью человеческого ума обобщать выводы из опыта» [7, с. 356], анализ природы возникновения причинно-следственных отношений свидетельствовал об обратном. Каузальность всегда сопровождалась строго упорядоченной мыслительной деятельностью: анализом, отбором, систематизацией, сравнением фактов. «Причинное истолкование» всегда нуждалось в фиксации «повторяющихся явлений», в «констатировании какого-либо единообразия» [21, с. 31], заявлял М. М. Хвостов. В противном случае, «закон причинной связи», претендующий на всеобщность, просто нельзя было бы сформулировать.

Кроме того, зная о том, что не одна, а сразу несколько причин инициировали то или иное явление, исследователь должен был сконцентрировать свои усилия на поиске всех «условий данного явления», резюмировал профессор [21, с. 30].

⁵ К. Поппер, комментируя рассуждения Дж. С. Милля о «законе причинности», обращал внимание на то, что английский ученый подводил под универсальность этого закона только «причинное объяснение регулярности», которое не могло распространяться на единичные события. При объяснении появления единичных событий, по мнению К. Поппера, Дж. С. Милль путал причину, или закон неизбежности факта, и специфические начальные условия, которые могли дедуцироваться из утверждений.

Кроме того, Дж. С. Милль мог подменять понятия «закон» и «тенденция», что приводило к путанице в его выводах. Он признавал возможность открытия универсальных законов последовательности, аналогичных законам математической последовательности, и одновременно сомневался в том, что порядок последовательности может быть строго единообразным [12, с. 134–136, 140, 143–146].

М. М. Хвостов не замечал диссонанса в этих рассуждениях Дж. С. Милля – в противном случае, он не стал бы возводить закон причинной связи английского мыслителя в канон своих причинных интерпретаций исторических фактов.

⁶ Из определения Дж. С. Милля этот вывод не следует. «Принимая закон всеобщей причинной связи, – комментирует принцип причинности английского ученого А. С. Богомол, – Милль тем не менее говорит об этом законе как о выражении “неизменного порядка последовательности” явлений, но не их объективных связей» [3, с. 85].

От себя заметим, что М. М. Хвостов часто использовал цитаты из работ своих идейных наставников, не подвергая анализу или комментариям произведенные заимствования. Они украшали его сочинения, но подчас служили ему недобрую службу, так как вступали в противоречия с рассуждениями профессора.

«Причины всегда множественны, – настаивал М. М. Хвостов, ссылаясь на Дж. С. Милля. – Совокупность причин в обычном языке называют “условиями”⁷. Все условия одинаково необходимы для возникновения последующего, и наше понятие о его причинах будет неполно, пока мы в той или другой форме не перечислим их все» [21, с. 30. Курсив автора].

Он предостерегал от возможной ошибки «связывать идею причинности... с ближайшим событием», то есть, говоря современным языком, путать объективные предпосылки с поводом⁸. Вновь с подачи английского мыслителя⁹ он склонен был называть ближайшее событие только последней искрой, требовавшейся для возгорания пламени, заключительным толчком, приводившим в движение потенциально готовое к изменению явление.

«Говоря философски, – сообщал профессор, – причина есть полная сумма *положительных и отрицательных* условий явления, взятых вместе»; это «предшествующие состояния, или длительные факты», которые также можно назвать «предупреждающими причинами». Только вся их «наличность», вместе с «совокупностью случайностей» повлечет за собой следствие [21, с. 30. Курсив автора]. Очевидно, речь шла о предпосылках и поводах, которые в своей целостности придавали готовому к своему проявлению действию характер неизбежности, предопределенности, то есть детерминировали его появление.

При объяснении коллизий исторического процесса М. М. Хвостов всегда руководствовался выводом Дж. С. Милля о том, что «причина есть сумма всех условий, положительных и отрицательных, взятых вместе» [7, с. 364], и, хотя это заключение относилось к природным явлениям, подчинявшимся законам механики, не пытался углубить мнение английского мыслителя своими рассуждениями о структуре и иерархии причин или степени применимости этого вывода к общественным отношениям. В то же время, когда профессор приступал к осмыслению движущих сил развития древних обществ, он четко знал, в каком порядке следует располагать «сумму условий», и свои аналитические операции всегда начинал с характеристики «экономического фактора» («деятельности индивидов», направленной на удовлетворение потребностей и «организацию производства»). Не считая этот фактор «единственно основным», М. М. Хвостов, в отличие от марксистов (представителей «экономического или исторического материализма»), признавал хозяйственную деятельность людей и связанную с ней «организацию производственных отношений» «одним из *наиболее основных* факторов общественной эволюции» [21, с. 62, 67, 68. Курсив автора]. Это подтверждается многочисленными примерами¹⁰.

---

⁷ Сведение причин к условиям, или «зависимостям», было характерно для «новейшей критической философии», – сообщал Р. Ю. Виппер в «Очерках теории исторического познания» (М., 1911. С. 169–173) и, дистанцируясь от таких ученых, стал производить замену категорий «причинность» и «закон» на лишённые печати телеологичности – «оттенка творчества, духовности, производящей силы» – термины: «условие», «воздействие», «влияние», «толчок» [14, с. 164–166].

Современная наука лишена категоричности Р. Ю. Виппера. Так, в «Теории и методологии исторической науки» читаем: причинность – это «совокупность условий – предпосылок и поводов, которые в единстве создают новую историческую реальность» [15, с. 413].

⁸ «Есть склонность, – писал Дж. С. Милль, – связывать идею о причине с ближайшим предшествовавшим событием скорее, чем с которым-либо из предшествовавших состояний, или постоянных фактов, которые также могут быть условиями явления. Это происходит оттого, что событие не только существует, но и начинает существовать непосредственно перед явлением, тогда как другие условия могли существовать до явления в течение неопределенного времени. И эта склонность весьма ясно обнаруживается в различных логических фикциях (домыслах), к которым прибегают даже люди науки для избежания необходимости назвать причиной что-либо, существовавшее в течение неопределенного времени до следствия» [7, с. 362. Курсив автора].

⁹ «...Весьма обычно, – рассуждал ученый, – выбирать для названия причиной лишь один из предшествующих фактов, другие же называть только условиями... Настоящую причину составляет совокупность этих предшествующих фактов... состояния, обладающие большим или меньшим постоянством. Они могли предшествовать следствию в течение неопределенного времени за недостатком события, которое требовалось для восполнения необходимой совокупности условий. А как скоро наступило это событие... не ожидается уже никакая другая причина, и тотчас же начинает наступать следствие. Оттого между следствием и одним из предшествующих фактов, по-видимому, существует более непосредственная и тесная связь, чем между следствием и остальными условиями» [7, с. 359].

¹⁰ Характеризуя типологические особенности древневосточных обществ, автор выявляет «сходства» в их развитии, начиная с состояния экономической сферы. Затем он анализирует социальное и государственное устройство, развитие права и духовной жизни.

«Система логики» Дж. С. Милля – образец умозрительного знания – была оторвана от исторической конкретики, и, хотя мыслитель посвятил специальную главу своего труда [8, с. 483–496] обоснованию применимости «закона неизменной причинности... в истории» [7, с. 484], его доводы не отличались оригинальностью и нуждались в подтверждении авторитетных историков, специально занимавшихся теоретическими проблемами исторического познания. Этим и объясняется интерес М. М. Хвостова к «Теории истории» известного румынского историка А. Д. Ксенополя [20, с. 795]. В отличие от Дж. С. Милля, мало заботившегося о применимости своих рассуждений к специфике исторических исследований [6, с. 95], А. Д. Ксенополь отчетливо проводил грань между сугубо теоретическими и конкретно историческими изысканиями, поэтому ему понятны были смысловые различия категорий «закон» и «причина» [20, с. 798], отождествлявшиеся в умозаключениях знаменитого логика.

Если в теоретических науках, изучающих повторяющиеся явления, «причинность проявляется в форме закона, то есть постоянного соотношения между явлениями», считал А. Д. Ксенополь, то в исторических науках, имеющих дело с неповторяющимися последовательными явлениями, законосообразности быть не может. «Здесь причинность проявляется в виде “рядов”... последовательных, несходных явлений, связанных между собой причинной связью», а поскольку «в фактах последовательных самым существенным элементом и является их различие от других фактов», то и применять слово «закон» для констатации появления новообразования в истории неуместно [20, с. 799], комментировал профессор румынского коллегу.

М. М. Хвостов особо обращал внимание на то, что для А. Д. Ксенополя понятия «закон» и «причинность» несли разную семантическую нагрузку. «Закон» означал «лишь порядок возникновения явлений» и только в редчайших случаях (как, к примеру, закон тяготения И. Ньютона) объяснял причину явлений. Что касается «причины», то она, по мысли румынского историка, должна была «всегда указывать на силу и на условия, в которых проявляется действие силы» [20, с. 799, прим. 1].

Второе отличие причины от закона заключалось в том, что причина, по убеждению А. Д. Ксенополя, приводила «к возникновению новых фактов»: «Каждый простой или сложный исторический факт есть результат действия одной силы или комбинации нескольких сил в известных условиях», – передавал М. М. Хвостов рассуждения европейского историка [20, с. 822]. Хотя, по мнению профессора, «понятие силы» А. Д. Ксенополя страдало неопределенностью [20, с. 822, прим. 4], из «Теории истории» все же было ясно, что речь шла об «эволюционных силах», или о «факторах общественной эволюции». Они не просто исподволь формировали любое «новообразование» исторического процесса, но и обеспечивали при «известных условиях» соединение «исторических фактов в ряды» причинно-следственных взаимозависимостей [20, с. 822].

М. М. Хвостов пояснял, что А. Д. Ксенополь видел главные задачи историка именно в выявлении и объяснении «рядов событий», соответствовавших принципу каузальности. Решение этих задач наталкивалось на еще более внушительные препятствия при осмыслении «сложных исторических фактов», состоявших из множества логически не связанных «рядов», которые «включают в себя другие – подчиненные первым, а эти, в свою очередь, включают в себя новые ряды и т. д.» [20, с. 821].

Важность понятия «причинность» для исторических рефлексий осознавал и Г. Риккёрт, хотя к абстрактным понятиям в исторической науке он, как мы знаем, относился с известным предубеждением. В данном случае его позиция по этой проблеме теории познания была близка точке зрения А. Д. Ксенополя. Он так же различал «закон» и «причину» [20, с. 799, прим. 1] и так же видел задачу историка «в сфере объяснения причинной связи» в установлении отношений «между отдельными фактами или группами отдельных различных по существу фактов». Противопоставляя индивидуализирующую историю всем точным и теоретическим дисциплинам, Г. Риккёрт, как и А. Д. Ксенополь, элиминировал «попытки объяснения общих причинных отношений в истории, подобных закону природы» [20, с. 816]. Однако его намерение обесценивать все известные историкам способы генерализации эмпирического материала и, прежде всего, образованные на «естественнонаучный манер... общие понятия»,

---

Поставив вопрос: «Каковы особенности эволюции восточных обществ?» – М. М. Хвостов отвечает на него следующим образом: «Остановимся прежде всего на э т а п а х э к о н о м и ч е с к о г о р а з в и т и я» [19, с. 8. Разрядка автора].

и, кроме того, желание игнорировать «общие суждения», необходимые историкам для истолкования причинной зависимости фактов [20, с. 817–818], заставляли М. М. Хвостова относиться к высказываниям философа с большей настороженностью, чем к аналогичным по смыслу умозаключениям А. Д. Ксенополя, и в полемике по теоретическим аспектам истории доказывать противоположность ряда своих представлений заявлениям идеолога неокантианства.

Отталкиваясь от рассуждений своих именитых предшественников, М. М. Хвостов получал возможность взвешенно и обстоятельно осмыслить свои подходы к идее каузальности и роли каузальных связей в историческом процессе [21, с. 23].

В духе Дж. С. Милля он уверенно рассуждает о «принудительно требуемой нашим мышлением» потребности к установлению «строгой причинной связи всего существующего» [21, с. 23] и справедливо объясняет этот запрос умов историков стремлением подняться над «простым усвоением действительности» с тем, чтобы по-своему ее истолковать [20, с. 815].

Подобное желание, со слов казанского профессора, обуревало сознание многих поколений исследователей прошлого, кто, подобно Фукидиду, Полибию, Тациту, не мог «удовлетвориться описательной, или “реферирующей”, историей» и стремился постичь историю через «анализ причинной связи» или, иначе, прагматически [20, с. 815, прим. 5].

В последние десятилетия XIX в. прагматическая история, «ставящая отдельные индивидуальные факты во взаимную связь причины и следствия», заняла лидирующие позиции в историографии [20, с. 815, прим. 5. Курсив автора], что, по мнению М. М. Хвостова, и сделало возможным обсуждение теоретических подходов к истолкованию понятия «причинность» [20, с. 794]. В настоятельную необходимость осмысления каузальности превратилось по мере укрепления позиций социологической истории, которая поставила своей целью «объяснять отдельные факты в жизни общества не только из отдельных предшествующих фактов, но и из общих социологических положений», – заявлял он [18, с. 21].

Трудно было переоценить значение логической процедуры причинно-следственного анализа и с институционализацией «эволюционной, или “генетической” истории», считал М. М. Хвостов, ссылаясь на Э. Бернгейма [20, с. 815, прим. 5], и был в этом убеждении абсолютно прав. С утверждением в методологии познания историко-генетического метода категория «каузальность» превратилась в центральный элемент реконструкции исторического процесса [13, с. 685, 696; 15, с. 412].

Осознавая значимость «причинного анализа» при «истолковании фактов» [20, с. 791], ученый считал необходимым включать разбор «каузальных связей» в контекст осмысления проблемы эволюции древних обществ [20, с. 822, 823] и, кроме того, использовать сложные и многомерные явления «причинности» при изложении своих представлений о закономерностях и случайностях в истории.

Под исторической эволюцией он был склонен понимать «процесс, получающийся в результате действия нескольких или многих сил» [20, с. 823. Курсив автора].

Используя, как и А. Д. Ксенополь, термин «сила», имплицитно связанный с позитивизмом Г. Спенсера¹¹, а также отождествляя «силы» с «основными факторами исторической эволюции» [20, с. 822], М. М. Хвостов смог все же пойти дальше румынского ученого в логическом анализе природы причинно-следственных отношений [20, с. 814]. Императив: «избегать смешения понятий, обозначающих факторы (или силы), с понятиями, обозначающими результа-

---

¹¹ Для краткого выражения еще не познанной, но необходимо признаваемой причинной связи Г. Спенсер, действительно, использовал понятие «сила», не обращая внимания на то, что к тому времени, когда он писал свои труды, в тезаурус естествознания уже прочно вошел термин «энергия». Представление о «силе» Г. Спенсер заимствовал из механики – единственной науки, успешно пользовавшейся этим понятием в целях количественного измерения действия, которое, в свою очередь, являлось следствием изменения скорости движения. Применение этого понятия вне области механики, а тем более в качестве универсальной философской категории, уже превращалось в анахронизм [3, с. 83, 87, 88].

Н. Ф. Уткина обращает внимание на то, что понятие силы, хотя и характеризовало естественные процессы, «сохраняло оттенок антропоморфных и даже трансцендентных представлений». Подчеркивая связь революции в естествознании с корректировкой научной картины мира, исследовательница утверждает, что «широкая трактовка причинности» при объяснении «сложных процессов исторической и общественной жизни» стала возможной только с заменой в физике «силы» на «движение скрытых масс». Это позволило обосновать концепцию континуума, или скрытой среды, являвшейся взаимодействием взаимосвязанных и взаимозависимых материальных систем. Для естествознания такая трактовка невидимой энергии среды обитания людей могла иметь принципиальное значение [16, с. 265–271].

ты этих сил» [20, с. 822], – говорит о том, что казанский профессор мог отграничивать причины («общие факторы»), вызывавшие «новые изменения и новые образования» [20, с. 791, 823], от реализованного в историческом опыте последствия, которое само при этом превращалось в «новый фактор дальнейшей эволюции» общества [20, с. 823].

Исследователь перечисляет «силы», связанные с манифестацией «законов природы», сопровождая их номинации следующим пояснением: «В столь сложных явлениях, какими представляются исторические, действие законов природы проявляется в комбинациях, в высшей степени запутанных». К числу каузальных «сил» он относит следующие «общие факторы», вне сомнения, имевшие объективный и внешний характер и к тому же обладавшие долговременными проявлениями: «силы физические и химические, биологические и психологические» [20, с. 820].

Он обращает внимание на перепутанность объективных «сил» взаимными влияниями, особенно когда речь идет об их совокупном воздействии на «отдельные личности», чья неординарность и амбициозность могут неожиданно превратиться в «действенный», по терминологии Э. Мейера [20, с. 810], фактор. Этот фактор, правда, уже не объективный, тоже был способен оказывать влияние на исторический процесс: ускорять его или придавать ему «несколько иное направление» [21, с. 28]. Да и тот факт, что неоднородное по составу общество состоит «из индивидов», отличающихся друг от друга «самостоятельностью и разнообразием», добавляет еще один «элемент “случайности” в непрерывную последовательность эволюционного ряда» [21, с. 25–26].

М. М. Хвостову были знакомы и другие «случайные факты», появившиеся в результате непредсказуемого «скрещения причинных рядов» [20, с. 820]. Вмешиваясь в процесс эволюции, они могли нарушить его естественность, плавность и постепенность [21, с. 26], превратить в «колеблющееся, неравномерное» движение. Но он выражал уверенность в том, что эти сбои в эволюционном ритме не могут разорвать саму «цепь» развития, а значит, и оказать на исторический процесс решающее воздействие [21, с. 29].

Изучая феномен «случайности», как и «мало поддающийся анализу элемент личный» в истории [20, с. 820], М. М. Хвостов стремился убедить нас в том, что «случай не есть нарушение причинности: то, что мы называем “случаем”, есть результат перекрещивания двух или нескольких причинных рядов» [21, с. 23]. Эту фразу можно истолковать в ключе признания ученым причинной обусловленности даже случайных событий.

Приведенный в «Лекциях по методологии...» пример подтверждает приверженность профессора логике детерминистского подхода. «Нашествие варваров на Западную Римскую империю может казаться случаем, – излагал М. М. Хвостов свою позицию, – однако это событие в сущности не случайно, ибо было подготовлено и вызвано несколькими рядами причин: разложением империи, движением варваров; но момент встречи, сцепления этих нескольких различных причинных рядов есть случайность» [21, с. 23].

М. М. Хвостов делился своим наблюдением об увеличении количества «различных причинных цепей» по мере усложнения содержания «группы событий» или явлений, хотя примеров «сложных процессов» и критериев их идентификации не предлагал [21, с. 24–25].

Таким образом, кажущаяся внезапность даже самых крупных событий, по его мнению, была предопределена латентными процессами – длительными, «бесконечно сложными и многообразными явлениями человеческой общественности», и даже в тех случаях, когда «отдельные моменты», «отдельные события» порождали другие события [21, с. 29], они представляли для него интерес не сами по себе, а как составные части исторического явления, которые в качестве «новообразования» превратятся в «новый фактор дальнейшей эволюции» [20, с. 823].

Случайность в такой интерпретации оборачивалась проявлением определенной закономерности и оттеснялась на периферию его исследовательских интенций.

Видимо, при ретроспективном анализе прошлого, когда историку были хорошо известны последствия любого события, все произошедшее выглядело как исторически неизбежное, предопределенное, а значит, и случайности просто не могло быть: ей приписывалась роль закономерного.

Эволюционный подход к осмыслению исторического процесса также имманентно предполагал построение любого развивающегося явления в виде бесконечной цепи причин и следствий [13, с. 685, 691]. Следовательно, выбранная М. М. Хвостовым методологическая парадигма уже предопределяла его отношение к случайности как к проявлению закономерного.

сти, а это, в свою очередь, и нивелировало роль непредвидимого результата в «сложном процессе» развития общества [21, с. 24].

Сохраняя верность закону причинной связи Дж. С. Милля и совмещая его с заимствованным из естествознания детерминистским подходом к анализу процесса общественного развития, М. М. Хвостов исключил из поля своего зрения «скачки», «перерывы в последовательной эволюции», за которыми могли скрываться великие и тем более эпохальные события. Именно поэтому в его трудах они не получили научного обоснования¹², хотя в контексте событийной истории упоминались. Указания на «катастрофичность» процесса исторической эволюции тоже только декларировались [21, с. 24, 27], внося разлад в теоретические построения ученого.

Вместе с тем ему удалось выразить мысль о сложной, непрозрачной, запутанной детерминации в истории и сформулировать вывод о множественности причин, или, выражаясь современным языком, мультикаузальности всех событий и явлений: «индивидуальность исторических событий есть результат того, что каждое из таковых возникает благодаря скрещиванию *многих* причинных рядов, в каждом отдельном случае неодинаковых» [21, с. 31]. Мультикаузальность имплицировала идеи неокантианцев об индивидуальности и неповторимости истории и, таким образом, бросала тень на стремление обосновать любые исторические аналогии и тем более закономерности. Однако М. М. Хвостов нашел лазейку для доказательства обратного. Прибегая к положению о «приблизительных обобщениях, не имеющих безусловной значимости» [21, с. 41], он сумел связать категорию причинности с предопределенностью последствий, релевантных вызвавшим их условиям. В данном случае детерминистский подход к объяснению исторической причинности он экстраполировал на авторскую трактовку исторической закономерности. «Общие причинные соотношения в истории», считал М. М. Хвостов, не представляли собой повторения безусловных, то есть «настоящих общеобязательных законов природы». Историк может стремиться только к установлению «переходных форм причинного истолкования фактов, менее общих, чем законы природы, но в то же время более общих, чем причинная связь между единичными фактами» [20, с. 816].

Компромиссный характер этого заключения не вызывает сомнений. С одной стороны, оно было данью социологии, стремившейся обосновать законы развития общества, с другой – реверансом в сторону идиографической истории, изучающей индивидуальные неповторимые исторические феномены, «каузальные законы» взаимодействия которых (или элементов которых) отличались от законов, действовавших в неодушевленной природе: этому препятствовали «личный и случайный элементы» [20, с. 820]. Их влияние следовало учитывать, причем в обязательном порядке, при осуществлении детального, скрупулезного анализа причинно-следственных отношений. «Здесь [в ходе исследования исторической каузальности. – М. Н., Т. П.] работа историка сводится к разложению исторического события на элементы¹³, то есть на причинные ряды, из которых оно сложилось» [21, с. 31], с тем чтобы «указать связь *отдельных* фактов с предшествующими» [20, с. 821. Курсив автора].

Одним из самых ярких примеров «разложения события на... причинные ряды» может служить анализ М. М. Хвостовым причин и поводов Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.). Война являлась главным событием «международных отношений Афин и других греческих государств после победы над персами и образования Афинского союза» [18, с. 25], поэтому он очень обстоятельно проанализировал совокупность условий, с неотвратимостью рока предопределивших неизбежность самого губительного для мира греческих полисов военного конфликта.

При отражении связей между событиями М. М. Хвостов прибегал к работам своих предшественников как к историографическим образцам. Однако не подлежит сомнению тот факт,

¹² В авторской периодизации истории Древней Греции, к примеру, «история событий» не фигурирует в контексте «истории состояний», которая определяет движение вперед обитателей полисов Эллады. Исторические события словно скрыты под толщей анонимных надындивидуальных процессов развития хозяйственного быта, социально-политических изменений, преобразований в религии, науке, художественном творчестве древних [18, с. 35–37].

¹³ Упомянутое в цитате слово «элементы», как правило, имеет естественнонаучную коннотацию. По закоренелой мыслительной привычке, М. М. Хвостов использовал слово «элементы» в значении «составные части», «сумма» дискретных единиц какой-то системы, например: «элементарные единицы», «наподобие атомов и «клеточек»; «элементарные силы» как факторы общественной эволюции; «отдельные моменты» события [20, с. 816, 819, 820; 21, с. 18, 36].

что он сам тщательнейшим образом прорабатывал сочинения античных историков-«прагматиков», содержавшие «причинные объяснения исторических событий» [18, с. 21]. К числу таких древних авторов принадлежал Фукидид – «главный источник для данной эпохи», предвосхитивший «некоторые приемы новейшей историографии» [18, с. 197, 200], в том числе связанные с реконструкцией исторической причинности. «Что касается *истолкования событий*, – разъяснял М. М. Хвостов свои восхищенные отзывы о труде Фукидида «История Пелопоннесской войны», – то здесь он стоит на строго исторической точке зрения. Везде он ищет причинности, отделяет причины общие от частных, отличает причины от ближайших поводов. Он ищет причины данного явления в предшествующих событиях и таким путем иногда доходит почти до социологического анализа. Однако в общем он не идет так далеко, ограничиваясь указанием ближайших причин события. Веры в чудесное у него нет – здесь он стоит на *строго рационалистической точке зрения*. Он не допускает возможности вмешательства какой-либо сверхъестественной силы в ход исторических событий...» [18, с. 200. Курсив автора].

Таким образом, руководствуясь надежными образцами изучения исторической причинности, М. М. Хвостову не сложно было осуществить аналогичные логические операции для выявления предпосылок и поводов как Пелопоннесской войны, так и других важных для народов древности событий.

Осуществив аналитический этап работы с историческими свидетельствами, М. М. Хвостов приступал к систематизации предварительно упорядоченных материалов: «группированию сходных моментов» в соответствии с характером предполагавшихся действующих «сил» [21, с. 35]. Для правильной классификации и рубрикации исторических предпосылок необходимо было «разложенное на составные элементы» событие соотнести с «общими факторами общественной эволюции, то есть с теми силами, которые эту эволюцию производят» [20, с. 819]. Установление подобной связи для «каждого единичного события» М. М. Хвостов считал «идеалом», достижению которого должны были посвятить себя и историография будущего, и обществоведение [20, с. 819].

Сложность аналитических процедур с последующими классификационно-обобщающими операциями он объяснял наличием необъяснимого «иррационального» остатка, неразложимого при анализе на элементы, являющиеся результатом действия основных факторов общественной эволюции» [20, с. 819]. Необъяснимыми без применения соответствующих методик изучения индивидуальной психологии считались как «очень прихотливое сцепление элементарных сил в отдельных *личностях*», так и не изученное «теоретическими науками об обществе», в том числе «динамической социологией», скрещивание причинных рядов при возникновении исторической случайности [20, с. 819, прим. 2. Курсив автора].

Исходя из реальных возможностей теоретических и эмпирических наук об обществе времени его жизни, М. М. Хвостов сформулировал правило, которое рекомендовал использовать историкам: «искать единообразие» между изучаемыми событиями и явлениями в истории разных народов. Это правило было рецепцией сформулированного Дж. С. Миллем «принципа единообразия природы» [21, с. 29, 31] и при постулировании индивидуализирующего характера истории казалось единственно возможным способом спасения историографии от превращения ее в беспредметное и бессвязное перечисление фактов.

«Принцип причинности» также позволял придать истории характер подлинной науки, так как гарантировал востребованность базовых исторических понятий, исследовательских процедур, способствовал систематизации проверенной на достоверность информации. Дополненный «принципом единообразия»: «сходством... некоторых сторон... составных частей» исторических событий, – он вселял надежду на познание давно минувшего прошлого на основании слепой, как правило, веры в их структурно-типологическую общность или совпадение, на деле мнимое, «с подобными же фактами, наблюдавшимися в другое время и в других местах» [21, с. 31–33].

Итак, М. М. Хвостов допускал использование в исследовательской лаборатории историка анахронизмов. Подобная гносеологическая беспечность зиждилась на его уверенности в «единообразии общечеловеческой психики»¹⁴, а это «широкое единообразие», в свою очередь,

¹⁴ Представление о «единообразии человеческой психики» было распространено в немецком общественном знании. К примеру, Э. Бернгейм утверждал, что «процессы чувствования, мышления и воли протекают у всех людей, в силу общности их организации, одинаково, по законам психической причинности. Поэтому мы можем понять все внешние проявления человеческой духовной жизни всех времен и всех стран... Законы и процессы мышления повсюду одинаковы» [1, с. 63, 64].

придавало «психический характер историческому материалу» [20, с. 816], облегчая его трактовку специалистами и делая его «истолкование понятным для читателя» [20, с. 817].

Исходившая от идеологов позитивизма¹⁵ убежденность М. М. Хвостова в существовании универсально-общего психического «единообразия» человечества и стала для него способом легитимизации логического анализа причинно-следственных связей на практике, так как «обязательная для историка предпосылка... о существовании общего в человеческой психике» [20, с. 816. Курсив автора] открывала дверь в некогда недоступное его пониманию прошлое.

Действительно, если «группы сходных моментов в общечеловеческих душевных переживаниях» превратить в алгоритм исследовательской деятельности, рассуждал он, то и причинное истолкование событий окажется верифицированной эвристической процедурой, которая сможет «удовлетворить потребности нашего ума в отыскании причинной связи и закономерности» [21, с. 36]. Во всяком случае, заверяет нас М. М. Хвостов, причины войн и восстаний, имевших место сотни и даже тысячи лет назад, были понятны не только «историкам-прагматикам древнего времени», но и ясны современным ученым исключительно потому, что «они основаны на общечеловеческой психике», «психологической мотивировке действий исторических лиц» и «вызывают понятные нам (общечеловеческие) душевные переживания» [20, с. 816; 21, с. 33–36].

К примеру, каждый из нас, оценивая свое поведение или наблюдая за реакциями окружающих людей, «знает о чувствах», которые должен испытывать «привыкший к власти при виде оспаривающей у него эту власть толпы», «каждый понимает сущность экономических интересов и торговой конкуренции», каждый испытывал страх перед «усилением противника» – пояснял ученый те ощущения своих коллег по ученому цеху, которым удавалось достоверно, по его мнению, восстановить каузальные связи между индивидуальными фактами, опираясь в том числе и на индивидуальные психические проявления. Читатель исторических трудов, в свою очередь, верит этим объяснениям, потому что они «создают в нас чувство удовлетворенности причинным истолкованием исторических фактов, удовлетворяют потребности нашего ума в отыскании причинной связи...» [21, с. 36].

Из этих утверждений следует, что М. М. Хвостов, отталкиваясь от позитивистских теоретических установок и продиктованному позитивистской гносеологией отношению к факту как к «констатируемой эмпирически» объективной данности [21, с. 36], строит свои умозаключения на чуждой позитивистскому учению психологической платформе эмпатии. В этом можно заметить влияние видных европейских ученых – сторонников психологической интерпретации исторического процесса, например Г. Зиммеля. Не стоит исключать и рецепций идей таких известных российских историков, как Р. Ю. Виппер. Во всяком случае, имеющаяся в «Лекциях по методологии...» ссылка на нашумевшее исследование московского профессора¹⁶, также интерпретировавшего взаимоотношения фактов при помощи причинных рядов и подменявшего причины условиями [14, с. 187–189], позволяет усматривать в методологических «ножницах» М. М. Хвостова влияние главного сторонника эмпириокритицизма в России, которое, правда, было избирательным и не свелось к редуцированию онтологии факта и отношению к нему как к измышлению сознания историка, вопреки пропагандистской активности Р. Ю. Виппера в этих направлениях.

Эмпатия, или сопереживание, – способность понимать переживания, чувства и эмоции других людей [4, с. 1220] – важный для М. М. Хвостова посыл к адекватному познанию «седой древности» – вступала в не замечавшееся им противоречие с «сознательным эмпиризмом» –

Г. Зиммель исследовал проблему «психологического тождества между познающим и познаваемым» для того, чтобы объяснить «возможность познания» истории и исторической причинности. «Всякое изображение, всякое понимание психологического объекта означает, – считал он, – что понимающий испытывает то же душевное движение, в изучение которого он погружается...» [5, с. 21, 24].

Между тем, оба исследователя осознавали сложности процесса «проникновения в идеи и чувства» других людей, особенно отдаленных исторических эпох, и возлагали на социальную психологию свои надежды в совершенствовании исторического познания [1, с. 12–16, 64–70; 5, с. 17–27].

¹⁵ К примеру, Дж. С. Милль полагал, что психические явления подчиняются неизменным законам: «Все явления общества суть явления человеческой природы, порождаемые действием внешних обстоятельств на массы людей. Следовательно, если явления человеческого мышления, чувствования и действия подчинены неизменным законам, то и явления общества не могут не быть подчинены неизменным законам, вытекающим из предыдущих» [8, с. 425].

¹⁶ Речь идет об «Очерках теории исторического познания» Р. Ю. Виппера.

«привычкой к анализу конкретного исторического материала» [20, с. 794, 795], которая была сформирована у каждого историка, разделявшего позитивистскую методологию познания.

Прием «понимания» наслаивался на почву строго научного метода изучения исторических фактов, но оставался всего-навсего его модной декорацией, поскольку никак не соотносился с факторным подходом к осмыслению исторического процесса, которому М. М. Хвостов уделял самое пристальное внимание. Изучение общих факторов исторического развития, то есть «выявление глубинных причинно-следственных связей явлений и процессов» [2, с. 325], проливает дополнительный свет на особенности эволюционистских воззрений ученого и его представления об историческом процессе, а потому заслуживает быть предметом специального рассмотрения.

Список литературы

1. Бернгейм, проф. Введение в историческую науку / пер. с нем. под ред. С. Е. Сабинина. М. : Изд. М. Н. Прокоповича, 1908. 185 с.
2. Бессмертный Ю. Л., Хвостова К. В. М. М. Хвостов и его взгляды на историю западноевропейского крестьянства (по материалам неопубликованного курса лекций) // История и историки. Историографический ежегодник. 1977 / отв. ред. М. В. Нечкина. М. : Наука, 1980. С. 322–345.
3. Богомолов А. С. Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков. М. : Изд-во Московского ун-та, 1962. 376 с.
4. Большой энциклопедический словарь. М. : АСТ; Астрель, 2003. 1247 с.
5. Зиммель Г. Проблемы философии истории (Этюд по теории познания) / пер. под ред. В. Н. Линда. М. : Изд. магазина «Книжное дело», 1898. 165 с.
6. Кон И. С. Позитивизм в социологии. Исторический очерк. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1964. 207 с.
7. Милль Джон Стюарт Система логики / пер. с 5-го, дополненного лондонского изд. Ф. Резенера. Изд. 2-е. Т. 1. Санкт-Петербург; Москва : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1878. 522 с.
8. Милль Джон Стюарт Система логики / пер. с 5-го, дополненного лондонского изд. Ф. Резенера. Изд. 2-е. Т. 2. Санкт-Петербург; Москва : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1878. 507 с.
9. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Особенности научного мировоззрения М. М. Хвостова // Вестник Московского университета. 2020. № 4. С. 56–74.
10. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. «Это был человек труда»: памяти М. М. Хвостова // Вопросы истории. 2020. № 10. С. 166–173.
11. Петрушевский Д. М. Введение. О логическом стиле исторической науки вообще и средневековой истории в частности // Д. М. Петрушевский Очерки из истории средневекового общества и государства / под общ. ред. М. А. Морозова, вступ. ст. Г. Е. Лебедевой, В. А. Якубского. Санкт-Петербург : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. С. 35–70.
12. Поппер К. Нищета историцизма / пер. с англ. М. : Издательская группа «Прогресс» – ВИА, 1993. 187 с.
13. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М. : Языки русской культуры, 1997. 800 с.
14. Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М. : Изд-во Московского ун-та, 1976. 221 с.
15. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М. : Аквилон, 2014. 576 с.
16. Уткина Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX века). М. : Наука, 1975. 317 с.
17. Хвостов М. М. Изучение экономического быта древности (Две полемики) // Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург, 1900. Июнь. С. 281–303.
18. Хвостов М. М. История Греции : лекции, читанные в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах / под ред. Г. Пригоровского. Изд. 2-е, доп. М. : Государственное изд-во, 1924. 262 с.
19. Хвостов М. М. История Древнего Востока / под ред. Г. Пригоровского. Изд. 2-е. Ленинград : Государственное изд-во, 1927. 275 с.
20. Хвостов М. М. К вопросу о задачах истории : сб. статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М. : Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909. С. 791–824.
21. Хвостов М. М. Лекции по методологии и философии истории. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «Либроком», 2011. 104 с. (Академия фундаментальных исследований: история).

Historical determinism in the theoretical constructions of M. M. Hvostov

M. V. Novikov¹, T. B. Perfilova²

¹Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of Theory and Methodology of Vocational Education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0002-2013-1919. ResearcherID: AAD-2635-2019. E-mail: m.novikov@yspu.org

²Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0002-2498-8688. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The article deals with the problem of M. M. Hvostov's attitude to historical determinism, the core of which was the recognition of causality in the historical process. It is noted that in studying the category of "cause" and the ways of casual explanation of historical facts, Hvostov was guided by J. S. Mill's "System of Logic". Following Mill's "law of causation", Hvostov looked for repeating facts or coincidences of at least "some of their sides" in individualizing history. They expressed stable connections in social phenomena and processes, that is, they served as the equivalent of the concept of "law", which the scientist began to avoid. An analogue of historical regularity for Hvostov was the concept of "uniformity" in history. He represented "uniformity" both as a result of a single, unchanging mental nature of people over time, and as a consequence of the cyclical nature of historical processes. It was necessary to establish the inevitable objective relationship between the totality of previous facts (causes, conditions, forces) and the certain consequences caused by them. It is emphasized that Hvostov, as a supporter of explanatory history, was attracted by the study of not just a single premise – the cause of the event, but the multitude of all causes, or "factors of social evolution", with the predestination of the law under certain conditions leading to the expected results. Attention is drawn to the fact that most of the casual forces (factors) had an external and long-term character, comprehended by the satellite sciences of history, that is, it was predictable. Only personal and accidental "elements" gave the historical process a complex and confusing character. However, epistemological optimism allowed Hvostov to verify the personal factor with the help of a psychological device – empathy. The results of the analysis of a random "element" were determined by the competence of the historian: the ability to analyze the "crosses" of causal series, decompose events into their component parts, compare them with similar facts of world history. In Hvostov's interpretation, the case was not a violation of causality. Each event was predetermined in advance, which excluded "jumps" and "catastrophes", that is, truly epochal events.

Keywords: positivism, neo-Kantianism, historical determinism, causality in history, "uniformity" in history, reason (condition, force), occasion, chance, personal factor in history, empathy.

References

1. *Bernheim, Prof. Vvedenie v istoricheskuyu nauku* [Introduction to historical science] / transl. from German and ed. by S. E. Sabinin. M. Publishing house of M. N. Prokopovich. 1908. 185 p.
2. *Bessmertnyj Yu. L., Hvostova K. V. M. M. Hvostov i ego vzglyady na istoriyu zapadnoevropejskogo krest'yanstva (po materialam neopublikovannogo kursa lekcij)* [M. M. Hvostov and his views on the history of the Western European peasantry (based on the materials of an unpublished course of lectures)] // *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskij ezhegodnik – History and historians. Historiographical yearbook. 1977* / ed. by M. V. Nechkin. M. Nauka (Science). 1980. Pp. 322–345.
3. *Bogomolov A. S. Ideya razvitiya v burzhuaznoj filosofii XIX i XX vekov* [The idea of development in bourgeois philosophy of the XIX and XX centuries]. M. Publishing House of Moscow University, 1962. 376 p.
4. *Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* – The Great Encyclopedic Dictionary. M. AST; Astrel. 2003. 1247 p.
5. *Simmel G. Problemy filosofii istorii (Etyud po teorii poznaniya)* [Problems of philosophy of history (An etude on the theory of knowledge)] / transl. ed. by V. N. Linda. M. Publishing house of the bookstore "Book business". 1898. 165 p.
6. *Kohn I. S. Pozitivizm v sociologii. Istoricheskij ocherk* [Positivism in sociology. Historical essay]. L. Publishing House of Leningrad University. 1964. 207 p.
7. *Mill John Stewart Sistema logiki* [System of Logic] / transl. from the 5th, supplemented London ed. by F. Rezener. Ed. 2nd. Vol. 1. SPb.; M. Publishing house of the bookseller-typographer M. O. Wolf. 1878. 522 p.
8. *Mill John Stewart Sistema logiki* [System of Logic] / transl. from the 5th, supplemented London ed. by F. Rezener. Ed. 2nd. Vol. 2. SPb.; M. Publishing house of the bookseller-typographer M. O. Wolf, 1878. 507 p.
9. *Novikov M. V., Perfilova T. B. Osobennosti nauchnogo mirovozzreniya M. M. Hvostova* [Features of M. M. Hvostov's scientific worldview] // *Vestnik Moskovskogo universiteta – Herald of Moscow University. 2020. No. 4. Pp. 56–74.*
10. *Novikov M. V., Perfilova T. B. "Eto byl chelovek truda": pamyati M. M. Hvostova* ["It was a man of labor": in memory of M. M. Hvostov] // *Voprosy istorii – Questions of history. 2020. No. 10. Pp. 166–173.*
11. *Petrushevskij D. M. Vvedenie. O logicheskom stile istoricheskoy nauki voobshche i srednevekovoj istorii v chastnosti* [Introduction. On the logical style of historical science in general and medieval history in particu-

lar] // *D. M. Petrushevskij Ocherki iz istorii srednevekovogo obshchestva i gosudarstva* [Essays from the history of medieval society and the state] / under the gen. ed. of M. A. Morozov, introduction by G. E. Lebedeva, V. A. Yakubsky. SPb. Publishing center "Humanitarian Academy". 2003. Pp. 35–70.

12. *Popper K. Nishcheta istoricizma* [Poverty of historicism] / transl. from English. M. Publishing group "Progress" – VIA. 1993. 187 p.

13. *Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Istoriya i vremya. V poiskah utrachennogo* [History and time. In search of the lost]. M. Languages of Russian culture. 1997. 800 p.

14. *Safronov B. G. Istoricheskoe mirovozzrenie R. Yu. Vippera i ego vremya* [The historical worldview of R. Yu. Vipper and his time]. M. Publishing House of Moscow University. 1976. 221 p.

15. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar'* – Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary / ed. A. O. Chubaryan. M. Aquilon. 2014. 576 p.

16. *Utkina N. F. Pozitivizm, antropologicheskij materializm i nauka v Rossii (vtoraya polovina XIX veka)* [Positivism, anthropological materialism and science in Russia (the second half of the XIX century)]. M. Nauka (Science). 1975. 317 p.

17. *Hvostov M. M. Izuchenie ekonomicheskogo byta drevnosti (Dve polemiki)* [The study of the economic life of antiquity (Two polemics)] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* – Journal of the Ministry of Public Education. SPb. 1900. June. Pp. 281–303.

18. *Hvostov M. M. Istoriya Grecii : lekcii, chitannye v Kazanskom universitete i na Kazanskih vysshih zhen-skih kursah* [History of Greece : lectures given at Kazan University and at Kazan higher women's courses] / ed. by G. Prigorovsky. Ed. 2nd, add. M. State Publishing House. 1924. 262 p.

19. *Hvostov M. M. Istoriya Drevnego Vostoka* [History of the Ancient East] / ed. by G. Prigorovsky. Ed. 2nd. L. State Publishing House. 1927. 275 p.

20. *Hvostov M. M. K voprosu o zadachah istorii : sb. statej, posvyashchennyh Vasiliyu Osipovichu Klyuchevskomu ego uchenikami, druz'yami i pochitatel'yami ko dnyu tridcatiletiya ego professorskoj deyatel'nosti v Moskovskom universitete (5 dekabrya 1879 – 5 dekabrya 1909 goda)* [On the question of the tasks of history: collection of articles dedicated to Vasily Osipovich Klyuchevsky by his students, friends and admirers on the day of the thirtieth anniversary of his professorial activity at Moscow University (December 5, 1879 – December 5, 1909)]. M. Comrade "Printing House of S. P. Yakovlev". 1909. Pp. 791–824.

21. *Hvostov M. M. Lekcii po metodologii i filosofii istorii. Izd. 2-e* [Lectures on methodology and philosophy of history. Ed. 2nd]. M. Book House "Librocom". 2011. 104 p. (Academy of Fundamental Research: History).

Докладные записки атташе по делам военнопленных при посольстве РСФСР в Берлине С. М. Семкова как исторический источник

Е. И. Лазаренко

аспирант кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского. Россия, г. Брянск. E-mail: lena.lazarenko.79@mail.ru

Аннотация. В статье идет речь о том, что докладные записки являются не только делопроизводственными документами, но и необходимым историческим источником, который может помочь всесторонне изучить поставленную историком проблему. Актуальность исследования заключается в том, что на примере докладных записок атташе по делам военнопленных при посольстве РСФСР в Берлине С. М. Семкова, автор раскрывает реальное положение русских военнопленных Первой мировой войны в немецких лагерях Гюстров, Стендель и Дебериц после подписания Брестского мирного договора и очень напряженные отношения между Советской Россией и Германией. Статья основана на ранее неизученных документах Государственного архива Российской Федерации, которые представлены впервые. В ходе исследования был сделан вывод о том, что сохранившиеся докладные записки могут стать очень ценным источником для получения необходимой информации вплоть до мелочей. Ознакомившись с этими документами, становится ясно, что к русским военнопленным в Германии относились гораздо хуже, чем к пленным французам и англичанам. Их не только плохо кормили, одевали, но и почти не платили за тяжелый труд, в связи с чем не спешили отправлять на Родину даже после подписания Брестского мирного договора, поставив русскую делегацию летом 1918 г. в тупик. Русские военнопленные были деморализованы, потеряв всякую надежду на помощь и освобождение. Избиения, дисциплинарные взыскания, изъятие личных вещей и денег было обычным явлением в немецких лагерях.

Ключевые слова: военнопленные, Первая мировая война, атташе Семков С. М., немецкие лагеря.

Как известно, делопроизводственные документы считаются самым многочисленным видом исторических источников. Это целый комплекс документации, который образуется в результате деятельности того или иного компетентного органа управления, имеет различные формы и содержания. Среди них есть докладные записки, которые относятся к группе деловой переписки и отчетности. В статье в качестве примера будут рассмотрены подробно докладные записки атташе по делам военнопленных при посольстве РСФСР в Берлине С. М. Семкова. Исследование основано на ранее неизученных документах Государственного архива Российской Федерации.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить, насколько надежен этот вид исторических источников, ведь порой он имеет субъективный характер и зависит от политических взглядов, убеждений, настроения, меры объективности того, кто пишет отчетный документ. Автор статьи с помощью архивных документов пытается раскрыть особенности докладных записок как важного исторического источника, при внимательном изучении которых можно узнать то, чего не напишут в журналах и газетах, то, чего не встретишь в других официальных государственных отчетах.

Проблема русского плена в Первую мировую войну остается до сих пор очень актуальной. К сожалению, в досоветский и советский периоды тема русских военнопленных не изучалась подробно. Зато за последние два десятилетия в отечественной историографии сформировался целый комплекс исследований, связанных с данной тематикой: от правового статуса военнопленного до оказания им помощи на месте пребывания в родной регион.

Немало исследований посвящено причинам большого количества военнопленных и массовых сдач в плен. Так, например, в своей книге Оськин М. В. отметил, что не по своей вине, в результате полного окружения в августе 1914 г. при разгроме армии Самсонова под Танненбергом в Восточной Пруссии только генералов попало в плен сразу 15 человек [17, с. 14]. В битве при Мазурских озерах, где произошло сражение в Августовском лесу в феврале 1915 г. и была разбита русская 10-я армия, немцы взяли в плен до 30 000 человек [6, с. 116]. Всем известный Брусиловский прорыв обычно рассматривается как свидетельство того, ка-

ких успехов русская армия смогла добиться, имея хорошее командование и руководство на местах. Тем не менее в ходе этих событий наблюдались большие потери русской армии – почти миллион человек, половина из них – военнопленные [16; 17]. Еще один пример, когда в августе 1915 г. по халатности генералов не были эвакуированы русские части Новогеоргиевской крепости, в немецкий плен угодили 83 000 человек, в том числе 2100 офицеров и 23 генерала. Результатом столь плачевных последствий стали нехватка артиллерии, отсутствие грамотного командования и офицеров, а также проблемы с транспортом [2, с. 75]. Николай II посчитал это за предательство и ничего не сделал, чтобы освободить хотя бы генералов, которые обращались (а также их семьи) с просьбой освободить их путем обмена военнопленных. Однако из-за неприязненного отношения русского командования к своим пленным линия индивидуального обмена была полностью закрыта [17, с. 17].

Различалось положение военнопленных из разных воевавших стран. Так, например, пленные-союзники из Англии, Франции, Бельгии с 1915 г. получали посылки не только от своих родственников, но и от правительства, в то время как русским военнопленным солдатам государственная поддержка не оказывалась, а помощь общественных организаций была мизерной. Ради еды пленные из России порой прислуживали союзным солдатам в лагерях [13, с. 57–58]. Царское руководство отказало в продовольственной помощи пленным нижним чинам, считая это мерой прекращения сдачи в плен. Более того, Николай II в апреле 1915 г. распорядился о прекращении посылки российским военнопленным хлеба, который якобы могли использовать для питания германских войск [5, с. 67]. В отличие от России, другие государства имели программы социально-правовой помощи своим военнопленным.

Несмотря на подчеркнуто отрицательное отношение к военнопленным со стороны российских властей, были созданы организации, которые оказывали им помощь: Комитет Государыни Императрицы Александры Федоровны по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах; Комиссия общения военнопленных при Петроградском Комитете Союза городов [18, с. 156].

После Февральской революции новые российские власти заявили о необходимости перемены в лучшую сторону политики по отношению к русским военнопленным: началась широкая пропаганда в прессе, направленная на освещение их тяжелого положения в лагерях Европы, был создан Центральный Комитет по делам военнопленных при Главном управлении РОКК, при котором работали представители Военного министерства и МИД, МВД и министерств: финансов, торговли, промышленности, земледелия, путей сообщения и юстиции. Впервые за весь период войны проблема российских военнопленных за рубежом была поставлена на государственный уровень. Однако за короткий период существования либеральной России в положении военнопленных мало что изменилось. Только родственники военнопленных стали чаще обращаться к чиновникам с просьбами разрешить индивидуальный обмен пленными, главным образом высших офицеров [16, с. 104].

После Октябрьской революции положение русских военнопленных несколько не улучшилось, даже посылки от родных перестали отправляться в связи с разрухой и начавшейся Гражданской войной. Военнопленные считали себя брошенными и ненужными для России [12, с. 138].

Необходимо отметить, что все-таки деятельность советского руководства по отношению к русским и к иностранным военнопленным отличалась от царской, зависела от новых политических представлений. Так, в 1918 г. Совнарком постановил денежное пособие (паек) семьям военнопленных старой армии уравнивать с пособием для семей красноармейцев [9, с. 362]. Если при прежнем режиме были отменены пайки семьям, воины которых попали в плен, то советская власть с пониманием отнеслась к этой проблеме, проводя диаметрально противоположную политику в отношении бывших русских военнопленных. Декретом Совнаркома «О пайке семьям солдат, находящихся в плену, пропавших без вести, убитых и потерявших на войне трудоспособность» семьи солдат, попавших в плен, получали право на паек [10, с. 769–770]. Советская власть также подписала мирные договоры со странами Антанты и Четверного союза по освобождению и отправке на Родину русских военнопленных, создала особый орган Центропленбежа¹ с широкими полномочиями, действовавший на протяжении своего существования с 1918 по 1920 гг. [3, с. 24–28]. По мнению И. В. Суржиковой, благодаря организованной централизованной структуре со строгой иерархией, Центропленбеж слажен-

¹ Центральная коллегия о пленных и беженцах.

но работал с местными подвластными отделениями в регионах [19, с. 178]. Например, Центропленбеж имел статистически-справочный отдел, который выдавал жизненно необходимые документы для выживания военнопленного – «проходное свидетельство» и «удостоверение военнопленного», на основании которых выдавали продукты питания, кормовые, паек и одежду [14, с. 52].

В отечественной историографии подписанию Брестского мира исследователи дают неоднозначную противоречивую оценку, в том числе Е. Д. Барщукова, перечисляя тяжелые условия обременительного позорного мира, после подписания которого от большевиков отвернулись представители различных политических сил, в том числе и кадеты [4, с. 16–22].

После подписания Брестского мирного договора между Советской Россией и Германией сложились очень сложные напряженные отношения, повлекшие за собой прекращение реэвакуации русских военнопленных домой. Даже наркому Г. В. Чичерину пришлось задавать вопрос немецким властям о том, «считают ли они сохраняющими свою силу условия Брест-Литовского мирного договора?» [15, с. 182]. Эта проблема также описана в статье М. И. Ходыкина и А. Х. Тухватуллина. Так называемый мятеж левых эсеров и убийство германского посла графа Мирбаха в Москве в начале июля 1918 г. завел советскую дипломатию в тупик [20, с. 51–61].

Необходимо отметить заботу и спасение от голодной смерти русских военнопленных со стороны Датского Красного Креста, оказывавшего не только гуманитарную помощь, но и политическое влияние, особенно после прихода большевиков к власти [11, с. 516]. В докладных записках атташе Семкова С. М., о которых идет речь в работе, описано, как он обращался за помощью и поддержкой в Швейцарию как к мировому арбитру по соблюдению прав военнопленных. Посильную поддержку оказывали также многочисленные российские общественные организации, главным направлением которых была отправка посылок российским военнопленным, комплектовавшимся в Москве, Великобритании, Франции, Голландии [1, с. 127]. В диссертации А. Н. Грицаевой перечислены этапы деятельности общественных организаций и благотворительности в период Первой мировой войны: первый этап (1914 – февраль 1917 гг.) – дореволюционный, второй этап (весна – осень 1917 гг.) – благотворительность при Временном правительстве, третий – советский (осень 1917 – март 1918 гг.) [8, с. 1–17].

Для возвращения русских военнопленных на Родину и решения гуманитарных проблем с ними в немецких лагерях в Германии было специально создано Бюро военнопленных при Генеральном консульстве Российской Социалистической Федеративной Республики. 27 мая 1918 г. атташе по делам военнопленных при посольстве РСФСР в Берлине С. М. Семков в сопровождении двух майоров Миллера и Брондо отправились в лагерь военнопленных города Гюстрова. Благодаря **докладной записке о посещении лагеря Гюстров** можно узнать о проблемах русских военнопленных и отношении к ним немцев. Прочитав отчет русского дипломата, можно убедиться, что положение русских военнопленных было гораздо тяжелее, чем немецких и французских. Особенно это стало заметно после подписания Бернской конвенции между Германией и Францией, на глазах у русских военнопленных французы отправлялись домой, собираясь в центральном сборном пункте для отправки на Родину.

Атташе в докладной записке отметил скверное настроение русских военнопленных, упреки в адрес советского руководства об отсутствии всякой помощи. Со стороны пленных было очень много жалоб в адрес немецкого руководства лагерем, а именно: восстановление почтовых отношений, которые «совершенно прекратились в течение уже 3-х месяцев, и для пленных получается впечатление, что наша власть совершенно позабыла о них» [7, л. 21].

Немецкая сторона халатно относилась к нашим военнопленным, плохо кормила. Как отмечает Семков, «присылка съестных припасов, которые являются единственным питанием жизни наших пленных» [7, л. 21]. «Наши пленные за все время пребывания их в плену являются самой обиженной частью в сравнении с англичанами и французами, кое-что получалось в течение времени, но за последние месяцы ничего не получалось. Нужда в сухарях, махорке, мыле, нитках, чае, сахаре неопишима, и чем скорее мы что-нибудь сделаем в этой области, то, во-первых, мы спасем от смерти 10 000 жизней человеческих, а во-вторых, получится расположение симпатии и дружелюбия военнопленных к нам» [7, л. 21].

Русские военнопленные по прибытии атташе в лагерь Гюстров просили и требовали отменить дисциплинарные наказания и различного рода избиения, производимые на работах. «Отправляемые на работу пленные в сопровождении часового производят работу в течение многих часов, каторжную работу, при условиях самого скверного питания и мордобития» [7, л. 22]. Русские военнопленные просились на Родину, в связи с чем в данный период време-

ни происходило массовое бегство военнопленных, помочь которым русское руководство, как оказалось, было бессильным. Семков делает выводы, что во избежание разного рода эксцессов со стороны пленных «необходимо срочно принять чрезвычайные меры для облегчения участи русских военнопленных и отправки на Родину» [7, л. 22].

Далее Семков С. М. в своем отчете пишет: «Наша сторона, выслушав жалобы и заявления русских военнопленных, приступила к обходу барачков, которые ничем не отличались от барачков лагеря Стендель. Все они были построены по однообразному типу, та же карточная система, те же порядки. Лазареты более или менее гигиеничны и сносно поставлены. На количество 700 больных имеются пять врачей. После общения русского атташе с главным врачом немецкого лагеря удалось выяснить, что большинство больных, около 40 % – туберкулезных, большой процент экземы и 50 % различного рода увечий, полученных на работе. Почти 75–80 % больных в лазарете жалуются, что они заболели на работе. Причем, никакого обеспечения от увечий, никаких норм страхования не было, так как фабрика для пленного – тот же фронт» [7, л. 23].

В лагере Гюстров располагалась камера заключенных, где находились русские военнопленные, около 15 человек, большинство из которых сидели за проступки следующего характера: побег, азартная игра в карты, прелюбодеяние и один за убийство своего товарища на работе. «Сидят они без указания срока наказания и времени приговора» [7, л. 23].

Русский атташе написал в отчете также, что для военнопленных имелись различного рода развлечения, такие как: синемаграф, любительский театр, оркестр, сносно оборудованная библиотека с научными книгами, включая «Капитал» Маркса.

Что касается обмундирования – более или менее сносное, но, по словам русских военнопленных, деревянные ботинки причиняли боль и ранения. Со стороны пленных русскому руководству поступали жалобы, что имеющуюся у некоторых кожаную обувь отняли с обещанием вернуть перед возвращением домой на Родину.

В лагере Гюстров русских военнопленных кормили отвратительно, пища была полускверная, хотя, как отмечал Семков, «некоторым больным выдается стакан молока, кусок белого хлеба и даже рюмочка вина, но, по замечанию сопровождающего атташе добросовестного врача, это применяется к тем больным, которые находятся накануне смерти» [7, л. 23].

В Бюро военнопленных при Российском Генеральном консульстве РСФСР в Берлине 1 июня 1918 г. атташе Семковым С. М. была направлена **докладная записка о посещении им лагеря Дебериц**. «1 июня сего года я посетил лагерь Дебериц, находящийся недалеко от Берлина. Из 13 000 приписанных к этому лагерю русских военнопленных находится там всего 900 чел., остальные рассортированы по рабочим командам. В день посещения лагеря там находилось всего около 300 человек, остальная часть была занята работой в самом лагере и той деревне, где он находился. Этот лагерь построен по тому же типу, как и многие другие. Отличается он сравнительной чистотой и опрятностью. Сразу бросается в глаза наличие большой группы унтер-офицеров, которые занимают ответственные посты во всех учреждениях, ведающих делами русских военнопленных, как-то: комитет, почта, раздача посылок и так далее. По моей просьбе все пленные собрались около одного барака. Приветствовав их от имени рабочего и крестьянского Правительства, я ознакомил их с теми мероприятиями, которые предпринимаются Советской Республикой в делах их скорейшего отправления на Родину...» [7, л. 1].

Согласно отчету атташе, между советской и немецкой стороной произошел конфликт по поводу обмена военнопленными, а именно по вопросу пропорции обмена. В ходе беседы русского дипломата и военнопленными в немецком лагере среди наших послышались голоса: «Ежели менять человека на человека, то ничего не надо, не уступайте, ребята» [7, л. 1].

Семков С. М. вспоминает, что русские военнопленные очень скептически относились к Брестскому миру, считая, что отсутствует какая-либо надежда на освобождение из плена. Командант этого лагеря распорядился, чтобы в рабочих командах, где находились русские военнопленные, объявили следующее: «Ввиду ненормального положения в России и отсутствия «дорожной» возможности пленные не так скоро будут возвращены на Родину, а посему нужно сохранить спокойствие, и те, которые будут убежать, не только будут наказаны, но и оставлены напоследок» [7, л. 2]. Это заявление было напечатано по-русски, и прочитавшие были принуждены его подписать. Из-за этого произошел скандал, так как некоторые пленные начали протестовать против такого насилия. Этот случай имел место в шахте Эльзаса, где находилась третья рабочая команда. Протест дошел до военного министерства.

Далее русский дипломат в докладной записке пишет следующее: «С моей стороны этот факт не будет оставлен без последствий, я опротестую его в Министерстве иностранных дел. Два дня тому назад часовой избил военнопленного, и после ряда протестов он был устранен комендантом лагеря. Выслушал также ряд жалоб – они очень ценны для характеристики положения военнопленных:

1. Павел Заводский, лич. № 21 482, туберкулез, но почему-то не зачислен в инвалиды.
2. Павел Демьянов, лич. № 11 374, работает в шахте, жалуется на отсутствие продовольствия.
3. 178 русских военнопленных этого лагеря работают у «А. Е. Г.», производя снаряды, по девять часов в сутки, получая 12 марок в неделю, а заработок немецкого рабочего исчисляется в 400 марок в неделю. Достаточно указать на плохую пищу, которая выдается только один раз в день, и 250 грамм хлеба» [7, л. 2].

В лагере Дебриц при посещении русского атташе имелась группа солдат, взятых в плен 12 марта, то есть после заключения Брестского мира, однако их зачислили в качестве военнопленных. Имелось много пленных, которые в момент взятия в плен являлись демобилизованными солдатами.

По заявлению многих пленных, у них отнималась одежда и деньги без выдачи оправдательных документов. Так, у Александра Рудковского, лич. № 18 088, отобрали в лагере 2000 руб. В арестованном помещении находились ряд лиц, совершивших побег 21 февраля, арестованы они были 18-го числа, то есть проступок, совершенный до мирного договора, несмотря на это, они до сих пор не амнистированы.

Общее впечатление русского дипломата после посещения немецкого лагеря: имеется большая нужда в перевязочных средствах, продовольствии, а главным образом неимоверная тяга к отправке на Родину, а также неслыханный вопль, исходящий от тяжелой жизни рабочих команд. «Наше посещение имеет большое политически-моральное значение; становится тягостно и больно, когда сознаешь, что там, за этой оградой сотни тысяч русских людей погибают в неизвестности. Что касается политического настроения, то оно находится в зависимости от того, насколько советское руководство сможет воздействовать на политические круги Германии, чтобы положение военнопленных было немедленно улучшено» [7, л. 3].

Таким образом, сохранившиеся докладные записки могут стать очень ценным и важным историческим источником, дополнить информацию, выявить подлинную картину происходящего прошлых лет, помочь разобраться с изучением выбранной темы, а также ярко и конкретно отразить изучаемые события. Ознакомившись с докладными записками по делам военнопленных при посольстве РСФСР в Берлине С. М. Семкова, становится ясно, что положение русских военнопленных в немецких лагерях было плачевным и описано в отчетах дипломата без прикрас: голод, проблемы с почтовыми доставками и посылками, удовлетворительные условия жизни в самодельных бараках, почти дармовой труд, незаконное изъятие заработанных денег, нехватка пищи, одежды, обуви и медикаментов.

Список литературы

1. *Абдрашитов Э. Е.* Деятельность общественных и международных организаций в деле оказания помощи российским военнопленным в Германии и Австро-Венгрии // Казанский юридический институт МВД России. Научные ведомости. 2013. № 8 (151). Вып. 26. С. 125–131.
2. *Бахурин Ю. А.* Причины падения крепости Новогеоргиевск в августе 1915 года // Военно-исторический журнал. 2009. № 8. С. 75.
3. *Белова И. Б.* Возвращение на родину русских военнопленных и меры советского государства по их материальной поддержке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1. С. 24–28.
4. *Борщук Е. Д.* Брестский мир и формирование нового мировоззрения в российском обществе в 1918 году // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 115. С. 16–22.
5. *Васильева С. Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. С. 67.
6. *Виллмотт Г. П.* Первая мировая война. М. : ООО «Ломоносов», 2010. 335 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 47.
8. *Грицаева А. Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий / Московский педагогический государственный университет. М., 2008. С. 1–17.

9. Декрет Совета Народных Комиссаров. О денежном довольствии военнопленных и их семейств // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 362.
10. Декрет Совета Народных Комиссаров. О пайке семьям солдат, находящихся в плену, пропавших без вести, убитых и потерявших на войне трудоспособность // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 769–770.
11. *Енсен Бент* Гуманитарная помощь и политика: миссия Датского Красного Креста в Советской России. 1918–1919 // Первая мировая война. Пролог XX века. М. : Наука, 1999. С. 516–517.
12. *Жданова И. А.* «Эти военнопленные страшно озлоблены...» Организация возвращения российских пленных в 1918 – начале 1919 г. в Петрограде // Клио. 2010. № 1 (48). С. 138.
13. *Кириш Ю.* Под сапогом Вильгельма. М.; Л., 1925. С. 57, 58.
14. *Лазаренко Е. И.* Удостоверение бывшего русского военнопленного как отражение направлений государственной социальной поддержки военнослужащих в годы Первой мировой войны // История. Общество. Политика. 2019. № 3 (11). С. 46–52.
15. *Мигун Д. А.* Германо-советские отношения летом 1918 г. // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., 24–25 ноября 2017 г. Пинск, 2017. С. 180–184.
16. *Нагорная О. С.* Русские генералы в Германском плену в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 104.
17. *Оськин М. В.* Неизвестные трагедии Первой мировой войны. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М. : Вече, 2011. С. 14.
18. *Оськин М. В.* Продовольственная помощь русским военнопленным в период Первой мировой войны (1914–1917) / Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. № 24. С. 156.
19. *Суржикова И. В.* Российский плен 1914–1922 годов в Новейшей отечественной историографии: контексты, конструкты, стереотипы // Вестник Пермского университета. 2013. № 2 (22). С. 167–178.
20. *Ходыкин М. И., Тухватуллин А. Х.* Дипломатические отношения Советской России и Германской империи после заключения Брест-Литовского мирного договора // Лучшая студенческая статья 2016 : сб. статей Международного научно-практического конкурса. 2016. С. 51–61.

Memos of the Attache for Prisoners of War at the RSFSR Embassy in Berlin S. M. Semkov's as historical source

E. I. Lazarenko

postgraduate student of the Department of National History, Bryansk State University
n. a. Academician I. G. Petrovsky. Russia, Bryansk. E-mail: lena.lazarenko.79@mail.ru

Abstract. The article talks about the fact that memos are not only office documents, but also a necessary historical source that can help to comprehensively study the problem posed by the historian. The relevance of the study lies in the fact that on the example of the memos of the attache for prisoners of war at the Embassy of the RSFSR in Berlin, S. M. Semkova. The author reveals the real situation of Russian prisoners of war of the First World War in the German camps of Gustrov, Stendel and Deberitz after the signing of the Brest Peace Treaty and the very tense relations between Soviet Russia and Germany. The article is based on previously unexplored documents of the State Archive of the Russian Federation, which are presented for the first time. In the course of the study, it was concluded that the surviving memos can become a very valuable source for obtaining the necessary information down to the smallest detail. After reviewing these documents, it becomes clear that the Russian prisoners of war in Germany were treated much worse than the French and British prisoners. They were not only poorly fed, clothed, but also almost not paid for hard work, and therefore they were in no hurry to send them home even after the signing of the Brest Peace Treaty, putting the Russian delegation in a dead end in the summer of 1918. The Russian prisoners of war were demoralized, having lost all hope of help and liberation. Beatings, disciplinary penalties, and the seizure of personal belongings and money were commonplace in German camps.

Keywords: prisoners of war, World War I, attache Semkov S. M., German camps.

References

1. *Abdrashitov E. E.* *Deyatel'nost' obshchestvennyh i mezhdunarodnyh organizacij v dele okazaniya pomoshchi rossijskim voennoplennym v Germanii i Avstro-Vengrii* [Activity of public and international organizations in the provision of assistance to Russian prisoners of war in Germany and Austria-Hungary] // *Kazanskij yuridicheskij institut MVD Rossii. Nauchnye vedomosti* – Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Scientific herald. 2013. No. 8 (151). Is. 26. Pp. 125–131.

2. Bahurin Yu. A. Prichiny padeniya kreposti Novogeorgievsk v avguste 1915 goda [Reasons for the fall of the Novogeorgievsk fortress in August 1915] // *Voенно-istoricheskij zhurnal* – Military History magazine. 2009. No. 8. P. 75.

3. Belova I. B. Vozvrashchenie na roдинu russkikh voennoplennykh i mery sovetskogo gosudarstva po ih material'noj podderzhke [The return of Russian prisoners of war to their homeland and the measures of the Soviet state for their material support] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2013. No. 1. Pp. 24–28.

4. Borshchukova E. D. Brestskij mir i formirovanie novogo mirovozzreniya v rossijskom obshchestve v 1918 godu [The Brest world and the formation of a new worldview in Russian society in 1918] // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Herzen* – News of Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen. 2009. No. 115. Pp. 16–22.

5. Vasil'eva S. N. Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny [Prisoners of war of Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War]. M. 1999. P. 67.

6. Willmott G. P. Pervaya mirovaya vojna [The First World War]. M. Lomonosov LLC. 2010. 335 p.

7. The State Archive of the Russian Federation (SARF). F. R-546. Inv. 1. File 47.

8. Gricaeva A. N. Blagotvoritel'nost' v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–fevral' 1917 g.): opyt pomoshchi postradavshim ot voennykh dejstvij [Charity in Russia during the First World War (1914–February 1917): experience of helping victims of hostilities] / Moscow Pedagogical State University. M. 2008. Pp. 1–17.

9. Decree of the Council of People's Commissars. On the monetary allowance of prisoners of war and their families // *Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva za 1920 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* – Collection of legalizations and government orders for 1920. Administration of Affairs of the USSR Council of People's Commissars. M. 1943. 362 p. (in Russ.)

10. Decree of the Council of People's Commissars. About rations to the families of soldiers who are in captivity, missing, killed and lost their ability to work in the war // *Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* – Collection of laws and orders of the Government for 1917–1918. Administration of Affairs of the USSR Council of People's Commissars. M. 1942. Pp. 769–770. (in Russ.)

11. Ensen Bent Gumanitarnaya pomoshch' i politika: missiya Datskogo Krasnogo Kresta v Sovetskoj Rossii. 1918–1919 – Jensen Bent Humanitarian aid and Politics: the mission of the Danish Red Cross in Soviet Russia. 1918–1919 // *Pervaya mirovaya vojna. PrologXXveka* – The first World war. Prologhveka. M. Nauka (Science). 1999. Pp. 516–517.

12. Zhdanova I. A. "Eti voennoplennye strashno ozlobleny..." Organizaciya vozvrashcheniya rossijskikh plennykh v 1918–nachale 1919 g. v Petrograde ["These prisoners of war are terribly embittered ..."] Organization of the return of Russian prisoners in 1918–early 1919 in Petrograd // *Klio* – Klio. 2010. No. 1 (48). P. 138.

13. Kirsh Yu. Pod sapogom Vil'gel'ma [Under the boot of Wilhelm]. M.; L. 1925. Pp. 57–58.

14. Lazarenko E. I. Udostoverenie byvshego russkogo voennoplennogo kak otrazhenie napravlennykh gosudarstvennoj social'noj podderzhki voennosluzhashchih v gody Pervoj mirovoj vojny [Certificate of a former Russian prisoner of war as a reflection of the directions of state social support for military personnel during the First World War] // *Istoriya. Obshchestvo. Politika* – History. Society. Politics. 2019. No. 3 (11). Pp. 46–52.

15. Migun D. A. Germano-sovetskie otnosheniya letom 1918 g. [German-Soviet relations in the summer of 1918] // *Gosudarstva Central'noj i Vostochnoj Evropy v istoricheskoy perspektive: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf., 24–25 noyabrya 2017 g.* – States of Central and Eastern Europe in historical perspective: collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific Conference, November 24–25, 2017. Pinsk. 2017. Pp. 180–184.

16. Nagornaya O. S. Russkie generaly v Germanskom plenu v gody Pervoj mirovoj vojny [Russian generals in German captivity during the First World War] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and modern history. 2008. No. 6. P. 104.

17. Os'kin M. V. Neizvestnye tragedii Pervoj mirovoj vojny. Plennye. Dezertiry. Bezhency [Unknown tragedies of the First World War. Prisoners. Deserters. Refugees]. M. Veche. 2011. P. 14.

18. Os'kin M. V. Prodovol'stvennaya pomoshch' russkim voennoplennym v period Pervoj mirovoj vojny (1914–1917) [Food aid to Russian prisoners of war during the First World War (1914–1917)] / *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* – Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. 2014. No. 24. P. 156.

19. Surzhikova I. V. Rossijskij plen 1914–1922 godov v Novejshej otechestvennoj istoriografii: konteksty, konstrukty, stereotipy [The Russian captivity of 1914–1922 in the Newest Russian historiography: contexts, constructs, stereotypes] // *Vestnik Permskogo universiteta* – Herald of the Perm University. 2013. No. 2 (22). Pp. 167–178.

20. Hodykin M. I., Tuhvatullin A. H. Diplomatische otnosheniya Sovetskoj Rossii i Germanskoj imperii posle zaklyucheniya Brest-Litovskogo mirnogo dogovora [Diplomatic relations of Soviet Russia and the German Empire after the conclusion of the Brest-Litovsk Peace Treaty] // *Luchshaya studencheskaya stat'ya 2016 : sb. statej Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa* – The best student article 2016 : collection of articles of the International scientific and Practical Competition. 2016. Pp. 51–61.

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

УДК 950(55)

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.071

Черный сентябрь в Иране: союзники наносят удар

В. В. Марковчин

кандидат исторических наук, доцент, профессор, Юго-Западный государственный университет.
Россия, г. Москва. E-mail: markovchin@yandex.ru

Аннотация. Публикация посвящена событиям начала сентября 1943 г. в Иране, когда совместными усилиями спецслужб СССР и Великобритании были осуществлены массовые аресты известных представителей иранской элиты, связанных с деятельностью «пятой колонны» в стране. Непопулярность таких мер была очевидна. Об этом свидетельствуют материалы двух дайджестов, включенных в состав так называемых «Обзоров тегеранской прессы»¹, на постоянной основе готовившихся как для нужд НКВД Союза ССР, так и для других структур, в том числе – для внешней разведки. Дайджесты насыщены конкретными фактами и лишены информационных «пустот» и общих мест. Документы значительно расширяют представление как о самом Иране, так и о событиях, непосредственно предшествовавших вступлению этой страны во Вторую мировую войну на стороне антигитлеровской коалиции. Они подтверждают, что спецслужбы союзников регулярно получали информацию о деятельности прогерманской части иранского общества, а также о планах немцев на Ближнем Востоке. До определенного момента советско-британские оккупационные власти по политическим причинам не прибегали к репрессиям, избегая осложнений. Свершившийся летом 1943 г. Коренной перелом во Второй мировой войне и приближение тегеранской встречи лидеров антигитлеровской коалиции обусловили переход союзников к скоординированной и наступательной политике в отношении Ирана, выразившейся в проведении массовых арестов.

Ключевые слова: Иран в 1943 г., спецслужбы антигитлеровской коалиции в Иране, аресты «пятой колонны» в Иране, политика США в Иране, политика СССР в Иране, политика Великобритании в Иране.

В начале сентября 1943 г. в Иране совместными усилиями разведок Советского Союза и Великобритании были осуществлены массовые аресты многих влиятельных людей – как тех, кто так или иначе был связан с деятельностью «пятой колонны» в стране, так и попавших под подозрение по другим причинам. Среди арестованных были и случайные люди. Непопулярность таких мер была очевидна, и лучше всего это видно из обзоров прессы. Настоящая публикация основана на материалах двух дайджестов, вошедших в составе так называемых «Обзоров тегеранской прессы», на постоянной основе готовившихся как для нужд НКВД Союза ССР, так и для других структур, в том числе – для внешней разведки НКГБ СССР.

Заслуживает внимания сам подход к отбору и обработке газетной информации – дайджест содержит очень много конкретики и лишен ненужных информационных «пустышек». Включенные в настоящую публикацию источники значительно расширяют представления об Иране в 1943 г., о деятельности спецслужб государств антигитлеровской коалиции на территории этой страны по пресечению активности германской агентуры и о событиях, непосредственно предшествовавших вступлению этой страны во Вторую мировую войну.

Из вышедших ранее публикаций видно [2; 3; 6], что союзные спецслужбы регулярно получали информацию как о настроениях в прогерманской части иранского общества, так и о перспективных планах немцев на всем Ближнем Востоке. До определенного момента советско-британские оккупационные власти не прибегали к репрессиям, избегая ненужных осложнений. Но в середине 1943 г., пытаясь облегчить положение германских войск на главных фронтах войны, резко усилили свою подрывную деятельность немецкие спецслужбы. К тому же приближалась тегеранская встреча лидеров антигитлеровской коалиции, и эти обстоя-

---

© Марковчин В. В., 2022

¹ В конкретном случае обзор № 412 от 4.09.43 г. и обзор № 413 от 5.09.43 г. Оба они были получены из архива Службы внешней разведки Российской Федерации.

тельства обусловили переход союзников к более активным и скоординированным действиям, выразившимся в проведении массовых арестов и задержаний.

Аресты представителей иранского истеблишмента проводились как самими союзниками, так и при непосредственном участии иранской полиции. Десятки местных газет чутко реагировали на каждое изменение обстановки, представляя собственную версию происходящих событий. Как правило, они старались обслуживать интересы конкретных этносоциальных групп, ради которых они и выходили в свет. Особую значимость этим процессам придает тот факт, что среди арестованных было несколько главных редакторов ведущих многотиражных тегеранских газет.

Вполне понятно, что каждая из отдельных газетных публикаций отражает собственные интересы, взгляд на этот процесс со стороны правительственных структур Ирана, а также позицию союзников по данной проблеме. По-иному и быть не могло – издательское дело – это достаточно затратный бизнес, в котором решающее значение имеют источники финансирования. И совершенно не случайно эпоха 1940-х гг. является наиболее благодатной для иранской прессы – такого количества газет и журналов, различий во взглядах и оценках больше никогда в этой стране не будет.

Названия иранских газет, фамилии арестованных людей, географические названия приводятся в соответствии с текстами документов.

ОБЗОР ТЕГЕРАНСКОЙ ПРЕССЫ № 412 от 4 сентября 1943 г. ТРЕБОВАНИЕ АРЕСТА 180 ЧЕЛОВЕК

Иран и иранцы лишь в том случае могут быть полезны союзникам, если их независимость будет полностью сохранена. Если иранцы поймут, что их независимость находится в опасности, то тогда незачем ждать от них сотрудничества и искренности. Иранцы перенесут всякие трудности ради независимости их страны.

Они показали на практике, что ради своей независимости они переносили голод и всякие лишения. Они знают, что в настоящее время перед их друзьями-союзниками стоят очень большие трудности, но если иранцам придется терпеть обиды от своих друзей, то это им будет особенно тягостно.

В Исфагане² и в Тегеране союзники поступили недостойно.

Затем газета обращается к союзникам: «Вы находитесь в первых рядах культурного человечества, не допускайте, чтобы с вашей стороны происходили неразумные поступки. Что вы еще хотите от нас? Мы сделали все то, что от нас требовалось, и впредь мы будем выполнять все, что находится в пределах нашей независимости и чести.

Но можно ли так поступать в отношении нас? Почему вы не хотите, чтобы наше правительство само арестовало всех этих лиц? Вы сами знаете, что если это мероприятие будет осуществлено нами, это принесет больше пользы.

Вы взяли за переустройство мира, посмотрите, как было бы хорошо, если бы все ваши цели и задачи были бы осуществлены с нашей помощью и с помощью нашего правительства.

Мы от вас требуем, как от своих истинных друзей. Будьте уверены, что если кто-нибудь выступит против вас и против нас, то мы сами его накажем.

Мы искренне советуем вам следующее:

1. В это время вы должны уважать наши национальные чувства и национальную честь нашей родины.

2. Дайте нам возможность самим найти и наказать виновных. Это должно быть сделано в нашей стране. Вы должны лишь наблюдать за исполнением.

3. Если вы считаете нужным арестовать кого-либо, то поручите это дело нам, а мы сами это сделаем.

4. Вы должны разумно исправить свои грубые поступки, имевшие место за эти два дня, чтобы иранцы уважали вас по-прежнему, т.к. вмешательство союзников в наши внутренние дела станет причиной недовольства иранцев и особенно интеллигенции».

(«Мардане кар», 4.09.43 г.³)

² Правильно – Исфахан, город в 300 км к югу от столицы. Административный центр одноименной провинции.

³ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 301. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИЗВЕЩЕНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Как сообщается в извещении правительства, в Иране якобы действовали германские шпионы. Какое политическое и военное значение могла иметь шпионская деятельность для Ирана, чтобы ее поддержали иранцы? По нашему мнению, оказание помощи державам оси не только не приносит помощь Ирану, но вредит ему. Интересы Ирана не допускают, чтобы такая организация была бы в Иране, и чтобы иранцы оказывали бы ей помощь.

Известно ли вам, пишет газета, что сейчас идут выборы в меджлис 14 созыва⁴, и некоторые нечестные люди, воспитанники диктаторского режима, хотят опорочить честных людей. Пока дело будет разобрано и их оправдают, эти нечестные люди сами пройдут в меджлис.

Поэтому мы просим управление полиции, правительство и иностранные учреждения, чтобы они тщательно расследовали всякое заявление и только потом арестовывали. Большинство из арестованных являются государственными служащими и не имеют иных доходов, кроме жалования. Все они имеют семьи, потому правительство должно до окончания следствия платить семьям этих арестованных лиц их заработную плату.

Все эти лица обвиняются в политических преступлениях, поэтому их нужно уважать так же, как уважают в других странах политических преступников.

(«Сетаре»⁵, 3.09.43 г.⁶)

ПЯТАЯ КОЛОННА В ИРАНЕ

Газета «Азербайджан» помещает под этим заголовком статью, в которой вначале оставивается на том вреде, который приносит пятая колонна той или иной стране.

В качестве примера газета приводит действия пятой колонны во Франции. Основная причина поражения Франции, говорит газета, заключается в деятельности пятой колонны.

Некоторые влиятельные лица нашей страны арестованы, и хотя об этом официально не говорится, но их обвиняют в принадлежности к пятой колонне.

Мы тоже считали, что виновные должны быть жестоко наказаны, но нас удивляет то, что среди арестованных имеется много честных людей, как например, Хаят, советник верховного суда. Мы совершенно уверены в том, что он честный человек. Даже во время первой империалистической войны, когда все колебались, он занимал твердую позицию. Он верный сын Азербайджана. Мы все азербайджанцы его знаем, уважаем и любим. Исходя из этого, мы требуем в отношении всех арестованных тщательного расследования.

(«Азербайджан», 2.09.43 г.⁷)

ПЕСНЯ СМЕРТИ

Три дня тому назад были арестованы ряд лиц. Среди них имеются лучшие офицеры, лучшие судебные работники и честные патриоты. Вчера министерство внутренних дел в своем извещении писало, что эти лица имеют отношение к диверсиям.

Это совершенно несправедливо. Мало того, что наша страна оккупирована союзниками, и вся наша сила и вся наша воля оказалась в руках союзников, наша политическая, общественная и экономическая жизнь оказалась нарушенной. Начиная от выборов и кончая бытовыми вопросами, всюду мы видим разногласия и вражду.

Даже появился вопрос о чадре⁸ и оказались в плену лучшие элементы страны.

Разве в Месопотамии произошло вооруженное восстание против союзников и эти люди являются зачинщиками его, что их лишили свободы? Это лишь клевета шпионов. Даже я лично, Халили⁹, не верю, что эти люди являются виноватыми и что они попали под влияние иностранцев.

Мы уверены в том, что обыкновенный иранец не может быть шпионом и предателем. А если и найдется такой человек, то это не настоящий иранец.

⁴ Выборы состоялись в ноябре 1943 – феврале 1944 г. Всего в них участвовало 800 кандидатов, которые баллотировались на 136 мест в парламенте.

⁵ Газета англофильской направленности.

⁶ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 302. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

⁷ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 302. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

⁸ Ношение чадры иранскими женщинами было официально запрещено правительством Персии в 1934 г.

⁹ Вероятно, текст статьи принадлежит Аббасу Халили (1895–1971), известному иранскому журналисту, переводчику и политическому деятелю.

Английское правительство не должно еще больше увеличивать раны этого народа, который дает продовольствие, товары, машины союзникам¹⁰. В Исфагане индусы самовольно арестовали иранских офицеров. Иранское правительство, которое всегда исполняло требования союзников, не ожидало этого. Из-за этого начальник штаба армии генерал Размара¹¹ подал в отставку.

Мы ничего не жалеем для союзников, лишь бы была сохранена наша независимость.

Мы ждем от правительства, что оно обеспечит семьи арестованных. В такое время, когда мы переживаем голод, болезни и другие трудности, нам на голову свалился арест уважаемых иранцев. Поэтому мы должны спеть песню смерти.

(«Эгдам»¹², 3.09.43 г.¹³)

ВОКРУГ ВОПРОСА ОБ ИЗВЕЩЕНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Опубликование извещения правительства относительно арестованных лиц и офицеров еще больше затемнило происшествия последних двух дней. Против ожидания большинства, это извещение не только не разъяснило суть вопроса, но еще больше увеличило сомнения народа.

Министерство внутренних дел в своем извещении пишет, что эти лица были арестованы потому, что они злоумышляли в отношении государственных органов и сотрудничали с немцами, в то время как не только министерство внутренних дел, но даже дух правительства¹⁴ и понятия не имел об аресте этих лиц. Члены правительства так же, как и обычные граждане, с удивлением узнали об аресте этих лиц.

Прошлой ночью арестованные с помощью иностранных войск были отвезены из политического управления полиции в неизвестном направлении. Весьма возможно, что управление полиции не имеет об этом и дальнейших сведений.

Трудно поверить, что при наличии широкой противозащитной английской организации могли бы действовать в Иране немецкие шпионы.

В частности, подозрения в отношении некоторых уважаемых людей, которые годами занимали почетные места, еще больше затемняют дело. Среди арестованных имеются также лица, в отношении честности которых каждый иранец может принести клятву. Между прочим, среди арестованных имеются люди, которые являются друзьями союзников, и предки которых также в течение многих лет дружили с союзниками.

Все это вместе указывает на то, что в событиях последних двух дней заключена какая-то тайна, которую не может разгадать даже правительство. Из извещения правительства люди делают такое заключение, что, по-видимому, в ближайшие дни в Тегеране должны произойти какие-то события, и этих людей устранили для того, чтобы они не явились препятствием. Мы с большой осторожностью говорим об этом.

Во всяком случае мы надеемся, что если подтвердится виновность арестованных, то они будут судимы иранским судом.

(«Иране ма»¹⁵, 4.09.43 г.¹⁶)

СПИСОК АРЕСТОВАННЫХ

Вчера был опубликован список арестованных лиц. Сегодня мы помещаем дополнительный список арестованных: полковник Махголи, полковник Бакаи, полковник Абфаки, госпожа Пераем, госпожа Дараб, инженер Захиди, Нахиб заде Машаях, инженер Горгани, полковник

¹⁰ Договор о союзе трех государств (Советского Союза, Великобритании и Ирана) был подписан 29 января 1942 г. и одобрен правительством США, обусловившим свое согласие гарантиями Великобритании и СССР Ирану сохранить его территориальную целостность и независимость. Договор начинался со ст. 1, которая констатировала обязательство союзных государств «уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана» [7, с. 91].

¹¹ Хадж Али Размара (1901–1951) – премьер-министр Ирана, генерал-лейтенант. Выпускник военной школы «Сен-Сир», начальник Генерального штаба армии Ирана. Убит в результате теракта, подготовленного организацией «Федаины ислама».

¹² Центральная газета демократической направленности.

¹³ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 302–303. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

¹⁴ Так в тексте.

¹⁵ Центральная газета демократической направленности.

¹⁶ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 303–304. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

Амили, инженер Тольберг, инженер Нуруди, инженер Кальяни, капитан Мустафи, Аббас Сельджуки, начальник полиции Аракской дороги, Манук Марьяж, Али Акбар Камали, Насролла Рафат, Зия Назири, доктор Аббас Хаким Камоль, Сеид Ахмед Шамба, Яхья Вейра, доктор Шервин, Акбар Нараки, Исмаил Сафари, Макмуды Далар.

(«Мехре Иран»¹⁷, 3.09.43 г.¹⁸)

СКОРО СОСТОИТСЯ СУД НАД АРЕСТОВАННЫМИ

Согласно слухам, решено по прибытии в Арак¹⁹ арестованных офицеров и других лиц расследовать их дела в смешенном англо-иранском суде таким образом, что если их вина окажется доказанной, то они будут судимы и заключены в тюрьму в Иране²⁰.

ВОКРУГ ВОПРОСА ОБ АРЕСТАХ

Вчера с наступлением месяца рамазана²¹ должно было состояться открытое заседание меджлиса. Депутаты, которые обычно приходят на два-три часа против назначенного времени, явились своевременно и на их лицах виднелось волнение. В конце концов, открытое заседание не состоялось, и так как за последние два-три дня были арестованы многие уважаемые иранцы, то было решено организовать закрытое заседание. До начала закрытого заседания среди депутатов было заметно возбуждение. Они собирались группами и беседовали.

Я присоединялся то к одной, то к другой группе, и слушал то, что там говорилось.

Депутаты меджлиса говорили, что сейчас идет война и эта война для воюющих стран является вопросом жизни и смерти, и мы также имеем с союзниками дружественный договор. Если наши союзники подозревали некоторых иранцев в том, что они совершали диверсии в пользу врага, нужно было ради уважения договора и во имя дружбы и сотрудничества произвести следствие в отношении подозреваемых и разобраться в деле.

Если несколько иранцев арестованы с этой целью, то не о чем говорить, однако лишь в том случае, что это сделано согласно закона, с уважением законов страны, и выполнено самими иранцами.

Депутаты выражают сожаление по поводу того, что союзники с самого начала действовали самостоятельно в отношении ареста иранцев и, кроме того, они действовали без всякого уважения к арестованным. Такое положение вызывает сожаление, так как эти люди не воры, не разбойники и не бродяги, а обвиняются они в политических преступлениях. Во всем мире политические преступления уважаются.

Депутаты также жаловались на правительство и говорили, что уже в течение месяца велись эти разговоры, то есть союзники подозревали некоторых иранцев и намеревались их арестовать, однако правительство, благодаря беспечности и нерадивости своих работников, не дало союзникам ясного ответа, так, как это было нужно, не обратило на это обстоятельство должного внимания и не говорило с союзниками. Поскольку со стороны правительства не было проявлено достаточного внимания к этому вопросу, это вызвало тревогу в среде союзников, и произошло то, что не должно было произойти.

На собрании меджлиса присутствовали министры и сам премьер-министр, которые ответили на вопросы депутатов. Точка зрения правительства заключается в следующем.

Некоторое время назад союзники сообщили о нахождении в Иране некоторых немцев и даже говорили о том, что кроме немцев, нелегально проживающих в Иране, в Иране высадились три немецких парашютиста, которые имели при себе горючие вещества²², намереваясь совершить диверсию. Немцы находились на железной дороге, которая в настоящий момент имеет очень важное значение для союзников. Немцы также придают специальное значение этой дороге, ибо они знают, что по этой железной артерии посылаются в Россию бомбардировщики, бомбы и другое вооружение, которое впоследствии обрушится на головы немцев²³.

¹⁷ Газета оппозиционной направленности.

¹⁸ Архив СВР России. Д. 28211. Т.1. С. 305. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

¹⁹ Правильно – Эрак, город и административный центр в Центральном остане Ирана.

²⁰ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 305. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

²¹ В 1943 г. 9-й месяц мусульманского лунного календаря (рамазан) начался 1 сентября.

²² Неточности перевода; имелись в виду взрывчатые вещества.

²³ Речь идет о трансиранской железной дороге, соединяющей морские порты побережья Персидского залива с портами, расположенными на побережье Каспийского моря, откуда грузы по морю доставля-

Однако ясно, что разрушение иранской железной дороги явится ущербом для союзников и для самого Ирана, и необходимо принять всякие меры против такого рода диверсий.

Вот в этом и заключается причина подозрительности союзников и арестов, и следствие будет вестись в этом плане. Между прочим, премьер-министр²⁴ сказал, что работники союзников не действовали самостоятельно в отношении ареста иранцев. Также он обещал, что арестованные будут посланы в Арак, и в самое ближайшее время по их делу будет произведено следствие.

Далее газета от себя пишет: мы считаем нужным высказать свое мнение, что вообще нет никакого иранца, который замышлял бы диверсию, и в Иране никогда в прошлом ничего подобного не было, что встречается у европейцев: разрушение заводов, потопление кораблей и тому подобное. Кроме того, большинство из арестованных являются известными людьми этой страны, и их политическое и общественное прошлое совершенно светлое и незапятнанное. Поэтому можно сказать, что такие люди не могли иметь, не имеют и не будут иметь и малейшей связи с преступниками и диверсантами.

Так как большинство из арестованных являются высшими чиновниками и считаются честными государственными служащими, так как в результате своей честной работы они не накопили никаких богатств, то естественно, что их семьи оказались в тяжелом положении. Нужно надеяться, что правительство учтет это и примет необходимые меры.

В заключение мы надеемся, что, как указал премьер-министр, в скором времени будет проведено тщательное следствие по делу этих уважаемых и высоких лиц, и после доказательства их невиновности они будут освобождены, потому что не надо забывать, что все они имеют семьи, состоящие из малых и больших, которые находятся в ожидании, и не годится в такое тяжелое время создавать дополнительные трудности.

Не обижай муравья, который тащит зернышко,
У него тоже есть душа, душа дорога всякому.

(«Мехре Иран», 3.09.43 г.²⁵)

ОБЪЯВЛЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Под таким заголовком газета «Миханпарастан»²⁶ помещает передовую статью, в которой пишет, что объявление министерства внутренних дел по поводу арестованных является недостаточно удовлетворительным. Если все эти лица задержаны лишь по подозрению, пишет газета, то это вызывает сожаление, вся иранская интеллигенция считает необходимым сотрудничество с союзниками и питает надежду, что союзники также выполнят свои обязательства, поэтому, пишет газета, невозможно представить, что кто-либо из иранцев, из среды арестованных принимал участие в этой шпионской организации.

Мы убеждены, что иранец, честный иранец ни в коем случае не может стать орудием в чужих руках. Поэтому мы просим правительство как можно скорее расследовать дела арестованных и освободить тех из них, которые были арестованы вследствие клеветы и наговора. Надеемся, что союзники беспристрастно разберутся в этом вопросе.

Народ с нетерпением ждет, чтобы истина была обнаружена.

(«Миханпарастан», 3.09.43 г.²⁷)

ГЕРМАНСКИЕ ШПИОНЫ ВРУТ

Говорят, что в записной книжке германского шпиона²⁸, который был арестован несколько дней назад, были записаны фамилии людей, которых теперь арестовали.

Если это правильно, тогда эти арестованные или, во всяком случае, большинство из них, являются невиновными, так как возможно, что немецкий шпион записал фамилии этих людей для того, чтобы впоследствии завязать с ними связи.

лись в Советский Союз. Начиная с лета 1941 г., по ней осуществлялись военные поставки в СССР, и поэтому она имела стратегическое значение. Нарушить работу этого транспортного коридора и пытались многочисленные группы немецких диверсантов, заброшенных на территорию Ирана.

²⁴ На тот период времени главой правительства Ирана был Али Сохейли (второй срок).

²⁵ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 306–307. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

²⁶ Издание патриотической направленности.

²⁷ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 307–308. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

²⁸ Речь идет о штурмбанфюрере СС Франце Майере, немецком резиденте в Иране.

Люди, знакомые с полицейским делом, знают, что иностранные агенты, задержанные в какой-нибудь стране, пытаются назвать имена многих людей, чтобы запутать положение и создать возмущение в стране.

В течение последнего времени общественное мнение Ирана очень взволновано.

По просьбе союзников правительство арестовало ряд лиц. Союзники также должны действовать по закону, так как отмечены случаи, что войска союзников (индусские солдаты в Исфагане) вели себя недостаточно хорошо.

Надеемся, что виновные будут наказаны, а невинные будут освобождены.

(«Садае Иран», 9.09.43 г.²⁹)

ИЗВЕЩЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Доводится до всеобщего сведения, что недавно была раскрыта разветвленная шпионская, диверсионная немецкая организация, во главе которой стояли немецкие агенты, нелегально проживавшие в Иране.

Установлено, что эта организация подготавливала волнения и вооруженное восстание против правительства, а также намеревалась путем разрушения мостов, тоннелей и средств связи воспрепятствовать перевозкам военных грузов союзников и создать перебои в снабжении иранского населения жизненно необходимыми товарами, и тем самым вызвать волнения в стране, и нарушить сотрудничество между Ираном и союзниками.

К сожалению, некоторые иранцы заподозрены в том, что они принимали участие в этой деятельности и сотрудничали с немецкими агентами. Поэтому в целях защиты интересов государства и согласно обязательствам, взятым на себя иранским правительством по союзному договору, приняты меры к задержанию этих лиц, по делу которых будет произведено следствие.

Все лица, имеющие какие-либо сведения о деятельности упомянутой организации или о местонахождении скрывающихся немцев, приглашаются сообщить об этом в главное управление полиции.

(Тодайон, министр внутренних дел). («Мехре Иран», 2.09.43 г.³⁰)

ВЧЕРА ОРГАНАМИ ПОЛИЦИИ И ИНОСТРАННЫМИ КРУГАМИ БЫЛА АРЕСТОВАНА БОЛЬШАЯ ГРУППА ЛИЦ

В понедельник в 9 часов утра группа американских и английских солдат без уведомления правительства арестовала большую группу руководителей и работников железной дороги в их рабочих помещениях. На арестованных надели кандалы, а на спину прицепили специальные номера, и часть их отправлена в Арак. По полученным сведениям, другая группа была арестована на юге и на южных станциях.

Вслед за этим известием заседало правительство, которое обратилось к посольствам союзников и указало, что если союзники подозревали этих лиц, они должны были обратиться к внутренним органам страны.

В понедельник вечером была арестована группа в 95 человек, уже органами полиции. Среди арестованных много высшего офицерства.

Депутаты меджлиса Ноубахт³¹ и Тегеранчи находятся под надзором. Полиция, пришедшая в дом Сеида Абулькасема Кашами³², его не нашла. Это стало причиной возбуждения на базаре, который был закрыт в знак протеста. Дом Кашани находится под наблюдением полиции.

Сегодня в 12 1/2 часов дня Буллард³³, британский посланник, посетил министра иностранных дел, через полчаса его же посетил Поверенный в делах СССР³⁴. Темой их разговоров явился арест указанных лиц. Аресты продолжаются.

(«Миханпарастан», 1.09.43 г.³⁵)

²⁹ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 308. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

³⁰ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 309. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

³¹ Правильно – Новбахт.

³² Имеется в виду Сейид Аболь-Касем Кашани (?–1962), иранский религиозный и политический деятель, аятолла.

³³ Имеется в виду Ридер Баллард (1885–1976), британский дипломат.

³⁴ До 1.09.43 г. послом СССР в Иране был А. А. Смирнов, затем его сменил К. А. Михайлов.

СПИСОК АРЕСТОВАННЫХ

1. Доктор Матин Дафтари, бывший премьер-министр.
2. Доктор Саджади, бывший министр путей сообщения и бывший губернатор города.
3. Хосров Эгбаль, редактор газеты «Набард».
4. Джахангир Тафазоли, редактор газеты «Ирани ма».
5. Амир Шарафи.
6. Сартиб Заде, работник управления полиции.
7. Полковник Амери, работник полиции.
8. Генерал Аг-Эвли, бывший начальник жандармерии.
9. Генерал Пурзанд, бывший командующий 3 дивизией.
10. Генерал Купал.
11. Полковник Валиола Ансари.
12. -/- Сафар Али Ансари.
13. -/- Манучехри.
14. -/- Бахрами.
15. -/- Абтахи.
16. -/- Батман Килич.
17. -/- Зинда Дель.
18. -/- Бакаи.
19. -/- Михаи.
20. -/- Доулю
21. -/- Каим Магами.
22. -/- Ахгар.
23. -/- Афтеси.
24. -/- Джахангири.
25. Майор Джахан Беглю.
26. -/- Мунтаземи.
27. -/- Хамаюи.
28. Капитан Гуль Мохаммеди.
29. -/- Матини.
30. -/- Факъе.
31. -/- Анвар Пур.
32. -/- Мухаджир.
33. -/- Касем Мазахери.
34. -/- Али Хайят Мусави Заде.
35. Полковник Амери.
36. Полковник Шах Голи.
37. Инженер Захеде.
38. Инженер Вакили, начальник южной железной дороги.
39. Шими, начальник службы тяги южной дороги.
40. Элахи, начальник службы движения южной дороги.

Все иранские газеты печатают список арестованных 30 августа – 1 сентября. Ряд газет отмечает, что арестованные офицеры находятся в офицерском клубе, а другие арестованные – в управлении полиции³⁶.

АРЕСТ ЛИЦ, ПОДОЗРЕВАЕМЫХ В ПРИВЕРЖЕННОСТИ ДЕРЖАВАМ ОСИ

За последние два дня была арестована группа лиц, подозреваемых в приверженности державам оси. Список арестованных опубликован в этом номере. Поскольку мы не имеем сведений о действительном положении дела и действиях указанных лиц, мы не можем ничего сказать в отношении этого события. Кроме того, эти необычные действия имеют примеры в прошлом; до этого также группы лиц арестовывались и являлись объектом следствия.

Поэтому арест указанных лиц является одним из тысячи неприятных случаев, которые происходят в эту эпоху. Но мы придаем большое значение тому обстоятельству, что арест этих лиц – не дело иностранных кругов, а дело правительства.

³⁵ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 309–310. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

³⁶ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 310–311. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

Иностранные круги, или иначе говоря союзники, исходя из военных обстоятельств и соображений высшей политики, почитают своим правом защищать существующее положение вещей и во всех пунктах, находящихся под их влиянием и господством, преследовать всякое злоумышление в пользу их врагов. Их военная политика требует того, чтобы злоумышленники брались под наблюдение, арестовывались и высылались, чтобы обеспечить себя от всяких злоумышлений³⁷.

Далее газета останавливается на значении Ирана для дела победы союзников и указывает, что нет ничего удивительного в аресте указанной группы лиц, которые, если окажутся виновными, будут задержаны, а если окажутся невиновными, будут освобождены.

Но что неприятно для нас, говорит газета, это действия правительства, которое не оберегает достоинства народа и страны, потому что основное в наших отношениях с союзниками – это невмешательство последних во внутренние дела³⁸.

Далее газета обвиняет правительство в том, что оно, имея обязательства перед союзниками, не выполнило их дипломатическим путем. Правительство отделялось отговорками от требований союзников, подобно тому, как оно отделялось от требований либералов в вопросе закрытия газет. Поэтому союзники вынуждены были вмешаться непосредственно сами и произвести аресты.

Уже два-три месяца тому назад союзники указывали правительству, что они подозревают в злоумышлении некоторых лиц, вручили ему список этих лиц и требовали ареста и производства следствия. Однако правительство всячески уклонялось от этого. Оно даже способствовало бегству из-под ареста двух ранее арестованных лиц, что явилось причиной давления союзников и окончилось отставкой начальника полиции.

Действительно ли правительство заинтересовано в достоинстве страны и невмешательстве в ее внутренние дела или, по меньшей мере, в общественном достоинстве этих подозреваемых людей, которые являются нашими соотечественниками и каждый из которых имеет семью, жену и детей.

Если такая заинтересованность у правительства действительно была, оно должно было лично арестовать подозреваемых союзниками лиц и расследовать их дела, а затем дать обоснованный ответ на их требования, а поскольку оно не приняло мер, то союзники по соображениям защиты своей политики, связанной с войной, приняли свои меры.

(«Сетаре», 1.09.43 г.³⁹)

ВЗВОЛНОВАННЫЙ ТЕГЕРАН

До последнего часа мы ждали сообщения правительства о причинах ареста группы лиц, задержанных вчера иностранными кругами и сыскной полицией, но, к сожалению, из официальных источников не последовало никаких известий. По-прежнему мы ничего не знаем о причинах ареста группы лиц, ставших объектом клеветы, и удивляемся этому печальному событию.

Когда мы сообщаем в этом номере имена арестованных, мы очень удивляемся, так как в их числе есть люди очень почтенные, которые, по нашему убеждению, никогда не могут выступить против интересов своей родины. Если, как сообщается, их преступление заключается в помощи действиям держав оси, то эта недопустимая клевета к ним не пристанет, а духовный сан Кашани выше этой клеветы.

Вопрос, больше всего встречающий возражение, это вмешательство чужих сил в дело ареста этих людей.

И в связи с этим мы не знаем, где же та независимость, которую нам обещали⁴⁰. Во всяком случае, мы рекомендуем своим соотечественникам полностью сохранять твердость и хладнокровие и не поддаваться влиянию подстрекателей.

³⁷ Так в тексте.

³⁸ Проводимые союзниками аресты интерпретировались частью иранского общества как нарушение достигнутых ранее договоренностей (см. ссылку 40 ниже). На самом деле это было не совсем так – в условиях продолжающейся войны каждый из ее участников пытался минимизировать риски, в том числе – от враждебной деятельности на территории третьих стран как со стороны стран оси, так и сочувствующего им населения.

³⁹ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 311–312. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

⁴⁰ Совместный британо-советско-иранский договор на русском языке был опубликован в газете «Известия», в № 24 (7710) от 30.01.1942 г. В статье 1 Договора говорилось: «Его Величество Король Велико-

Всякое подстрекательство и мероприятия против благоразумия и осторожности в это время направлены против общих интересов страны и, возможно, таят опасность и плохие последствия.

Во всяком случае, мы решительно требуем от правительства, чтобы причина ареста этих лиц, создавшего беспокойство и страх среди населения, была полностью разъяснена, а мы до тех пор воздержимся от обсуждения этого вопроса.

Однако вместе с тем мы не можем удержаться, чтобы не сказать, что это происшествие произошло потому, что группа шпионов и сплетников сделала свое дело и донесла на наших соотечественников иностранным кругам.

Это группа людей без родины и без совести, которая сегодня обвиняет в фашизме одних лиц, а завтра других в пособничестве державам оси.

Люди, в жилах которых течет благородная иранская кровь, любят свою родину, свои обычаи и народ, и в настоящее время, когда интересы страны заключаются в сотрудничестве и доброжелательности в отношении союзников, об этом не забывают.

(«Миханпарастан», 1.09.43 г.⁴¹)

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ, РЕВОЛЮЦИЯ – ЭТО НЕ БЕСПОРЯДОК. БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ, ЧТОБЫ ВАС НЕ СДЕЛАЛИ ОРУДИЕМ, ЧТОБЫ НЕ ПОВТОРИЛИСЬ СОБЫТИЯ 17 АЗЕРА⁴²

Арестована группа наших соотечественников. Мы не возражаем против ареста каждого преступника, но мы протестуем против действий иностранцев, которые противоречат нашему национальному достоинству. Мы уверены, что такого рода мероприятия должны выполняться нашими работниками. Однако мы требуем от вас, соотечественники, ради счастья страны, ради жен и детей, чтобы вы сохранили спокойствие, и чтобы не произошло событий, подобных событиям 17 азера. Ради осуществления гнусных целей не подвергайте своих дорогих детей и друзей смерти.

В эти тяжелые дни кризиса имеется группа подлых элементов, которые хотят воспользоваться этим моментом и вашей беспечностью. Всякое неорганизованное волнение приведет страну к гибели и является угрозой нашей независимости.

Соотечественники! В этом номере мы пишем, что единственным путем освобождения от грязных слуг Реза-шаха является революция. Но не беспорядочная революция, не повторение отвратительных событий 17 азера. Беспорядки, грабежи и неорганизованность покажут всему миру нашу неспособность.

Революция должна основываться на планах, на твердой почве, должен быть организован суд для наказания и уничтожения предателей. Однако вследствие беспорядков, созданных этими элементами, они могут захватить власть в свои руки и извлекут от этого пользу.

Опять, именем счастья Ирана, мы вас искренне просим, чтобы вы были спокойны и оставили свою беспечность и всеми силами сопротивлялись беспорядкам, и чтобы вы ждали достоверных сообщений.

(«Шахбаз», 1.09.43 г.⁴³)

ОБЗОР ТЕГЕРАНСКОЙ ПРЕССЫ

№ 413 от 5 сентября 1943 г.

ЗАКРЫТОЕ ЗАСЕДАНИЕ МЕДЖЛИСА

На четверг в 4 часа было назначено открытое заседание меджлиса, но в 4 ч. 30 м. состоялось закрытое заседание при участии премьер-министра, министра финансов, министра земледелия, министра здравоохранения и министра юстиции. Прения продолжались до 6 часов вечера, и по случаю позднего времени открытое заседание было перенесено на воскресенье на 3 ч. 30 м. дня.

Ниже излагается краткое содержание прений.

британии, Ирландии и Британских владений за морями; Император Индии и Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик (именуемые ниже как Союзные государства) совместно и раздельно обязуются уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана». Проводимые союзниками аресты интерпретировались частью иранского общества как нарушение достигнутых ранее договоренностей.

⁴¹ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 312–313. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

⁴² Имеется в виду дата начала массовых арестов.

⁴³ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 313. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

Об арестованных

Премьер-министра попросили дать разъяснение относительно ареста работников управления железной дороги и работников некоторых министерств иностранными учреждениями, которые произошли несколько дней назад. А также относительно того, что эти лица были арестованными иностранными учреждениями⁴⁴.

Премьер-министр Сохейли указал, что на железной дороге иностранными органами были арестованы иностранные инженеры, а остальные подозреваемые были арестованы полицией и военным министерством⁴⁵.

Как известно, после ареста немца в Тегеране, имевшего место несколько времени назад, правительством были арестованы ряд подозрительных лиц, и на основании соглашения, которое было подписано при прошлом кабинета между министром иностранных дел и союзниками, арестованные направлены в Арак⁴⁶, где их будут судить в присутствии представителей министерства иностранных дел и министерства юстиции. Невинные будут освобождены так же, как это имело место с лицами, задержанными ранее, вина которых не была обнаружена.

Немецкий воздушный десант

Затем премьер-министр рассказал об аресте в Тегеране немца. Несколько времени назад три немецких парашютиста опустились в Фарсе. Они имели при себе воспламеняющиеся вещества⁴⁷ и чемоданы. Как выяснилось, это парашютисты имели связи с немцами, нелегально проживающими в Иране, и с тем немцем, который был арестован в Тегеране.

После завершения кашкайских событий⁴⁸ эти три парашютиста выехали из Фарса, намереваясь произвести взрывы мостов, тоннелей и важных зданий, что не было допущено.

В конце заседания говорилось о том, что вчера снова были арестованы ряд лиц из купцов и др., вследствие чего возникло большое беспокойство. Премьер-министр заявил, что в течение двух ближайших дней все будет урегулировано.

(«Эттеляат»⁴⁹, 4.09.43 г.⁵⁰)

СООБЩЕНИЕ НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Немец Маер⁵¹, который до начала войны жил в Иране в качестве представителя одной из торговых фирм, в течение двух последних месяцев находился в Исфагане. Как говорят, он жил на квартире у одного армянина. Несколько недель назад, во время игры в нарды, между Маером и хозяином произошел скандал, и Маер начал угрожать своему хозяину. Хозяин от страха выскочил из дома и начал кричать, что у него в доме немец. Явилась полиция и начала искать Маера, но его и след простыл. Оказалось, что Маер бежал через крышу. Однако в руки полиции попал его чемодан с документами и другими вещами.

Некоторое время спустя этот чемодан и другие предметы были переданы англичанам. Англичане и иранская полиция организовали поиски Маера, но не смогли его найти. Документы в большинстве оказались зашифрованными.

Прошло два месяца. Маер очутился в Тегеране и завязал связи с доктором Гудси, жена которого была немкой, и поселился у них в доме. Однажды он был обнаружен и арестован. Доктор Гудси, который был зубным врачом, скрылся со своими зубоорудиями инструментами, однако его жена была задержана, и у нее на квартире был обнаружен радиопередатчик.

После ареста Маера его заставили прочесть его зашифрованные документы, причем в его чемодане был обнаружен список ряда иранских патриотов.

Неизвестно, какие связи имели перечисленные в списке лица, которых арестовали с Маером, и принимали ли они участие в его действиях или же он желал их использовать впоследствии. Скорее всего, что последнее предположение более правильное, так как мы не можем себе представить, чтобы дивизионный генерал Эг-Авли или Мирза Али Хаят участвовали бы в

⁴⁴ Так в тексте.

⁴⁵ Так в тексте.

⁴⁶ Так в тексте.

⁴⁷ Так в тексте; правильное – взрывчатые вещества.

⁴⁸ Кашкайцы – племенной союз в Иране. Имеются в виду события, связанные как с нахождением Ф. Майера у кашкайцев после бегства из Тегерана, так и выброска немецкой агентуры на территорию кашкайцев.

⁴⁹ Правильно – «Эттеляат», ежедневная газета, основанная в 1926 г.

⁵⁰ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 294. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

⁵¹ Так в документе, правильно – Майер.

таких делах. Именно таких людей среди арестованных большинство. Мы надеемся, что этот вопрос будет в ближайшее время расследован, и если эти лица взяты лишь по подозрению, в результате проверки оно полностью будет с них снято⁵².

ЗАВУАЛИРОВАННАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА, ИЛИ СООБЩЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Два дня тому назад было напечатано сообщение министерства внутренних дел по поводу тайной шпионской организации немцев в Иране и о подготовке этой организацией вооруженного восстания против правительства. Сообщение говорит о том, что будто бы арестованные иранцы были участниками этой организации.

Это сообщение является лучшим показателем завуалированной политики иранского правительства.

Такая политика повторялась несколько раз. Так, например, главнокомандующий исфаганской дивизией был арестован и отправлен за пределы Ирана. Правительство ничего не сообщило народу о причине этого ареста. Оно молчало. Несколько времени тому назад распространились слухи о том, что какой-то германский майор находится среди кашкайцев. Опять правительство ничего не сообщило по этому поводу.

Также был распушен слух, что будто бы на территорию кашкайцев спустились три немецких парашютиста и обеспечили этого майора боеприпасами. И опять правительство ничего не сообщило об этом. Только два дня тому назад премьер подтвердил эти слухи на закрытом заседании меджлиса.

Сейчас арестовано 175 человек иранцев и увезены в Арак. Пока вопрос не будет выяснен, мы ничего не можем сказать о виновности или невиновности этих людей.

Само правительство в первую очередь виновато в этом событии, так как оно два года молчало и вело завуалированную политику. Если бы правительство своевременно приняло соответствующие меры, то не было бы возмущений, которые сейчас происходят среди населения и вызываются тем, что будто бы союзники вмешивались в раскрытие германской тайной организации и в аресты этих людей. Но в этом, конечно, виновато только правительство, так как если бы им были приняты своевременные меры, то союзники не участвовали бы в этом деле.

В конце статьи газета говорит: «Если правительство и в данном случае повторит свою молчаливую политику, то мы вынуждены будем попросить у союзников напечатать документы по поводу арестованных, чтобы вопрос был ясен для населения».

(«Имрузу фарда», 5.09.43 г.⁵³)

ДОГОВОР С СОЮЗНИКАМИ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПЕРЕСМОТРЕН

Газета «Джаванан» под этим заголовком поместила большую передовую статью, в которой останавливается на вопросе германской шпионской тайной организации в аресте ряда людей.

Автор говорит: «Из последних событий видно, что Германия вмешивается во внутренние дела Ирана, Иран же несет на себе тяжесть войны больше, чем какие-либо другие малые государства, объявившие войну державам оси, поэтому было бы логичнее Ирану объявить войну державам оси. Это навсегда отнимет у германских шпионов надежду на Иран».

(«Джаванан»⁵⁴, 5.09.43 г.⁵⁵)

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВА В КОМИССИИ ПО РАЗБОРУ ДЕЛ АРЕСТОВАННЫХ

Для участия в комиссии по разбору дел арестованных от министерства юстиции назначен Мубасир, а от министерства иностранных дел Дара. Эти лица сегодня, должно быть, выедут в Арак. Мы надеемся, что они честно выполнят свою задачу, благодаря чему будут освобождены лица, арестованные без всякой причины.

(«Миханпарастан», 5.09.43 г.)

⁵² Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 295. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

⁵³ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 296–297. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

⁵⁴ Молодежное издание.

⁵⁵ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 297. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

ОТНОСИТЕЛЬНО АРЕСТОВАННЫХ

В пятницу иностранные учреждения передали в полицию составленный ими список предметов, необходимых для арестованных, и полиция направила этот список семьям задержанных. Вчера эти предметы были переданы иностранным учреждениям для посылки в Арак.

Как стало известно, в Араке организован смешанный суд из представителей Ирана и союзников, который будет разбирать дела арестованных лиц.

+ + +

Мы имеем сведения о том, что правительство хочет просить иностранные учреждения, чтобы арестованным было разрешено переписываться с их семьями. Если это похвальное дело будет осуществлено, то значительная часть беспокойства будет этим устранена. Мы ждем результатов этих переговоров.

(«Иране ма», 5.09.43 г.⁵⁶)

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, КУДА МЫ ИДЕМ?

Уже два года, как в истории нашей страны началась новая эра. Каждое правительство очень много обещало во время прихода к власти. Но результатов не видно. Различные несчастья: голод, дороговизна, бедность подавляют народ. Не сделано никаких решительных шагов к ликвидации этих бедствий.

Законопроект о подоходном налоге был одним из полезных мероприятий, но он месяцами находится в меджлисе и до сих пор не утвержден.

Это происходит потому, что члены нашего правительства являются неспособными. Они свои личные интересы ставят выше общественных.

В этой войне мы сделали очень много для победы союзников. Спросите у военных специалистов, какое было бы положение на войне, если бы не было железной дороги, построенной в результате преданности иранского народа⁵⁷. Это дает нам право сказать: «Мы воюем», так как иранский народ принес много жертв для выполнения своего договора с союзниками.

Во всех случаях мы старались укрепить дружественные отношения с союзниками.

В настоящее время, когда ряд наших людей арестованы по подозрению в связях с немецкими шпионами, мы молчим, так как они должны сами убедиться в том, что иранцы благородны и не поддерживают иноземцев.

Затем автор говорит: «Если бы у нас было достаточно сильное правительство, то оно могло бы вести переговоры с союзниками и разрешить все наши политические и экономические затруднения, могло бы ликвидировать все разногласия среди населения, создать единство и обеспечить свободу взглядов. Этим оно спасло бы нашу страну от опасностей».

(«Иране ма», 5.09.43 г.⁵⁸)

ВОПРОС МИНИСТЕРСТВУ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Как нам сообщили, в 20-м году инженер Сабиги, в качестве представителя министерства путей сообщения, и Мохаммед Аман Пур, в качестве представителя министерства финансов, были командированы в Ирак для приема и отправки в Иран 90 вагонов, купленных иранским правительством в Германии. Эти вагоны постепенно прибывали в Ирак. Когда из Ирака были отправлены в Иран 5–6 вагонов, началась война Ирака с Англией. Отправка вагонов в результате этого прекратилась. Когда кончилась война, иранские вагоны не были отправлены из Ирака. Шесть иранских вагонов якобы используются железной дорогой Турция–Ирак.

Мы просим министерство путей сообщения дать разъяснения, почему иранские вагоны используются в Ираке, а не отправлены в Иран.

(«Имрузу фарда», 5.09.43 г.⁵⁹)

⁵⁶ Там же. С. 298. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

⁵⁷ Поставки грузов в СССР в рамках программы ленд-лиза осуществлялись по пяти маршрутам, в том числе через Персидский залив и «Иранский коридор». Стоит отметить, что СССР, США и Великобритания вложили в обеспечение нормального функционирования этого транспортного коридора огромные средства, начиная от приведения в порядок иранских морских портов и заканчивая строительством необходимой инфраструктуры. Иранская сторона предоставляла для этих целей собственных рабочих, их деятельность оплачивалась союзниками. В конечном счете все расходы были оплачены Советским Союзом, так как именно он был заинтересован в этих поставках.

⁵⁸ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 298–299. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

БЕСЕДА МИНИСТРА ЮСТИЦИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ТЕГЕРАНСКОЙ ПЕЧАТИ

Вчера министр юстиции⁶⁰ принял в библиотеке министерства юстиции ряд представителей тегеранской печати. В своей беседе он главным образом остановился на вопросе о событиях 17 азера.

Я являюсь сторонником того мнения, сказал он, чтобы вопросы событий 17 азера были тщательно расследованы так, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений.

Во-вторых, он внес предложение о создании специальной комиссии из членов меджлиса, которая расследовала бы с точки зрения актуальности все изданные до сего времени законы.

(«Сетаре», 5.09.43 г.⁶¹)

Массированный удар, нанесенный по германским интересам в Иране, имел должный успех. Стоит отметить, что в целом иранская пресса довольно точно описала процессы, предшествующие столь редким для страны массовым арестам ее истеблишмента. Оппозиционные издания регулярно «отводили душу», комментируя неудачные (по их мнению) действия правительства, а издания, находящиеся под влиянием англо-советских союзников, довольно подробно разъясняли их позицию в событиях сентября 1943 г. Надежность поставок продукции военного назначения Советскому Союзу через иранскую территорию была стабильно обеспечена [6, с. 136–149], а сам Иран вошел в число стран антигитлеровской коалиции: уже 9 сентября 1943 г. он объявил войну фашистской Германии.

В обзоре представлены англофильские издания («Сетаре», «Джаванан»), газеты, отстаивающие национальные интересы («Мардане кар», «Эгдам», «Миханпарастан», «Садае Иран», «Шахбаз», «Эттелаат», «Имрузу фарда», «Иране ма»), оппозиционные издания («Мехране Иран»), газеты национальных диаспор («Азербайджан»). Издания, ориентированные на Советский Союз, по понятным причинам в дайджесте не цитируются вовсе.

Необходимо также сказать и о присоединившихся к англо-советским союзникам в Иране американцах, появившихся здесь во второй половине 1942 г. Впрочем, это не обозначает, что их вклад в решение иранских проблем в 1941–1945 гг. был минимальным – скорее наоборот. «...В американской ближневосточной политике Ирану отводилась особая роль. В Вашингтоне всегда отдавали должное тому факту, что с первых же дней пребывания у власти шах Мохаммед Реза Пехлеви неизменно подчеркивал свои симпатии к США и негативное отношение к СССР» [5].

Практически полное отсутствие в обзорах прессы упоминаний об американцах обозначает только то, что на тот момент фокус внимания составителей дайджестов был смещен в сторону представителей иных государств, заслуживающих более пристального внимания. Однако пройдет совсем немного времени, и именно Соединенные Штаты возглавят пелотон в гонке западных стран, стремившихся стать главными бенефициарами Второй мировой войны, а затем – и лидерами западного мира. Ослабевшая после военных действий Великобритания будет вынуждена уступить своей бывшей колонии ведущее место во многих государствах Европы и Азии, включая Иран.

Список литературы

1. Архив СВР России (Архив Службы внешней разведки России). Д. 28211. Т. 1.
2. Марковчин В. В. Настроения в иранском обществе в связи с началом Великой Отечественной войны // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 2 (22). С. 107–113.
3. Марковчин В. В. «Пятая колонна» в Иране. Ликвидация прогерманских организаций в 1941–1945 гг. Часть I // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 3 (23). С. 90–94.
4. Марковчин В. В. «Пятая колонна» в Иране. Ликвидация прогерманских организаций в 1941–1945 гг. Часть II // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 4 (24). С. 60–67.
5. Юнгблюд В. Т., Воробьева Т. А. США теряют союзника на Ближнем Востоке: Политика администрации Дж. Картера в отношении Ирана, 1977–1980 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № 3 (77). URL: <https://history.jes.su/s207987840005469-4-1/> (дата обращения: 03.02.2022).
6. Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров, 2011. 414 с.
7. Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. США и ввод англо-советских войск в Иран в августе 1941 г. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 4 (484). С. 81–92.

⁵⁹ Там же. С. 300. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

⁶⁰ В 1943–1944 гг. министром юстиции был Аллах-Яр Салех.

⁶¹ Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 300. Машинопись, заверенный перевод с фарси.

Black September in Iran: Allies strike

V. V. Markovchin

PhD in Historical Sciences, associate professor, professor, Southwest State University,
Russia, Moscow. E-mail: markovchin@yandex.ru

Abstract. The publication is devoted to the events of early September 1943 in Iran, when the joint efforts of the special services of the USSR and Great Britain carried out mass arrests of well-known representatives of the Iranian elite associated with the activities of the "fifth column" in the country. The unpopularity of such measures was obvious. This is evidenced by the materials of two digests included in the so-called "Reviews of the Tehran press", which were constantly prepared both for the needs of the NKID of the USSR and for other structures, including for foreign intelligence. Digests are saturated with concrete facts and devoid of information "voids" and commonplaces. The documents significantly expand the understanding of both Iran itself and the events immediately preceding the country's entry into World War II on the side of the anti-Hitler coalition. They confirm that the Allied intelligence services regularly received information about the activities of the pro-German part of Iranian society, as well as about the plans of the Germans in the Middle East. Up to a certain point, the Soviet-British occupation authorities, for political reasons, did not resort to repression, avoiding complications. The radical turning point in the Second World War that took place in the summer of 1943 and the approach of the Tehran meeting of the leaders of the anti-Hitler coalition led the Allies to a coordinated and offensive policy towards Iran, which was expressed in mass arrests.

Keywords: Iran in 1943, special services of the anti-Hitler coalition in Iran, arrests of the "fifth column" in Iran, US policy in Iran, USSR policy in Iran, British policy in Iran.

References

1. Archive of the FIS of Russia (Archive of the Russian Foreign Intelligence Service). File 28211. Vol. 1.
2. Markovchin V. V. *Nastroeniya v iranskom obshchestve v svyazi s nachalom Velikoj Otechestvennoj vojny* [Moods in the Iranian society in connection with the beginning of the Great Patriotic War] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2021. No. 2 (22). Pp. 107–113.
3. Markovchin V. V. *"Pyataya kolonna" v Irane. Likvidaciya progermanskikh organizacij v 1941–1945 gg. Chast' I* ["The Fifth column" in Iran. Liquidation of pro-German organizations in 1941–1945 Part I] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2021. No. 3 (23). Pp. 90–94.
4. Markovchin V. V. *"Pyataya kolonna" v Irane. Likvidaciya progermanskikh organizacij v 1941–1945 gg. Chast' II* ["Fifth column" in Iran. Liquidation of pro-German organizations in 1941–1945 Part II] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2021. No. 4 (24). Pp. 60–67.
5. Yungblyud V. T., Vorob'eva T. A. *SShA teryayut soyuznika na Blizhnem Vostoke: Politika administracii Dzh. Kartera v otnoshenii Irana, 1977–1980 gg.* [The United States is losing an ally in the Middle East: The Policy of the administration of J. Carter's attitude towards Iran, 1977–1980] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya"* – Electronic scientific and educational journal "History". 2019. No. 3 (77). Available at: <https://history.jes.su/s207987840005469-4-1/> (date accessed: 03.02.2022).
6. Yungblyud V. T., Chuchkalov A. V. *Politika SShA v Irane v gody Vtoroj mirovoj vojny* [U.S. policy in Iran during the Second World War]. Kirov. 2011. 414 p.
7. Yungblyud V. T., Chuchkalov A. V. *SShA i vvod anglo-sovetskih vojsk v Iran v avguste 1941 g.* [The USA and the entry of Anglo-Soviet troops into Iran in August 1941] // *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* – USA and Canada: economics, politics, culture. 2010. No. 4 (484). Pp. 81–92.

Социальная структура кара-абызской культуры в IV–III вв. до н. э. (по материалам Уфимского могильника)

А. С. Проценко

заведующий отделом археологии, Республиканский историко-культурный музей-заповедник
«Древняя Уфа». Россия, г. Уфа. ORCID: 0000-0002-5152-8564. E-mail: anton.procenko@mail.ru

Аннотация. Источниковая база по погребальному обряду археологических культур Южного Приуралья, благодаря стараниям трех поколений археологов, позволяет актуализировать исследования по социальным реконструкциям в регионе. Территория лесостепной части Южного Приуралья в эпоху раннего железного века являлась зоной активных этнокультурных контактов, когда на местное оседлое население оказывает постоянное влияние мир степных кочевников. В статье рассматриваются вопросы социальной структуры древнего населения Уфимского полуострова в эпоху раннего железного века. В основу работы легли материалы 29 погребений Уфимского грунтового могильника, исследованных В. В. Гольмстен и Ю. А. Морозовым. На основе анализа погребального обряда и количественно-качественного состава предметов сопроводительного инвентаря исследователю удалось осуществить реконструкцию социальной структуры кара-абызского общества путем распределения погребений на три категории («богатые», «рядовые», «бедные»). Также был проведен анализ половозрастных групп. Маркирующими признаками для женских захоронений выступают украшения и предметы костюмного комплекса, для мужских – предметы вооружения. Детские захоронения производились в одной манере со взрослыми, но в сопровождении более скудного инвентаря. Планиграфические наблюдения не позволяют говорить об особом размещении на могильнике выделенных в результате исследования трех категорий погребений. Полученные результаты свидетельствуют, что кара-абызская культура на начальном этапе своего существования демонстрирует социальное равенство погребенных. Однако 17,2 % захоронений выделяется по составу и качеству инвентаря, что свидетельствует о начале процессов социальной дифференциации. Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о существовании слабо стратифицированного общества.

Ключевые слова: эпоха раннего железного века, погребальный обряд, р. Белая, Южное Приуралье.

Постсоветский период характеризуется значительными достижениями такой субдисциплины, как социальная (социологическая) археология, становление которой в СССР началось еще в 1970-е гг. По существу за 20–30 лет сложился широкий спектр исследовательских подходов, таких как палеоантропологическое и палеоэкономическое моделирование, формализованно-статистические технологии, метод определения трудовых затрат на сооружение погребения и выявления половозрастной и социальной дифференциации исходя из сложности погребальных конструкций и состава погребального инвентаря, планиграфический анализ системы погребального комплекса, этноархеологические реконструкции, оценка численности населения по экологическим параметрам и так далее [4, с. 122–123]. Исследователями отмечено, что роль погребального обряда в определении культуры и ее особенностей неизмеримо велика. В нем отражаются не только идеологические представления, но и этнографический облик, социальные и хозяйственные отношения населения, оставившего могильник. Погребальный ритуал является наиболее устойчивым элементом духовной культуры древних людей [15, с. 75].

Социальная структура древних обществ последние два десятилетия активно интересует исследователей. По многим аспектам социальной организации разных археологических культур и эпох на данный момент мы имеем представление [3; 10; 11 и др.].

Территория лесостепной части Южного Приуралья неоднократно отмечалась исследователями как особая зона этнокультурных контактов в эпоху раннего железного века [8; 9,

с. 375; 16, с. 162; 18, с. 117; 19, с. 40 и др.]. На данной территории сформировалась одна из интереснейших археологических культур раннего железа – кара-абызская, впитавшая как местные традиции оседлого населения, так и элементы материальной культуры кочевого населения региона (сарматских племен).

Уфимский грунтовый могильник расположен в южной части Уфимского полуострова г. Уфа Республики Башкортостан, на высокой коренной террасе правого берега р. Уфа, в районе санатория «Зеленая роща» [1, с. 125]. В непосредственной близости от некрополя расположено Уфимское (Чертово) городище – двухслойный памятник, относящийся к эпохе раннего железного века (кара-абызская культура) и раннего средневековья (бахмутинская культура). Уфимский могильник открыт в 1911 г. В. В. Гольмстен [6, с. 7], которой за два полевых сезона было вскрыто 28 погребений. В 1973 г. Ю. А. Морозовым для контрольного определения южной границы могильника была заложена рекогносцировочная траншея, где обнаружено одно погребение [12, с. 148].

В общей сложности на сегодняшний момент изучено 29 погребений, датируемых IV–III вв. до н. э. Характеристика материалов и погребального обряда могильника дана в публикациях автора стационарных раскопок [7], полная публикация материалов представлена в работе В. В. Овсянникова и А. Ф. Яминова [13]. Необходимо отметить, что Уфимский могильник, несмотря на столетнюю историю изучения кара-абызских древностей, до сих пор остается единственным изученным некрополем по раннему этапу кара-абызской культуры.

Ассортимент и содержание признаков погребального обряда и половозрастная принадлежность определяются исключительно теми сведениями, которые приводят исследователи в своих научных отчетах или публикациях. Среди них объективными, то есть с точки зрения археологического источниковедения, реально фиксируемыми являются тип и планиграфия могильника, способ захоронения, ориентировка и поза погребенного, детали ритуала, ассортимент погребального инвентаря. Необходимо отметить, что в настоящий момент нет погребений, у которых пол и возраст определен профессиональным антропологом.

Погребальный обряд Уфимского могильника характеризуется следующими признаками: все погребения одиночные, захоронения совершались по обряду ингумации в простых могильных ямах, в двух погребениях зафиксированы известняковые плиты, которые «составляли как бы рамку вокруг костяка». Глубина от современной поверхности варьировалась от 0,5 м до 1–1,5 м, большинство захоронений – 68 % – погребены на глубине до 1 м, до 0,5 м – 21,4 %, 1–1,5 м – 10,6 %. Не зафиксированы в некрополе следы органических материалов, которые присутствовали в других известных некрополях кара-абызской культуры, к примеру, в Биктимировском могильнике в 13 % погребений исследователями зафиксированы следы деревянной подстилки (древесной коры) [17, с. 847].

Умерших людей традиционно укладывали на спину с вытянутыми конечностями, в положении рук зафиксировано некоторое разнообразие: у 11 погребенных руки вытянуты вдоль туловища; в двух случаях левая рука покоится на тазовых костях, в одном случае – правая; в двух погребениях обе руки уложены на паху; по одному случаю – обе руки либо одна под нижней челюстью. Исследователями отмечено, что целый ряд погребений был нарушен еще в древности (восемь захоронений), что является свидетельством существования обряда обезвреживания покойника [13, с. 19]. Погребенных в большинстве случаев (48 %) укладывали в южном, юго-западном или юго-юго-западном направлении. По отношению к ближайшему водоему (р. Уфа) погребенные были уложены головой по течению реки. Остальные направления в ориентировке представлены единично.

Одной из характерных особенностей некрополя является присутствие мелких угольков на костяках. Возможно, данное обстоятельство связано с тем, что на Уфимском некрополе в качестве объектов очищения умершего применялся огонь [5, с. 165]. Но как справедливо отмечают исследователи, смысл этого обряда однозначно охарактеризовать сложно [2, с. 88]. Планиграфические наблюдения В. В. Овсянникова и А. Ф. Яминова позволили исследователям предположить, что обряд посыпания умерших углями возникает не сразу, а спустя некоторое время после возникновения могильника, а именно после основания Чертова городища. В ананьинских могильниках эта традиция не фиксируется. В дальнейшем этот обычай не получает распространение и среди остального кара-абызского населения [13, с. 26]. Однако в ананьинской культуре шнуровой керамики сравнительно широко был распространен обычай сжигания деревянных конструкций погребального сооружения, вследствие чего некоторые костяки подвергались частичному обжигу [20, с. 64].

В. В. Овсянниковым и А. Ф. Яминовым по составу инвентаря погребенные были разделены на мужские, в которых найдены предметы вооружения (наконечники стрел (бронзовые и костяные) и железные наконечники копий), немногочисленные предметы поясного набора (колчаные крючки, бронзовые бляшки, бляха и обойма), и женские, в которых зафиксированы предметы украшений и поясного набора (височные подвески, шейные гривны, перстни, поясные крючки и пряжки). Универсальным предметом как для мужских, так и женских захоронений являются железные ножи, которые встречены в восьми погребениях (три в мужских и пять в женских) [13, с. 19–21].

Из 29 исследованных погребений только в шести захоронениях (20,7 %) отсутствовал сопроводительный инвентарь. Общая картина сопроводительного инвентаря представлена в публикации вышеуказанных авторов [13, с. 27, табл. А; с. 28, табл. Б]. Из мужской выборки выделяются три погребения (7, 21, 26), в которых найдено наибольшее количество наконечников стрел в составе колчанного набора: 21, 18, 20 штук соответственно, также в погр. 7 и 21 найдены железные наконечники копья и бронзовые обоймы. Из женских погребений можно выделить два погребения (13 и 15) по количественно-качественному составу предметов. В погр. 13 инвентарь представлен: два бронзовых височных кольца, бронзовая гривна, две поясные бляхи разных размеров, крючок крестообразной формы, железный нож и два кольца (с широкой и узкой спиралью). В погр. 15: височные 8-образные подвески, ожерелье из бронзовых обоймиц, бляшек, пронизок, привесок треугольной формы, двух раковин *Surgaea mopea* и трех крупных бус, массивный бронзовый браслет, бронзовое спиральное кольцо, одна бляха с изображением животного, вторая – с изображением пары животных, железный нож.

В других женских захоронениях представлены три – четыре элемента костюмного комплекса. Общим для женских и мужских погребений выступает помещение железного ножа в могилу. Детские погребения составляют 13,8 % от общего количества захоронений. В двух случаях костяк не содержал вещей, в погр. 12 зафиксирована пастовая бусина. Отметим погр. 9, в котором инвентарь представлен костяной поделкой и украшением из одной золотой и нескольких бронзовых обоймиц и бисера. В целом детские погребения в погребальном обряде демонстрируют общую ритуальную традицию. Захоронения производились в одной манере со взрослыми, но в сопровождении более скудного инвентаря, что, скорее всего, обуславливалось имущественным (социальным) положением ребенка. Данная ситуация, как показывают наши исследования, сохранялась на протяжении всего существования кара-абызской культуры.

Касаясь социальной иерархии населения, оставившей данный некрополь, необходимо отметить достаточно равноправную ситуацию, сложившуюся в IV–III вв. до н. э. в кара-абызском обществе. Основываясь на качественно-количественном отношении сопроводительного инвентаря, погребения были разделены на три категории («богатые», «рядовые», «бедные»). Как было отмечено выше, нами были выделены три мужских и два женских «богатых» захоронения. Оставшиеся погребения, за исключением захоронений, в которых инвентарь отсутствовал, «бедные» (8), можно смело назвать «рядовыми» (16) членами общества. Планиграфические наблюдения не позволяют говорить об особом размещении на некрополе как половозрастных групп, так и привилегированного населения. В свою очередь отметим, что из выделенных В. В. Овсянниковым и А. Ф. Яминовым родовых участков (А – Б – В – Г) [13, с. 25–26; с. 46, рис. 11] погребения, содержащие более представительный инвентарь, присутствуют как в наиболее ранней части могильника (участок А и Б: мужские погр. 7, 21, 26), так и в наиболее поздней (участок Г: женские погр. 13 и 15). Следует также отметить, что в погребениях полностью отсутствуют кости животных и глиняная посуда, несмотря на то, что в других некрополях данные ритуальные признаки фиксируются [9, с. 122]. Таким образом, погребальный обряд Уфимского могильника не позволяет говорить о глубоком социальном раслоении на первом этапе существования кара-абызской культуры.

Список литературы

1. Археологическая карта Башкирии / отв. ред. О. Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 264 с.
2. Балабанова М. А., Клепиков В. М., Коробкова Е. А., Кривошеев М. В., Перерва Е. В., Скрипкин А. С. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 272 с.
3. Берсенева Н. А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях сарматской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 204 с.
4. Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 400 с.

5. Викторова В. Д. Вещь и знак в археологии. Екатеринбург : КВАДРАТ, 2017. 272 с.
6. Гарустович Г. Н., Минеева И. М. Из истории археологических исследований в Башкортостане: Вера Владимировна Гольмстен // Уфимский археологический вестник. 2003. Вып. 4. С. 6–15.
7. Гольмстен В. В. Могильник близ г. Уфы. Уфа, 1913. 30 с.
8. Иванов В. А. Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство : мат-лы Всесоюзной археологической конференции. Кемерово : КемГУ, 1980. С. 74–84.
9. Иванов В. А., Проценко А. С. Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации. Археология евразийских степей : VII Халиковские чтения. Казань : Издательский дом «Казанская недвижимость»; Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2017. № 1. С. 117–129.
10. Ковтун С. П. Реконструкция социальной структуры населения Верхнего Прикамья второй половины I тыс. н. э. (по материалам могильников). Ижевск : ИЖГТУ, 2006. 432 с.
11. Матвеева Н. П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным : учеб. пособие. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. 206 с.
12. Морозов Ю. А. Исследования Уфимского городища // Уфимский археологический вестник. 2000. Вып. 2. С. 145–154.
13. Овсянников В. В., Яминов А. Ф. Исследование могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 годы) // Уфимский археологический вестник. 2003. Вып. 4. С. 16–57.
14. Овсянников В. В. Культурно-исторические процессы в лесостепном Предуралье в середине I тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / отв. ред. А. Г. Ситдииков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. 2014. С. 375–377.
15. Патрушев В. С. Начало эпохи раннего железа в Марийском крае : учеб. пособие. Йошкар-Ола : МарГУ, 1986. 90 с.
16. Пшеничнюк А. Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии / Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев, Н. А. Мажитов. Уфа : ИИЯЛ АН СССР, 1973. Т. V. С. 162–243.
17. Проценко А. С. К вопросу о социальной структуре населения Биктимировского могильника // *Oriental Studies*. 2019. № 5. С. 844–845. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-845-854.
18. Савельев Н. С. О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тысячелетии до н. э. // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 114–129.
19. Савельев Н. С. Южный Урал в I тыс. до н. э. – особая контактная зона на крайнем востоке Европы // Уфимский археологический вестник. 2019. Вып. 19. С. 39–50. DOI: <https://doi.org/10.31833/uaв.2019.19.004>.
20. Чижевский А. А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках: Предананьинская и ананьинская культурно-исторические области. Казань : РИЦ «Школа», 2008. 172 с.

The social structure of the Kara-Abyz culture in the IV–III centuries BC (based on the materials of the Ufa burial ground)

A. S. Protsenko

head of the Department of Archeology, Republican Historical and Cultural Museum-Reserve "Ancient Ufa".
Russia, Ufa. ORCID: 0000-0002-5152-8564. E-mail: anton.procenko@mail.ru

Abstract. The source base on the funeral rite of the archaeological cultures of the Southern Urals, thanks to the efforts of three generations of archaeologists, makes it possible to update research on social reconstructions in the region. The territory of the forest-steppe part of the Southern Urals in the Early Iron Age was a zone of active ethno-cultural contacts, when the local settled population is constantly influenced by the world of steppe nomads. The article deals with the social structure of the ancient population of the Ufa Peninsula in the Early Iron Age. The work is based on the materials of 29 burials of the Ufa soil burial ground, studied by V. V. Golmsten and Yu. A. Morozov. Based on the analysis of the funeral rite and the quantitative and qualitative composition of the items of the accompanying inventory, the researcher managed to reconstruct the social structure of the Kara-Abyz society by dividing burials into three categories ("rich", "ordinary", "poor"). The analysis of gender and age groups was also carried out. The marking signs for women's burials are jewelry and costume items, for men – weapons items. Children's burials were carried out in the same manner as adults, but accompanied by more meager inventory. Planographic observations do not allow us to talk about a special placement on the burial ground of the three categories of burials identified as a result of the study. The results obtained indicate that the Kara-Abyz culture at the initial stage of its existence demonstrates the social equality of the buried. However, 17.2 % of burials are distinguished by the composition and quality

of inventory, which indicates the beginning of the processes of social differentiation. Thus, the conducted research suggests the existence of a weakly stratified society.

Keywords: the epoch of the Early Iron Age, funeral rite, Belaya River, Southern Urals.

References

1. *Arheologicheskaya karta Bashkirii* – Archaeological map of Bashkiria / rev. O. N. Bader. M. Nauka (Science). 1976. 264 p.
2. Balabanova M. A., Klepikov V. M., Korobkova E. A., Krivosheev M. V., Pererva E. V., Skripkin A. S. *Polovozrastnaya struktura sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzh'ya: pogrebal'naya obryadnost' i antropologiya* [Gender and age structure of the Sarmatian population of the Lower Volga region: funeral rites and anthropology]. Volgograd. Publishing house of the Volgograd branch of the RANEP. 2015. 272 p.
3. Berseneva N. A. *Social'naya arheologiya: vozrast, gender i status v pogrebeniyah sargatskoj kul'tury* [Social archaeology: age, gender and status in the burials of the Sargat culture]. Yekaterinburg. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2011. 204 p.
4. Vasyutin S. A., Dashkovskij P. K. *Social'no-politicheskaya organizaciya kochevnikov Central'noj Azii pozdnej drevnosti i rannego Srednevekov'ya (otechestvennaya istoriografiya i sovremennye issledovaniya)* [Sociopolitical organization of Central Asian nomads of late antiquity and early Middle Ages (Russian historiography and modern research)]. Barnaul. Publishing house of Altay University. 2009. 400 p.
5. Viktorova V. D. *Veshch' i znak v arheologii* [Thing and sign in archeology]. Yekaterinburg. KVADRAT. 2017. 272 p.
6. Garustovich G. N., Mineeva I. M. *Iz istorii arheologicheskikh issledovanij v Bashkortostane: Vera Vladimirovna Gol'msten* [From the history of archaeological research in Bashkortostan: Vera Vladimirovna Golmsten] // *Ufimskij arheologicheskij vestnik* – Ufa Archaeological herald. 2003. Is. 4. Pp. 6–15.
7. Golmsten V. V. *Mogil'nik bliz g. Ufy* [Burial ground near Ufa]. Ufa. 1913. 30 p.
8. Ivanov V. A. *Kul'turnye svyazi osedlyh plemen Priural'ya s kochevnikami velikogo poyasa stepej v epohu rannego zheleza (k postanovke problemy)* [Cultural ties of the settled tribes of the Urals with the nomads of the Great belt of the steppes in the Early Iron Age (to the formulation of the problem)] // *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo : mat-ly Vsesoyuznoj arheologicheskoy konferencii* – Scythian-Siberian cultural and historical unity: materials of the All-Union Archaeological Conference. Kemerovo. KemsU. 1980. Pp. 74–84.
9. Ivanov V. A., Procenko A. S. *Pogrebal'nyj obryad kak indikator geneticheskoy preemstvennosti kul'tur epochi rannego zheleznoogo veka Prikam'ya i Predural'ya* [Funeral rite as an indicator of the genetic continuity of cultures of the Early Iron Age of the Kama region and the Urals] // *Srednevekovye arheologicheskie pamyatniki Povolzh'ya i Urala: problemy issledovanij, sohraneniya i muzeifikacii. Arheologiya evrazijskikh stepej : VII Halikovskie chteniya* – Medieval archaeological sites of the Volga region and the Urals: problems of research, conservation and museification. Archeology of the Eurasian Steppes : VII Halikov Readings. Kazan. Publishing House "Kazan Real Estate"; Institute of Archeology n. a. A. H. Halikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 2017. No. 1. Pp. 117–129.
10. Kovtun S. P. *Rekonstrukciya social'noj struktury naseleniya Verhnego Prikam'ya vtoroj poloviny I tys. n. e. (po materialam mogil'nikov)* [Reconstruction of the social structure of the population of the Upper Kama region in the second half of the I millennium AD (based on the materials of burial grounds)]. Izhevsk. IzhSTU. 2006. 432 p.
11. Matveeva N. P. *Rekonstrukciya social'noj struktury drevnih obshchestv po arheologicheskim dannym : ucheb. posobie* [Reconstruction of the social structure of ancient societies according to archaeological data : tutorial]. Tyumen. Publishing House of the Tyumen State University. 2007. 206 p.
12. Morozov Yu. A. *Issledovaniya Ufimskogo gorodishcha* [Studies of the Ufa settlement] // *Ufimskij arheologicheskij vestnik* – Ufa archaeological herald. 2000. Is. 2. Pp. 145–154.
13. Ovsyannikov V. V., Yaminov A. F. *Issledovanie mogil'nika u Chertova gorodishcha v Ufe (1911–1912 gody)* [Investigation of the burial ground at the Devil's settlement in Ufa (1911–1912)] // *Ufimskij arheologicheskij vestnik* – Ufa Archaeological herald. 2003. Is. 4. Pp. 16–57.
14. Ovsyannikov V. V. *Kul'turno-istoricheskie processy v lesostepnom Predural'e v seredine I tys. do n. e. – seredine I tys. n. e.* [Cultural and historical processes in the forest-steppe Urals in the middle of the I millennium BC – the middle of the I millennium AD] // *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani* – Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan / ed. A. G. Sitdikov, N. A. Makarov, A. P. Derevyanko. 2014. Pp. 375–377.
15. Patrushev V. S. *Nachalo epochi rannego zheleza v Marijskom krae : ucheb. posobie* [The beginning of the Early Iron Age in the Mari Region : tutorial]. Yoshkar-Ola. MarGU. 1986. 90 p.
16. Pshenichnyuk A. X. *Kara-abyzskaya kul'tura (naselenie central'noj Bashkirii na rubezhe nashej ery)* [Kara-Abyz culture (population of central Bashkiria at the turn of our era)] // *Arheologiya i etnografiya Bashkirii* – Archeology and ethnography of Bashkiria / N. V. Bikbulatov, R. G. Kuzeev, N. A. Mazhitov. Ufa. IIAL of the USSR Academy of Sciences. 1973. Vol. V. Pp. 162–243.
17. Procenko A. S. *K voprosu o social'noj strukture naseleniya Biktimirovskogo mogil'nika* [On the question of the social structure of the population of the Biktimirovsky burial ground] // *Oriental Studies* – Oriental Studies. 2019. No. 5. Pp. 844–845. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-845-854.

18. Savel'ev N. S. *O yuzhnoj granice lesnyh i lesostepnyh kul'tur na Urale v I tysyacheletii do n. e.* [On the southern border of forest and forest-steppe cultures in the Urals in the I millennium BC] // *Povolzhskaya arheologiya – Volga archeology*. 2017. No. 1 (19). Pp. 114–129.

19. Savel'ev N. S. *Yuzhnyj Ural v I tys. do n. e. – osobaya kontaktnaya zona na krajnem vostoке Evropy* [The Southern Urals in the I millennium BC – a special contact zone in the Far East of Europe] // *Ufimskij arheologicheskiy vestnik – Ufa Archaeological Bulletin*. 2019. Is. 19. Pp. 39–50. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.004>

20. Chizhevskij A. A. *Pogrebal'nye pamyatniki naseleniya Volgo-Kam'ya v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekah: Predanan'inskaya i anan'inskaya kul'turno-istoricheskie oblasti* [Funerary monuments of the Volga-Kamye population in the final Bronze – early Iron Ages: Pre-Ananyinsky and Ananyinsky cultural and historical regions]. Kazan : RIC "School". 2008. 172 p.

Пасторальные мотивы и образы романа Б. Пим «Несколько зеленых листьев»

А. Я. Климовская

кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра английского языка в сфере наук о Земле, факультет иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет.

Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0002-7662-8043.

Researcher ID: C-8086-2016. E-mail: klimama@yandex.ru

Аннотация. Актуальная проблема традиций жанра английской пасторали в позднем творчестве Б. Пим не становилась предметом отдельного исследования ни зарубежной, ни отечественной литературной критики. Целью статьи стал анализ последнего романа Пим «Несколько зеленых листьев» с точки зрения рецепции традиций жанра английской пасторали XVII–XVIII вв. с помощью методов историко-литературного, сравнительно-сопоставительного, интертекстуального, мотивного анализа, а также гендерного подхода. Предмет исследования состоит в изучении реализации классических пасторальных сюжетов, тем, образов и мотивов в романе Пим. Делается вывод о том, что при создании образов главных персонажей Пим прибегает к добродетелям, свойственным жанру пасторальной комедии. Писательница использует пасторальный мотив прекрасного досуга на лоне природы, посвященного любви и философскому созерцанию, а также образы творчества и смерти из пасторальной поэзии, объединяет романтические и религиозные мотивы, противопоставляет прошлое и настоящее. Специфика реализации пасторальных традиций заключается в том, что писательница иронически обыгрывает образы главных персонажей, а большинство пасторальных мотивов пародируется, переводится в комически сниженный стилистический план за счет несоответствия патетически высокой заимствованной формы и содержания в тексте-реципиенте. В поэтике ее романа наблюдается тесное взаимодействие трех модальностей – пасторальной, ироничной и трагедийной. В своем последнем романе Пим развивает классический мотив разрушенной пасторали и ощущает ностальгию по ушедшим временам. Результаты данного исследования могут быть использованы при создании трудов по истории английской литературы XX в., истории английской женской литературы, по теории английского романа.

Ключевые слова: Барбара Пим, «Несколько зеленых листьев», английская пасторальная комедия, поэтическая пастораль сентименталистов, мотив.

События романа «Несколько зеленых листьев» (*A Few Green Leaves*, 1980) британской писательницы Барбары Пим (Barbara Pym, 1913–1980) развиваются в Уэст-Оксфордширской провинции в 1970-х гг. Персонажи романа проводят свой досуг на лоне природы, посвящая его любви и философскому созерцанию, что характерно для жанра пасторали.

Закончив в 1934 г. факультет истории английского языка и литературы Оксфордского университета, Пим слыла прекрасным знатоком английской поэзии и прозы. По мнению Р. Лидделла, у нее был «непревзойденный» дар цитирования, романистка «не только нашла очень эффективный способ использования полученных культурных знаний», но и «постоянно повышала уровень осведомленности читателей об английской литературе» [цит. по: 12, с. 55].

Целью статьи стал анализ рецепции традиций жанра английской пасторали в романе, выявление ее специфики.

Актуальность исследования. Творчество Пим в англо-американской критике исследовано достаточно глубоко, в частности с точки зрения влияния на него классической английской литературы [5, с. 10]. Однако вопросы традиций жанра английской пасторали в творчестве Пим поднимались лишь у американского литературоведа Р. Лонга [14, с. 30, 33] на примере ее первого опубликованного романа «Ручная газель» (*Some Tame Gazelle*, 1950). Эта проблема в отношении позднего творчества не становилась предметом отдельного исследо-

вания ни зарубежной, ни, тем более, отечественной литературной критики, в которой наследию Пим отводятся лишь вступительные статьи и рецензии [1; 2].

К «мужскому» жанру пасторали Пим обращалась лишь трижды в своем творчестве: в первых («Ручная газель» и «Крэмптон Ходнет» (Crampton Hodnet, 1939–40)) и последнем романах. Писательница была хорошо знакома с жизнью английской провинции. Ее «счастливое и безоблачное» [16, с. 1–7] детство и юность прошли в уэльском графстве Шропшир, в городке Освестри. В «Ручной газели» – «комедии провинциальных нравов» [1, с. 11] – Пим описывает деревенскую жизнь, которая очаровывала ее в детстве [6, с. 62]. Последние годы жизни она провела с сестрой в Оксфордшире, когда после тяжелой онкологической операции в 1971 г. была вынуждена уйти на пенсию. Ее дневниковая запись от 28 июня 1975 г. гласит: «Когда я писала «Ручную газель», я не знала и половины того, что знаю теперь о провинциальной жизни» [15, с. 397]. Романы Пим, как отмечает английский критик М. Котсел, представляют собой «литературную антропологию жизни английского среднего класса в городе и провинции» [цит. по: 19, с. 68]. По мнению Б. Эверетта, Пим можно рассматривать в качестве «последнего художника слова, воспевającego пригород» [цит. по: 20, с. 20].

Пастораль, излюбленный жанр английской драматургии XVII в. (Дж. Флетчер, У. Уичерли [4, с. 161–195]), обрел свое новое развитие в творчестве английских сентименталистов XVIII в. Сентиментальная английская лирика привлекала романистку эмоциональным характером повествования, искренностью и точностью передачи чувств. Три господствующие темы поэтической пасторали – любовь, творчество и смерть – разрабатывались и в наследии Пим. В романах английских классиков XIX в. (Дж. Остен, Э. Троллоп, Э. Гаскелл, Ш. Йонг), аллюзии на которые широко использует Пим, «в противоположность городу, сельская местность и поместье представляли более сложным топосом, средоточием драматических, но и идиллических характеристик» [8, с. 19].

Пасторальный сюжет у Пим. Роман начинается с бегства главной героини от городской цивилизации в деревенский поселок, где живет ее мать, с целью поработать в тиши на лоне природы: «подвести итог каких-то изысканий» [7, с. 44] и «обрести вдохновение для изучения чего-то нового» [7, с. 46]. В отличие от пасторальной традиции, Эмма Ховик выведена автором не наивной безыскусно-искренней героиней, а независимым ученым тридцати с лишним лет, наделенным аналитическим умом. Хотя она названа в честь главного персонажа романа Дж. Остен «Эмма» (1816), события которого развиваются на фоне пасторальных пейзажей, героиня явно лишена женственности, а внешние проявления ее гендера нивелируются неброской одеждой, отсутствием косметики. В глазах представителей противоположного пола Эмма – друг, товарищ, но отнюдь не привлекательная женщина. В романе возникает «чувство гендерного дискомфорта, когда страдает уникальная женская суть» [9, с. 111].

Профессия героини «становится средством иронического комментария характера» [2, с. 30]. Будучи ученым, она высоко ценит объективность, но за подробной фиксацией теряет внутреннюю суть происходящего. Хотя изучение социологии предполагает умение разбираться в людях, Эмма, по словам Е. Ю. Гениевой, «постоянно демонстрирует растерянность перед жизнью... про «главное» в жизни она ничего не знает» [2, с. 29]. Свидетельством тому служит ее представление о любовном романе как о чем-то «абстрактном, смутном, столь подходящем к тому, что за ним стоит» [7, с. 136]. Эмма не сопричастна и к тайнам природы. Рациональной героине «по душе зимний пейзаж, когда в рощах были лишь застывшие силуэты деревьев с облетевшей листвой» [7, с. 41].

Однако и у такой самодостаточной героини, как Эмма, «романтические воззрения неискоренимы» [7, с. 304]. При создании ее образа Пим использует добродетель, свойственную героиням пасторальной комедии: на протяжении многих лет она хранит верность Грэму Петтиферу, с которым у нее был «мимолетний роман» – «близость и легкая влюбленность» [7, с. 49] в бытность их обучения в Лондонском экономическом училище. Просмотр телепередачи с его участием возвращает Эмму в прошлое и возрождает ее женское начало. Она сама становится инициатором возобновления отношений, когда, опустошив бутылку теплого красного вина и осмелев, пишет Грэму письмо.

Согласно канонам пасторальной комедии сюжет романа связан с попыткой заезжего персонажа соблазнить добродетельную поселянку. У Пим возлюбленный выводится как комический персонаж, самовлюбленный инфантильный эгоист. Эмма нужна ему, чтобы найти подходящий дом в поселке и обустроить отшельнический быт, пока Грэм будет завершать работу над книгой. Он приезжает к Эмме не из-за чувств, некогда объединивших их, а потому,

что ее «письмо ему льстило, и было интересно посмотреть, во что она превратилась» [7, с. 229]. На этапе разрыва с женой этот повеса находит у Эммы сочувствие и утешение. Однако он остается у Эммы на ночь не ради того, чтобы побыть с ней, а потому, что было слишком поздно возвращаться, и он устал. Они спят в разных комнатах, и Грэм даже не делает попытку к сближению, что оскорбляет Эмму. Пим акцентирует отсутствие романтики в их отношениях. Рассеянные поцелуи и объятия для пасторального изгнанника предоставляют возможность прервать свои занятия и отдохнуть. Лаконичной характеристикой Грэма служит и тот факт, что перед отъездом домой он подчистую обобрал помидоры, посаженные Эммой.

Пасторальные образы и мотивы у Пим. Оставшись одна, Эмма переключает свое внимание на столь же одинокого ректора местного прихода. Объединяя в своей английской омонимии (pastoral – пастырский) романтические и религиозные мотивы, пастораль оказывается как нельзя более подходящим жанром для данного произведения.

Том Дэгнелл – интересный вдовец и живет вместе со своей старшей сестрой, Дафной, в большом холодном доме. Героиня испытывает жалость к «бедному Тому», их смешат одни и те же вещи, что уже не мало в мире разобщенных персонажей Пим. Нарушая конвенции пасторального жанра, зарождающаяся привязанность героев носит скорее интеллектуальный, нежели физический характер.

Том также становится объектом авторской иронии. Как и другие священники в прозе Пим, он холоден к выполнению своих обязанностей, хотя и «пытался – весьма неудачно – приобщить» своих немногочисленных «прихожан к посещению исповедальни» [7, с. 61]. Религия для Тома – скорее «привычка, обязанность» [2, с. 33], он подчас испытывает сомнение в вере. Пародировав художественное изображение тягот жизни сельских священников в романе «Векфильдский священник» (1766) О. Голдсмита (1728–1774), автор иронично к числу обязанностей их потомков относит «потребление бесчисленного количества чашек сладкого чая с печеньем» [7, с. 58] и бессмысленные беседы с прихожанами. В отличие от священников Голдсмита, Том утратил свой авторитет среди паствы, уступив место старому доктору Геллибранду, и становится необходимым только на похоронах.

В духе лирических героев пасторалей Дж. Томсона и У. Каупера Том предстает перед читателем в образе резонера, посвящающего свой досуг философским размышлениям на лоне природы. Он часто бродит в одиночестве на кладбище, вспоминая «недлинные анналы бедняков» (Пим использует здесь немаркированную цитату из пасторальной «Элегии на сельском кладбище» (1751) Т. Грея (1716–1771) [17, с. 133]). Идеалы Тома, как в классической пасторали, обращены в прошлое. Любому отпуску ректор предпочел бы «мгновенное путешествие в XVII в. на машине времени» [7, с. 174]. Любимое занятие героя – рыться в приходских книгах. Он вычитал, что в 80-х гг. XVII в. людей было приказано класть в гроб «обряженными в шерсть» [7, с. 55] в знак заботы об усопших, которой так недостает его современникам, которые даже не носят траур. Том озабочен философским вопросом о том, что постоянно в меняющемся мире: он занят «поисками утраченного» [14, с. 192] в нынешней жизни, в прошлом пытается обнаружить что-то важное. За счет его пристрастия временная перспектива романа расширяется на триста лет [10, с. 126].

Беря на себя функции социолога, Том фиксирует свидетельства пожилых поселянок о прежних временах, а также современные нравы жителей поселка, пытаясь в своих дневниках подражать колоритной манере Э.а`Вуда, автора исторических хроник конца XVII в., клириков-хроникеров Вудфорда и Р. Ф. Килверта (1840–1879), Обри и Хирна. Он ощущает ответственность перед будущими поколениями за сведения, которые оставит им в наследство. Так, глядя на мавзолей де Тэнкервиллов 1810 г. в честь усопших, Том с грустью отмечает: «Мы более скромны нынче или более искренни – уповать только на искренность не хотелось, ибо в наши дни это качество в чересчур высокой цене» [7, с. 106]; «в силу роста благосостояния и потребления общества в целом мы все живем более или менее одинаково и потому однообразно. Кроме того, о нас заботятся от колыбели до могилы» [7, с. 162] органы социального обеспечения; «личная опека или попечительство <...> сметены с лица земли» [7, с. 169]. Он делает пронизательный вывод о том, как в дни полового равенства «декларируемое равенство прав незаметно... привело к появлению «унисекса», подрывающего естественное, биологически-природное основание» [9, с. 110]. Ныне гендерная адресность многих – просто человек. Сравнение Томом Эммы, срезающей розы, с лирической героиней Ли Ханта (1784–1859) из стихотворения «История Римини» (1801) оказывается нелепым, что свидетельствует о том, что «женщина и стихи перестали составлять гармоническое целое» [9, с. 110]. Безразли-

чие к своему женскому предназначению свойственно также Дафне, пожертвовавшей своей жизнью ради ухода за братом, и антропологу Тэмсин Бэрраклоу, похожей на мужа, что добавляет роману грустных ноток.

С наблюдательностью, которой мог бы позавидовать любой ученый, устами Тома Пим подмечает изменение традиций английского образа жизни. На смену славному прошлому с культом умерших (выраженном в возведении мавзолея, обряжении умерших в шерсть) приходит «вульгарное настоящее» [18, с. 254], когда современные могилы соседствуют с кладбищем автомобилей. Возникает контраст между духовным прошлым и обществом потребления нынешнего (говорящей деталью служит распятие, которое отныне используется в качестве серьги). Писательница подвергает сомнению достижения своего общества: телевидения, которое превалирует в жизни многих, мешая общению, синтетических материалов и готовых к употреблению продуктов, которые сопоставляются с «замороженными» чувствами англичан. В романе парадоксально мало описаний природы для классической пасторали, что свидетельствует об отдалении людей от нее. Мотив нравственной благотворности сельского уединения пародируется, ведь ни Грэм, ни Эмма не завершают своих научных исследований.

Констатируя деградацию человеческой природы, Пим выражает сомнение в готовности современников откликаться на чужие чувства. Чтобы передать ощущение разобщенности, писательница использует особый нарратологический прием, при котором повествование делится на маленькие главки, посвященные «параллельно происходящим событиям в жизни различных героев» [2, с. 32]. Душевная пустота, от которой не спасает религия и литература, утратившие чудодейственную силу, – таков удел большинства персонажей. «Леденящий дефицит человеческого общения» [7, с. 241] испытывают многие персонажи романа: Дафна, Адам, Магдален. Совместное проживание мисс Ли и мисс Гранди, Дафны и Хетер, которые вопреки мечте переехать в солнечную Грецию покупают в конце романа дом в пригороде Бирмингема с электрическим обогревателем, вызвано не их нестандартной сексуальной ориентацией, а желанием скрасить свое одиночество. Последние заводят на новом месте собаку с мужским именем Брюс, ведь «животные никогда не разочаруют и не обманут, потому что на них не возлагаешь особых надежд» [7, с. 298].

В своем последнем романе Пим подхватывает тему разрушенной пасторали, впервые ярко прозвучавшую в XVIII в. у Голдсмита [4, с. 76]. Настрой романа пессимистичен. «Комедийность в романах устарела» [15, с. 419] – отмечает Барбара в дневниках в 1977 г., когда делаются первые наброски. С другой стороны, большое влияние на тональность романа оказала болезнь писательницы, не оставлявшая ей шансов на выздоровление. Роман был завершён ею в черновом варианте в 1979 г. за два месяца до смерти и опубликован Х. Холт в 1980 г. посмертно.

Безвозвратно ушедшую в прошлое эпоху олицетворяет собой 70-летняя мисс Верикер, последняя гувернантка девочек де Тэнкервиллов, «символ благовоспитанности, образец хороших манер и безупречного вкуса» [2, с. 30], «старомодный» [11, с. 149] эталон женственности. В ее услугах нынешний наследник усадьбы больше не нуждается, и, хотя она с удовольствием осталась бы жить на старом месте, мисс Верикер вынуждена обретаться у племянника. Пим спешно с горькой иронией добавляет: «Ей еще повезло, разумеется, что ее так вот «прютили» – ведь большинство вовсе не считает заботу о тетке в числе первейших» [7, с. 267]. Попутно писательница констатирует исчезновение целого класса мелкопоместного дворянства, владельцев усадеб, с уходом которого английская провинция лишилась своего стержня.

Образы мавзолея, фамильной усыпальницы, кладбища способствуют постоянному ощущению приближающейся смерти. По ходу развития романа читатель становится свидетелем кончины в полном одиночестве мисс Ликериш, друзьями которой, несмотря на наличие у нее многочисленных племянников и племянниц, были только кошки, ежи и даже жаба, Ф. Драйвера (персонажа «Джейн и Пруденс» (Jane and Prudence, 1952)), похорон университетской наставницы Эммы Эстер Кловис (связующего персонажа почти всех романов Пим).

Однако зеленый цвет листьев из заголовка дает надежду на счастливые перемены в жизни Тома и Эммы. Упоминание зеленых листьев в цитатном заглавии, источником которого послужило стихотворение Т. Харди, для Тома служит аллюзией (для читателя остающейся немаркированной) на «благодарное дерево» [7, с. 265] с вечнозеленой пышной кроной из 37 псалма – символ благодати, покоя и гармонии, которые ожидают его в случае воссоединения с Эммой. Зеленые побеги ассоциируются в романе и с цикличностью деревенской жизни. Противопоставление ежегодно повторяющихся природных циклов, напоминающих о вечности, всему временному и суетному, лежит в основе пасторали.

Жанр пасторали привлекал Пим и дотошным изображением бытовой стороны жизни человека, и «стремлением опозитизировать этот быт» [4, с. 11]. Вслед за У. Каупером, которому в воспевании простых, обыденных радостей повседневной жизни «почти нет равных» в английской поэзии [3, с. 90], «писательница ищет смысл в повседневном скромном существовании» [6, с. 65]: так, в определенный момент приготовление желе из куманики становится для Эммы привлекательнее пустой ученой болтовни с коллегами. Пим, по свидетельству ее близкого друга Р. Лидделла, очень любила гимн Каупера «Свет, сияющий из темноты» (*Light shining out of darkness*, 1712) [13, с. 180], и строки из него – «неисповедимы пути твои, Господи» – сопутствуют сюжетным перипетиям романа «Несколько зеленых листьев», предвещая перспективу перемен в жизни его главных героев.

Решение героини в финале остаться в сельской тиши, написать роман (при том, что она «никогда не испытывала желаний сочинять» [7, с. 134]) и построить отношения с Томом свидетельствует о признании ею значимости эмоциональной стороны жизни, о выборе в пользу активного участия вместо беспристрастного наблюдения со стороны. Писательница в духе пасторали признает приоритет чувств по отношению к разуму, говоря об ограниченности знаний. Гендерный конфликт разрешается здесь с феминной точки зрения.

Перспектива соединения узами брака Эммы и Тома, который скрасит одиночество обоих, подтвердит существование «порядка и непрерывности жизни» [14, с. 30]. Пасторальная модальность прослеживается в примирении прошлого и настоящего в финале. Этому способствует и лекция доктора Геллибранда об истории медицины от XVII в. до современности с прогнозами Эммы на будущее. Обнаружение мисс Верикер, которая приезжает проститься с родными краями, остатками средневекового поселения, поисками которого занят Том, в очередной раз объединяет прошлое и настоящее в хронотопе романа.

Таким образом, в романе «Несколько зеленых листьев» Пим использует сюжет, мотивы и образы английской пасторали XVII–XVIII вв. и пародирует их, подчас переводя в комически сниженный стилистический план за счет несоответствия патетически высокой заимствованной формы и содержания в тексте-реципиенте. В поэтике ее романа наблюдается тесное взаимодействие трех модальностей – пасторальной, ироничной и трагедийной. Современная ей действительность сопоставляется с пасторальным идеалом и проигрывает ему. Прошлое разительно контрастирует с настоящим. Так, любовные отношения были наполнены романтикой и сентиментальностью, их было проще выстроить. В своем последнем романе писательница подхватывает мотив разрушенной пасторали, скорбит об уходящей эпохе, многое в которой ей было дорого. Роман «Несколько зеленых листьев» благодаря игре с временными перспективами обогащается философским подтекстом в вопросе о том, что постоянно в меняющемся мире. Используя черты жанра исторических хроник, Пим оставляет нам в наследство память о своей эпохе и подводит неутешительные итоги. Обращение писательницы к английской пасторали – один из многочисленных примеров возрождения к жизни классики, преемственности традиций в английской литературе.

Список литературы

1. Васильева Н. Е. Барбара Пим: единство личности и творчества // Современная художественная литература за рубежом. 1990. № 5. С. 10–15.
2. Гениева Е. Ю. Кто же она, Барбара Пим? // Б. Пим *Несколько зеленых листьев* / пер. Н. Емельяниковой и Е. Осеновой. М.: Худож. л-ра, 1987. С. 5–34.
3. Есаулов Н. Н. Творчество У. Купера: дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1978. 229 с.
4. Зыкова Е. П. Пастораль в английской литературе XVIII века. М.: Наследие, 1999. 256 с.
5. Климовская А. Я. Романы Барбары Пим: проблема интертекстуальности: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 237 с.
6. Климовская А. Я. Традиции жанра пасторали в английской литературе XVIII в. и их восприятие в романе Б. Пим «Ручная газель» // История зарубежных литератур: XXXIX Международная филологическая конференция. СПб.: ИД «Петрополис», 2011. С. 62–66.
7. Пим Б. *Несколько зеленых листьев* / пер. с англ. Н. Емельяниковой, Е. Осеновой. М.: Худож. лит-ра, 1987. 317 с.
8. Сидорова О. Г. Современная литература Великобритании и контакты культур. СПб.: Алетейя; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 312 с.
9. Смирнова Н. А. Две Эммы, или неудачные романы (изображение Чувства в романе «Один летний сезон» М. Дрэбл и «Несколько зеленых листьев» Б. Пим) // Онтология и техника. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2001. С. 104–113.
10. Allen O. J. *Barbara Pym. Writing a Life*. Metuchen (N. J.); London: The Scarecrow Press Inc., 1994. 261 p.

11. Benet D. Something to Love: Barbara Pym's Novels // Literary Frontiers. Edition 27. Columbia : University of Missouri Press, 1986. 164 p.
12. Holt H. A lot to ask. A Life of Barbara Pym. London : Macmillan; New York, 1990. 308 p.
13. Liddell R. A Success Story // The Life and Work of Barbara Pym / ed. D. Salwak. London : Iowa City, 1987. Pp. 176–184.
14. Long R. E. Barbara Pym. New York : Ungar, 1986. 256 p.
15. Pym B. A very private eye: an autobiography in letters and diaries / ed. H. Holt and H. Pym. London : Macmillan; New York : Dutton, 1985. 492 p.
16. Pym H. The early life // B. Pym A very private eye: An autobiography in letters and diaries / ed. H. Holt and H. Pym. London : Macmillan; New York : Dutton, 1985. Pp. 1–10.
17. Snow L. Literary Allusions in the Novels // The Life and Work of Barbara Pym / ed. D. Salwak. London : Macmillan; Iowa City : University of Iowa Press, 1987. Pp. 120–141.
18. Richetti J. Drabble to Carter: Fiction by Women 1962–1992 // J. Richetti The Columbia History of the British Novel. Columbia : Columbia University Press, 1994. Pp. 251–258.
19. Tsagaris E. M. The Subversion of Romance in the Novels of Barbara Pym. Bowling Green (Ohio) : Bowling Green State University Popular Press, 1998. 213 p.
20. Wyatt-Brown A. M. Ellipsis, Eccentricity and Evasion in the Diaries of B. Pym // Independent Women. The Function of Gender in the Novels of Barbara Pym / ed. J. Rossen. Brighton : Harvester; New York : St. Martin's, 1988. Pp. 21–49.

Pastoral motifs and images of B. Pym's novel "A Few Green Leaves"

A. Y. Klimovskaya

PhD in Philological Sciences, senior lecturer, Department of English in the Field of Earth Sciences,
Faculty of Foreign Languages, St. Petersburg State University.
Russia, St. Petersburg. ORCID: 0000-0002-7662-8043. Researcher ID: C-8086-2016. E-mail: klimama@yandex.ru

Abstract. The actual problem of the traditions of the genre of English pastoral in the late work of B. Pym did not become the subject of a separate study of either foreign or domestic literary criticism. The purpose of the article was to analyze the last novel of Pym "A few Green Leaves" from the point of view of the reception of the traditions of the genre of English pastoral of the XVII–XVIII centuries using the methods of historical and literary, comparative, intertextual, motivic analysis, as well as gender approach. The subject of the study is the study of the implementation of classical pastoral plots, themes, images and motifs in the novel Pym. It is concluded that when creating images of the main characters, Pym resorts to the virtues inherent in the genre of pastoral comedy. The writer uses the pastoral motif of a wonderful leisure in the bosom of nature, dedicated to love and philosophical contemplation, as well as images of creativity and death from pastoral poetry, combines romantic and religious motives, opposes the past and the present. The specifics of the implementation of pastoral traditions lies in the fact that the writer ironically plays the images of the main characters, and most of the pastoral motifs are parodied, translated into a comically reduced stylistic plan due to the inconsistency of the pathetically high borrowed form and content in the recipient text. In the poetics of her novel, there is a close interaction of three modalities – pastoral, ironic and tragic. In his latest novel, Pym develops the classic motif of a ruined pastoral and feels nostalgia for bygone times. The results of this study can be used in the creation of works on the history of English literature of the twentieth century, the history of English women's literature, on the theory of the English novel.

Keywords: Barbara Pym, "A Few Green Leaves", English pastoral comedy, poetic pastoral of sentimentalists, motive.

References

1. Vasil'eva N. E. *Barbara Pim: edinstvo lichnosti i tvorchestva* [Barbara Pym: unity of personality and creativity] // *Sovremennaya hudozhestvennaya literatura za rubezhom* – Contemporary fiction abroad. 1990. No. 5. Pp. 10–15.
2. Genieva E. Yu. *Kto zhe ona, Barbara Pim?* [Who is she, Barbara Pym?] // *B. Pim Neskol'ko zelenyh list'ev* [A few green leaves] / transl. by N. Emeliannikova and E. Oseneva. M. Hudozh. l-ra (Fiction). 1987. Pp. 5–34.
3. Esaulov N. N. *Tvorchestvo U. Kopera : diss. ... kand. filol. nauk* [The work of W. Cooper: dis. ... PhD in Philological Sciences]. L. 1978. 229 p.
4. Zykova E. P. *Pastoral' v anglijskoj literature XVIII veka* [Pastoral in English literature of the XVIII century]. M. Nasledie (Heritage). 1999. 256 p.
5. Klimovskaya A. Ya. *Romany Barbary Pim: problema intertekstual'nosti : diss. ... kand. filol. nauk* [The novels of Barbara Pym: the problem of intertextuality : dis. ... PhD in Philological Sciences]. SPb. 2004. 237 p.

6. Klimovskaya A. Ya. *Tradicii zhanra pastorali v anglijskoj literature XVIII v. i ih vospriyatie v romane B. Pim "Ruchnaya gazel'"* [Traditions of the pastoral genre in English literature of the XVIII century and their perception in B. Pym's novel "The Tame Gazelle"] // *Istoriya zarubezhnyh literatur : XXXIX Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferenciya – History of foreign literatures : XXXIX International Philological Conference*. SPb. Publishing House "Petropolis". 2011. Pp. 62–66.
7. Pim B. *Neskol'ko zelenyh list'ev* [A few green leaves] / transl. from English by N. Emeliannikova, E. Ose-neva. M. Hudozh. l-ra (Fiction). 1987. 317 p.
8. Sidorova O. G. *Sovremennaya literatura Velikobritanii i kontakty kul'tur* [Modern literature of Great Britain and contacts of cultures]. SPb. Aleteya; Yekaterinburg. Ural University Publishing House. 2019. 312 p.
9. Smirnova N. A. *Dve Emmy, ili neudachnye romany (izobrazhenie Chuvstva v romane "Odin letnij sezon" M. Drebbel i "Neskol'ko zelenyh list'ev" B. Pim)* [Two Emmas, or unsuccessful novels (the image of Feeling in the novel "One Summer Season" by M. Drebble and "A Few green Leaves" by B. Pym)] // *Ontologiya i tekhnika – Ontology and Technology*. Nalchik. Kab.-Bulk. un-ty. 2001. Pp. 104–113.
10. Allen O. J. *Barbara Pym. Writing a Life*. Metuchen (N. J.); London : The Scarecrow Press Inc., 1994. 261 p.
11. Benet D. *Something to Love: Barbara Pym's Novels* // *Literary Frontiers*. Edition 27. Columbia : University of Missouri Press, 1986. 164 p.
12. Holt H. *A lot to ask. A Life of Barbara Pym*. London : Macmillan; New York, 1990. 308 p.
13. Liddell R. *A Success Story* // *The Life and Work of Barbara Pym* / ed. D. Salwak. London : Iowa City, 1987. Pp. 176–184.
14. Long R. E. *Barbara Pym*. New York : Ungar, 1986. 256 p.
15. Pym B. *A very private eye: an autobiography in letters and diaries* / ed. H. Holt and H. Pym. London : Macmillan; New York : Dutton, 1985. 492 p.
16. Pym H. *The early life* // *B. Pym A very private eye: An autobiography in letters and diaries* / ed. H. Holt and H. Pym. London : Macmillan; New York : Dutton, 1985. Pp. 1–10.
17. Snow L. *Literary Allusions in the Novels* // *The Life and Work of Barbara Pym* / ed. D. Salwak. London : Macmillan; Iowa City : University of Iowa Press, 1987. Pp. 120–141.
18. Richetti J. *Drabble to Carter: Fiction by Women 1962–1992* // J. Richetti *The Columbia History of the British Novel*. Columbia : Columbia University Press, 1994. Pp. 251–258.
19. Tsagaris E. M. *The Subversion of Romance in the Novels of Barbara Pym*. Bowling Green (Ohio) : Bowling Green State University Popular Press, 1998. 213 p.
20. Wyatt-Brown A. M. *Ellipsis, Eccentricity and Evasion in the Diaries of B. Pym* // *Independent Women. The Function of Gender in the Novels of Barbara Pym* / ed. J. Rossen. Brighton : Harvester; New York : St. Martin's, 1988. Pp. 21–49.

Сказка vs действительность в повести Ч. Айтматова «Белый пароход» и в романе Г. Яхиной «Дети мои»

О. В. Мешкова

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
Челябинский государственный университет.
Россия, г. Челябинск. ORCID: 0000-0002-3654-1939. E-mail: ru-tochka@mail.ru

Аннотация. В статье выявляется смыслообразующая роль сказок в двух произведениях – в повести Ч. Айтматова «Белый пароход» (1970), неоднократно становившейся предметом научных изысканий, и в недавно опубликованном, а потому еще малоисследованном романе Г. Яхиной «Дети мои» (2018). Принцип презумпции художественной целостности и безусловной художественной самостоятельности анализируемых текстов, с одной стороны, а с другой – комплексный подход, учитывающий положения сравнительного метода, интертекстуального и мифопоэтического анализа текстов, позволяет установить особенности апелляции к сказке авторов, творчество которых разделяет более полувека, и ответить на вопрос, как оба писателя, прибегая к сказке, манифестируют свое видение реальности.

Центральные персонажи произведений – Мальчик из повести Ч. Айтматова и шульмейстер Бах из романа Г. Яхиной – выступают как слушатели и как создатели сказок, что обуславливает особую, сюжетообразующую роль мотивов, связанных со сказкотворчеством, которое в мире произведений оказывается сродни мифотворчеству.

Произведенный анализ текстов дает право утверждать, что апелляция к сказке позволила авторам, во-первых, раскрыть особенности психологии неординарных героев: в повести «Белый пароход» это мышление ребенка, которое, по сути, мифологично и связано с интуитивным постижением мира; в романе «Дети мои» – сознание творческого человека, стремящегося к созданию и сохранению гармоничного мира; во-вторых, посредством антиномий реальное/вымышленное, действительное/сказочное вскрыть профанность мира реального. Разрушение сказки, торжество хаоса в мире эмпирическом (физическом) может стать причиной трагической развязки. Происходящее «после сказки», как в повести, так и в романе, заставляет задуматься о вечности проблемы противостояния добра и зла, о том, как вернуть гармонию в мир реальный, что в целом способствует углублению социально-философской проблематики произведений.

Ключевые слова: Ч. Айтматов, Г. Яхина, сказка, миф, контекст, сакральное, профанное.

Основные векторы исследования романа Г. Яхиной и повести Ч. Айтматова. Интерпретация романа Г. Яхиной «Дети мои» сопряжена с погружением в обширный фольклорно-литературный контекст, хитросплетения которого сразу же были отмечены как в рецензиях, посвященных произведению, так и в литературоведческих статьях, проясняющих идейно-художественное своеобразие текста. Очевидно, что наиболее явный вектор изучения – обращение к немецкому фольклору и литературе – задан и предметом изображения (в романе речь идет о судьбе немцев Поволжья), и реминисцентным фоном, который легко опознается читателями. Уже в первых откликах на произведение начинает выстраиваться соответствующий сравнительный ряд. Так, К. А. Мильчин, размышляя о романе Г. Яхиной, обращает внимание читателей на фамилии героев произведения – Бах, Grimm, Бёлль, Гофман [8] и так далее, которые с предельной очевидностью отсылают к немецкой культуре. Расширяет круг возможных сопоставлений анализ жанрово-стилевых особенностей романа. Ю. В. Чернявская, к примеру, определяет произведение Г. Яхиной как роман-миф [20], Г. Л. Юзефович видит аллюзии на Толкиена [19]. Эти наблюдения суммирует Н. И. Павлова, отмечая, кроме примет магического реализма, «традиции авантюрного романа, произведений о детях-беспризорниках, фэнтези, мелодрамы и <...> соцреалистического романа» [12, с. 54]. обстоятельный разбор произведения в статье Э. Ф. Шафранской «Фольклор как сюжетообразующий концепт в романе Гузели Яхиной «Дети мои» позволяет еще основательнее расширить привлекаемый контекст и обратить внимание на переключку с «маркесовским Макондо» [18, с. 102]. Эти предварительные наблюдения свидетельствуют о том, что, во-первых, эксплицитные и имплицитные связи романа «Дети мои» с литературной традицией обширны; во-вторых, выявление этих связей значительно расширяет горизонты восприятия произведения.

В аллюзивный круг романа «Дети мои», на наш взгляд, может быть включена повесть Ч. Айтматова «Белый пароход» (опубликована в 1970 г.). Несомненно, за полувековую историю изучения творчества Айтматова накопилось немало ценных трудов, анализ которых мог бы стать предметом самостоятельного исследования. Заметим, что одним из магистральных направлений научных изысканий, посвященных творчеству киргизского писателя, явилось изучение своеобразия его фольклоризма. Фундаментальные изыскания У. Б. Далгат [4], Г. Д. Гачева [2; 3] позволили вскрыть некоторые особенности миромоделирования киргизского прозаика, особенности его мифопоэтики. Стремление постичь специфику фольклорно-мифологических истоков произведений Айтматова способствовало появлению ряда статей соответствующей тематики¹. Однако, несмотря на многочисленность трудов, посвященных «Белому пароходу», исследовательский интерес к нему сохраняется, ибо это произведение обладает обширным смыслопорождающим резервом, который с течением времени не утрачивается, а получает дополнительные импульсы: повесть Айтматова, генерируя разнообразные концепции при соположении с вновь выявленными текстами, расширяет поле их интерпретации, как следствие, углубляет понимание.

Особенности предлагаемого в статье подхода. Справедливо возникает вопрос: каковы основания для сравнения повести «Белый пароход» Ч. Айтматова и романа «Дети мои» Г. Яхиной? Во-первых, фольклорно-мифологические истоки, без постижения которых невозможно полноценное восприятие указанных текстов, ибо в том и другом фольклор представлен весьма разнообразно: сказки, предания, пословицы и поговорки органично входят в ткань как повести, так и романа. Во-вторых, особая функция сказок в изучаемых произведениях: сюжетообразующими и в повести «Белый пароход», и в романе «Дети мои» становятся мотивы создания, рассказывания и разрушения сказок. Заметим, что сказкотворчество смыкается в отдельных моментах с мифотворчеством², что обусловлено, прежде всего, особым мироощущением героев. Эти тезисы являются отправной точкой наших изысканий. Подходя к изучаемым текстам с презумпцией их безусловной самостоятельности и художественной целостности, считаем, что при этом установление межтекстовых отношений и «одновременное» прочтение двух произведений позволит достичь «глубинного смыслового слоя» [5, с. 66], имеющегося как в повести, так и в романе. Теоретико-методологический инструментарий, избранный для решения поставленных задач, предполагает опору на ключевые положения сравнительного метода, интертекстуального и мифопоэтического анализа текстов, что в итоге позволяет достичь поставленную цель – установить особенности апелляции к сказке авторов, творчество которых разделяет более полувека, и ответить на вопрос, как оба писателя, прибегая к сказке и мифу, **манифестируют свое видение реальности.**

Повесть «Белый пароход» имеет альтернативное заглавие – «После сказки», провоцирующее определенные читательские ожидания, а именно: с одной стороны, настраивает на связь с особым художественным миром – миром сказки, которая традиционно рассматривается как «нарочитая и поэтическая фикция» [13, с. 87]; с другой – подсказывает читателю, что для понимания авторского замысла особое значение имеет не только сама сказка, но и события, следующие за ней (вспоминается «После бала» Толстого). В первых строках повести Ч. Айтматова эта мысль получает подтверждение: «У него были две сказки. Одна своя, о которой никто не знал. Другая та, которую рассказывал дед. Потом не осталось ни одной» [1, с. 6]. Таким образом, автор, по сути, дает читателю компас, для того чтобы было выбрано верное направление интерпретации текста: соотнося заглавие с содержанием повести, можно констатировать, что в ней одним из ключевых становится мотив разрушения сказки.

Подобный мотив обнаруживается и в романе Г. Яхиной «Дети мои». Сюжет произведения исполнен драматизма: непродолжительные периоды счастья Баха (знакомство и совместное проживание с Кларой Гримм; воспитание дочери Анче, а затем и беспризорника Васьки, нашедшего приют в доме Баха; общение с комиссаром Гофманом, которого «иногда Бах про себя называл <...> своим последним учеником» [20, с. 241]) заканчиваются внезапными ударами судьбы (как тут не вспомнить айтматовский заголовок «После сказки!»): смертью Клары, Гофмана, уходом повзрослевших детей из дома. Реальность такова, что надежды Баха,

¹ Обстоятельный анализ научных статей, посвященных произведениям Ч. Т. Айтматова, содержится в диссертационных исследованиях. См. авторефераты диссерт Е. А. Мироненко [10], М. С. Мискиной [11].

² В рамках статьи не предполагается углубление теории мифа, в общих характеристиках сказки и мифа следуем за Е. М. Мелетинским [7].

как и мечты Мальчика из повести Айтматова, разрушаются, а потому трагические развязки произведений оказываются предсказуемы. Однако это лишь видимый пласт произведений, связанный с их сюжетами; глубинный же, позволяющий понять истоки произошедших трагедий и дающий представление не только о том, что случилось с героями произведений, но и о том, что имеет отношение ко всем без исключения, связан с постижением смысловых перспектив, которые открываются благодаря выявлению роли сказок в вышеназванных текстах.

Мир реальный в восприятии героев. Ч. Айтматов, мастер социально-философской психологической прозы, в повести «Белый пароход», обращаясь к острым социальным проблемам (браконьерство, семейное насилие, распад семей и так далее), заставляет, несомненно, задуматься и о причинах их возникновения, и о вечной проблеме противостояния добра и зла.

Главный герой повести Айтматова, семилетний Мальчик, являющийся, по сути, сиротой при живых родителях (мать его бросила, отец исчез), живет с бабушкой, дедом Момуном, теткой Бекей и ее мужем, злобным Орозкулом, на кордоне. Красота и гармония природы (безграничность Иссык-Куля, вековечный заповедный лес) лишь подчеркивают неприглядность отношений между людьми. Не раз автор замечает, что ребенок в этом мире одинок: «Один, без друзей...» [1, с. 9], один среди взрослых, живущих на кордоне, одинокий рядом с высокими горами, и однажды «наступит день, когда он останется один на всем белом свете» [1, с. 38].

Ч. Айтматов показывает, как профанное пространство, окружающее ребенка, трансформируется: Мальчик видит, слышит и чувствует то, что не видят взрослые: камни ему представляются «вредными» или «добрыми», «хитрыми» и «глупыми»; растения – «смелыми», «злыми» [1, с. 8]. Восходящий к мифосознанию антропоморфизм позволяет Ч. Айтматову создать представление о мифологическом мышлении Мальчика: ребенок не просто наделяет неживые предметы свойствами живых, но оказывается погруженным в мир эмоций, чувств окружающей природы; в сознании Мальчика границы между реальным и воображаемым стираются, а профанное пространство сакрализуется.

Подобные механизмы трансформации мира читатель может наблюдать и в романе Яхиной «Дети мои». Однако, если в повести Айтматова особенность восприятия мира Мальчиком может быть детерминирована психологически (передаются особенности мифосознания ребенка, интуитивно постигающего мир), то в романе Яхиной обусловленность иного плана. С первых страниц произведения главный герой, шульмейстер Якоб Иванович Бах, русский немец, предстает как человек внешне ординарный: «голос Бах имел тихий, телосложение чахлое, а внешность – столь непримечательную, что и сказать о ней было решительно нечего» [20, с. 14]. Но эта заурядность проявляется в границах обыденного, профанного мира, выход за пределы которого шульмейстеру необходим. Г. Яхина фокусирует внимание читателя на том, как осуществляется этот переход: «Каждое утро, еще при свете звезд, Бах просыпался и, лежа под стеганой периной утиного пуха, слушал мир» [20, с. 14]. Если границы профанного пространства сужаются практически до размеров кровати, то сакральное пространство оказывается абсолютно безграничным – это весь мир. Далее Г. Яхина усиливает намеченный контраст. Остановившись на некоторых житейских подробностях существования шульмейстера, она подчеркивает безразличие героя к бытовому, обыденному. Все, что не трогало душу Баха (годы учительства, «колокольная обязанность»), но составляло часть его жизни, показано как повторяющееся, утратившее своеобразие, при этом автоматизм и машинальность внешних действий, лишенных содержания, не требующих работы ума и сердца, оказываются настолько явными, что в этот момент образ шульмейстера становится сродни гротескным: Бах «научился мысленно раздваиваться внутри собственного тела» [20, с. 18].

Образ шульмейстера «достраивается» в следующих эпизодах текста. Мир, который дарит Баху, – это мир поэзии с ее яркими образами и невероятной силой воздействия на человека. Именно эту мысль автор передает метафорой «любовью к поэзии Баха обожгло еще в юности» [20, с. 19]. Перед читателем уже совсем иной герой – незаурядный, и самое главное, загадочный. Чтобы подчеркнуть, насколько сильным оказалось влияние поэзии, Г. Яхина прибегает к антитезе: «Тогда казалось, он питается не картофельными лепешками и арбузным киселем, а одними лишь балладами и гимнами» [20, с. 24]. Материальное и бесцветное в жизни шульмейстера замещаются духовным и ярким. Это впечатление усиливается, когда читатель узнает о необычном увлечении Баха – «он любил бури» [20, с. 24]. Подобно лермонтовскому Мцыри, который, «... как брат, обняться с бурей был бы рад», шульмейстер преодолевает границы обыденного: «Бах рвал ворот рубахи, обнажая хилую грудь, запрокидывал лицо вверх и открывал рот» [20, с. 25]. Детально описывая поведение Баха во время бури, Яхина визуализи-

зирует то, что невозможно увидеть: душа героя стремится преодолеть внешние границы, прорваться ввысь, от земли к небу. Бах, чувствуя бессмысленность текущего существования, душой откликается на то, что неповторимо, необычно.

Отношение шульмейстера к реальности позволяет говорить о романтическом типе сознания³ этого человека, не случайным является и упоминание о Йенских романтиках с их особым миро моделирующим восприятием искусства. Герой романа Г. Яхиной достраивает действительность в своем сознании, преодолевая границы видимого мира благодаря воображению, живо откликающемуся на художественные образы: «В тысячный раз читая "Ночную песнь странника", Бах бросал взгляд за школьное окно и обнаруживал там все, о чем писал великий Гёте...» [20, с. 39]. В однообразном мире Гнаденталя Бах предстает как одинокий и странный человек.

Итак, социум, описываемый как Ч. Айтматовым, так и Г. Яхиной, лишен духовного содержания, что предопределяет одиночество неординарных героев. Заметим, что есть существенные различия в мироощущении героев. В дорефлексивном сознании ребенка **мир гомогенен**, един, поэтому стирается граница между явью и фантазией, между сакральным и профанным пространствами. Романтический тип сознания Баха проявляется в **двоемирии**: «здесь» – в Гнадентале – среда обывателей, лишенных духовных запросов; «там» – в мире поэзии – яркие образы, эмоции. Однако оба героя имплицитно противостоят действительности: семилетний Мальчик из повести Ч. Айтматова и тридцатидвухлетний шульмейстер Бах, герой романа Г. Яхиной, гармонизируют мир в воображении. Репрезентативным способом характеристики мирозерцания этих героев становится повествование о том, как они воспринимают сказки и создают их. Последовательно проанализируем оба этапа.

Рецепция сказок. Сказки, которые дед Момун рассказывает Мальчику, переносят ребенка в другую реальность. Как замечает сам герой, сказки у деда Момуна разные – «*есть смешные*» [1, с. 33], есть «*грустные, страшные, печальные*» [1, с. 34]. Смешная – сказка о Чыпалаке, ее сюжет восходит к сюжету о мальчике-с-пальчик. Заметим, что мнения литературоведов по поводу роли этой сказки в раскрытии образа Мальчика разошлись. Так, по мысли У. Б. Далгат, сказка о Чыпалаке «не функциональна, упоминается всего лишь один раз, и то в апеллятивном плане, чтобы передать атмосферу, в которой формировался мальчик...» [4, с. 176]. Этот тезис вызывает возражение Е. А. Мироненко, по мнению которой «сказка не является орнаментальной, она <...> выполняет функцию коррелята судьбы главного героя и средства выявления авторской позиции» [9], а также дает представление о «поэтически-возвышенном состоянии души маленького человека» [9]. На наш взгляд, это наблюдение является весьма ценным: создавая образ одинокого ребенка, Айтматов заставляет читателя задуматься над природой подобного одиночества и вскрывает его социальные, психологические и, наконец, онтологические причины. Оппозиция мир реальный – мир идеальный дополняется антиномиями духовно-нравственного характера: злой – добрый, несчастный – счастливый и так далее, при этом перед читателем предстает человек, не от безысходности всматривающийся в то, что его окружает, а индивидуум с особым внутренним миром. Не случайно самой любимой сказкой Мальчика становится сказка (по сути, это генеалогическое предание) о Рогатой матери-оленихе, которая приходит на помощь осиротевшим детям киргизского племени – мальчику и девочке («*Теперь я ваша мать, вы мои дети*» [1, с. 44]). История находит живой отклик в душе ребенка, поскольку являет собой воплощение его мечты, а кроме того, укрепляет веру Мальчика в то, что окружающая его реальность таинственна.

В мир шульместера Баха сказки входят благодаря Кларе Гримм, семнадцатилетней девушке, учителем которой он неожиданно становится. По сюжету произведения, сказки позволяют наладить коммуникацию между Бахом и Кларой. Через отношение к этим произведениям Г. Яхина показывает наивность Клары, ограниченность ее кругозора, а вместе с тем и незаурядность Баха, который, будучи знатоком высокого немецкого, несомненно, видит простоту, безыскусность рассказов возлюбленной и одновременно их родство с реальностью: «*Иногда казалось, что она рассказывает про хутор и про них самих*» [20, с. 91]. Обращает на себя внимание глагол *казалось*: сказка словно размыкается, и герои одновременно существуют как в реальном времени и пространстве, так и в сказочном (здесь время не имеет значения, пространство сакрализуется, дом становится центром этого пространства).

³ Развернутый анализ романтического типа сознания как универсального сознания содержится в исследованиях Г. А. Токаревой [14].

Сказкотворчество героев. Повествование о рецепции сказок героями подготавливает следующий сюжетный ход – создание ими собственных сказок.

Мальчик из «Белого парохода» мечтает о том, как он превратится в рыбу и уплывет к отцу, который связан в сознании ребенка с Белым пароходом («Там у меня мой папа – матрос» [1, с. 29]). Это та самая сказка, «о которой никто не знал». Было бы упрощением, на наш взгляд, говорить о двоимирии применительно к восприятию реальности героем повести, ибо в его сознании, являющемся мифологическим по сути, нет оппозиции вымысел – реальность, мир един при всем его многообразии и непостижимости, и «Сказка о белом пароходе и большоголовой ушастой рыбе» является тому подтверждением. По справедливому замечанию У. Б. Далгат, «эта сказка – тот же миф» [4, с. 179], поскольку «он становится объектом «реальных» грез ребенка, его явью, что характерно для мифа и не характерно для сказки...» [4, с. 179]. Следует подчеркнуть, что ребенок никому не рассказывает свою сказку, оберегает свой мир «таинственно-волшебных дум», тот внутренний космос, который противопоставлен пустоте мира физического.

В романе «Дети мои» шульмейстер проходит несколько этапов, отражающих изменения его отношения к сказкам. После смерти Клары сказки для Баха стали частью сакрального мира, пределы которого обрели достаточно четкие координаты: это сокровенные воспоминания, ибо «любая история, ее герои и обстоятельства неизменно вызывали в памяти образ любимой женщины...» [20, с. 201]. Поистине гамлетовское смятение испытывает Бах, стоящий перед выбором – писать или не писать сказки: с одной стороны, для него приступить к созданию сказок – значит откликнуться на те творческие порывы, которые зародились в душе, но с другой – сделать проницаемыми границы между миром души и миром физическим.

Г. Яхина показывает, как герой охраняет эти границы и как они постепенно стираются. Шульмейстер приступает к написанию сказок, во-первых, для того чтобы разрешить житейские проблемы: за «новые, звонкие, хрустальные» сказки комиссар Гофман, которому требуется «замена сказочного фонда» [20, с. 195], готов выдавать шульмейстеру молоко, необходимое маленькой Анче. Во-вторых, Бах таким образом хочет «оживить» Клару, то есть «взять готовый сказочный сюжет и вдохнуть в него Кларину жизнь» [20, с. 204]. Иными словами, на данном этапе жизненного пути сказка для Баха становится способом «пересоздать» прошлое, для этого шульмейстер в сказку «впускает» реальную жизнь. Так рождается «Сказание о Деве-Узнице» (справедливости ради следует заметить, что за основу берется сказка братьев Гримм «Дева Малейн»).

Особый интерес при этом вызывают метаморфозы, происходящие в сознании новоявленного писателя. Если сначала границы между сказкой и реальностью стираются в художественном мире, творцом которого Бах являлся, то затем зыбкость границ между сказкой и явью Бах будет обнаруживать в мире физическом: после создания ста текстов шульмейстер начнет отмечать удивительные совпадения между своими произведениями и тем, что происходит в жизни. Подчеркивая значимость открытия, сделанного героем, Г. Яхина выделяет в отдельный абзац предложение: «А написанное им сбывалось» [20, с. 239], которое затем превращается в рефрен, позволяющий объединить в одно целое ряд картин, фиксирующих загадочные, по мысли Баха, изменения жизни. Читатель видит, как шульмейстер «прозревает», как раз за разом устанавливает связь между своими текстами и жизнью. Чтобы передать состояние души человека, понимающего, что наблюдаемое им противоречит здравому смыслу, Яхина прибегает к антитезе: «Не мог его карандаш – короткий, с обгрызенным в ночных бдениях кончиком – обладать столь могущественной силой» [20, с. 246]. В детальном описании карандаша подчеркивается его малость, даже ничтожность (автор как будто делает акцент на том, что это не волшебная палочка) в сравнении с «могущественной силой», которая может менять жизнь. От неверия в то, что такая связь возможна (не случайно появляется отрицание «не мог его карандаш...»), через наблюдение за происходящим Бах приходит к выводу о том, что его сказки либо «напрямую воплощались в реальности» [20, с. 248], либо находили в ней мимолетное отражение. Итог этих раздумий – возвращение к мысли, которая сначала представлялась «безумной догадкой», а теперь явилась для шульмейстера аксиомой: «Сомнений быть не могло: написанное – сбывалось» [20, с. 248].

На следующем этапе Бах-сказочник предстает в ином свете: он верит в то, что может воздействовать на жизнь с помощью сказки. Сказкотворчество смыкается с мифотворчеством, ибо слово «выходит за пределы языка, сливается с мыслью и действием, актуализирует свои внеязыковые потенции» [15, с. 195]. Бах хочет гармонизировать мир в прямом смыс-

ле: «Ничего не оставлял Бах на волю случая. Знал: каждая фраза, каждое сравнение и каждый поворот сюжета – сбдутся» [20, с. 250]. Мистическая партиципация⁴, угадываемое Бахом сопричастие слова физическому миру, мотивирует шульмейстера на исправление социума посредством сказок. Не случайно гипербола оказывается одним из ключевых приемов, используемых шульмейстером («яблоки не просто "краснели", а "рдели и набухали медом..."; сазаны и стерляди не "ловились", а "заходили" в сеть могучими косяками» [20, с. 251]). Увидев, что творчество влияет на жизнь чудесным образом, он истово работает над тем, чтобы улучшить эту жизнь, создает в сказках «плодородный, сытый и потому добрый» [20, с. 252] мир.

Сказки Гобаха. Особого внимания в постижении сказкотворчества Баха заслуживает сюжетная линия Бах – Гофман, которая в тексте произведения маркирована рядом антитез: немой – речистый; наделенный даром писателя – не имеющий «*таланта к письменному слову*» [20, с. 196]. Оба по-своему преобразуют Гнаденталь: Гофман строил и ремонтировал, Бах писал сказки, при этом, в восприятии Баха, «*Гофман строил – мертвое*» [16, с. 254], а сам шульмейстер «*вдыхал в это мертвое – жизнь*» [20, с. 254]. Живым оказывается слово Баха: его сказки, записанные и опубликованные, обладали воздействующей силой, заставляющей толпу замереть. Миг единения слушателей подчеркивается возникающим после чтения молчанием, которое по природе своей экзистенциально, поскольку позволяет приблизиться к постижению бытия.

Для Гофмана, в отличие от Баха, сказки – часть агитационно- пропагандистской работы. Комиссар предполагал, что так можно вести борьбу со старыми представлениями, а потому дополнял созданные тексты Баха «*неожиданным и при этом идеологически выдержанным*» финалом [20, с. 242] и отправлял их в редакцию под псевдонимом Гобах. В отличие от Баха Гофману важным представляется изображение социальной сферы жизни людей без погружения в духовную, мистическую области. Обращает на себя внимание постепенное изменение в соотношении авторства Баха и Гофмана на разных этапах их сотрудничества: сначала Гофман меняет лишь финалы сказок, расставляя акценты в соответствии с классовой моралью, позже Гофман все больше критикует Баха, а затем и вовсе начинает писать сам. Рационально логический подход к произведениям приводит к тому, что художественная идея упрощается до уровня клише. В этом смысле деятельность Гофмана направлена на десакрализацию творчества Баха, на вытеснение живого слова шаблоном, что в итоге способствует не духовному росту читателя, а его примитивизации.

После сказки. Сказочное и реальное в повести Ч. Айтматова и в романе Г. Яхиной смыкаются: Мальчик видит маралов, в родство с которыми искренне верит, Бах наблюдает «плоды» своего сказкотворчества. Однако «после сказок» становится понятно, что жестокость и насилие остаются приметамы бытия.

Ч. Айтматов завершает повествование трагической развязкой. Мальчик не выдерживает разрушения сказки-мифа, точнее, торжества хаоса: после того как Оразкул убивает марала (в представлении Мальчика это та самая Рогатая мать-олениха из сказки деда Момуна), ребенок, континуум которого включает реку, переходит именно в это пространство.

В романе Г. Яхиной утопия, создаваемая творческими усилиями Баха, не становится явью, в действительности наблюдается торжество деструктивных порывов, приводящих к тому, что реальность оказывается сродни дистопии. Примечательно, что несчастный, разочарованный сказочник видит причину бед, происходящих вокруг, в тех сказках, которые он сочинил. Справедливости ради следует отметить, что на этом этапе вера в воздействующую силу сказок героем не утрачена. Открытие, которое совершает шульмейстер, касается содержания не только сочиненных им текстов, но и сказок в целом: Бах «*с изумлением обнаруживал, как сильно дыхание смерти в каждом из них <...>, в то время как воздаяние за перенесенные муки наступало единожды – в финале*» [20, с. 296].

С этим прозрением связан заключительный этап сказкотворчества Баха. Шульмейстер предпринимает отчаянную попытку вернуть спокойствие в Гнаденталь, вернуть единственным доступным для автора сказок способом – сочинить другие тексты – оптимистичные, бесконфликтные. Г. Яхина особым образом выстраивает эту часть произведения. Антитеза, к которой она прибегает, проявляется как в содержании (рассказ о раскулачивании, хлебозаготовки, директивах партии перемежается жизнеутверждающими словами из новых сказок

⁴ Партиципация, или сопричастие, как свойство мифологического сознания охарактеризовано в исследованиях Леви-Брюля [6].

Баха), так и в построении текста: сложные предложения, в которых воссоздается реальная картина жизни, противостоят обрывкам фраз, словосочетаний из сказок шульмейстера. Не случайно основным пунктуационным знаком в этих фрагментах становится многоточие: «и счастливы люди... и счастливы звери... счастливы гномы и великаны... все счастливы...» [20, с. 301]. Таким образом, создается впечатление, что реальность разрушает сказки, для них нет места в советской действительности. Слово шульмейстера не смогло гармонизировать реальность, раздираемую противоречиями: результатом коллективизации и культурной революции явился кризис идеологический, экономический, нравственный. Жестокая расправа толпы над комиссаром окончательно восстанавливает в сознании Баха границы между сказкой и явью. Три предложения, идущие друг за другом, эту мысль выражают предельно четко. Парцелляция, к которой прибегает Яхина, позволяет акцентировать внимание читателя на каждом тезисе:

Знал, что больше в Гнаденталь не придет.

Что сочинять больше не будет.

Что не отпустит Анче к людям – никогда [20, с. 312].

Баху, почувствовавшему себя Демиургом, не удалось преобразить мир: претворение сказки в жизнь не состоялось, Гнаденталь не стал Эдемом.

Разрушение веры в сверхчеловеческое, трансцендентное влечет за собой признание ограниченности мира и как следствие перелом в судьбе человека, осознавшего невозможность гармоничного единения с окружающей жизнью.

Итак, сказки мастерски используются как Ч. Айтматовым в повести «Белый пароход», так и Г. Яхиной в романе «Дети мои». Несомненно, обращение к сказкам обусловлено определенной художественной задачей, стоящей перед писателями, а также уникальностью созданных ими произведений. Однако при всем идейно-художественном своеобразии вышеназванных текстов апелляция к сказке и мифу, которые являются естественными генераторами интертекстуальных связей и выполняют смыслообразующие функции в текстах, позволяет увидеть вечность поднимаемых в произведениях проблем, закономерности в создании образов и развитии сюжетов.

Сказки, созданные героями повести «Белый пароход» и романа «Дети мои», дают представление о незаурядности героев, своеобразии их сознания, поэтически-возвышенном мировосприятии, позволяют понять истоки их поступков. В дорефлексивном сознании Мальчика из произведения Ч. Айтматова сказка-миф является порождением веры в безусловную целостность мира; герой романа Г. Яхиной, шульмейстер Бах, вынужденный преодолевать тяжелые жизненные испытания, сознательно обращается к сказке сначала для того, чтобы соотносить свою жизнь со сказочной, осмыслить прошлое, а затем – воздействовать на настоящее. Картины, созданные воображением героев, позволяют увидеть профанность окружающей их действительности. Мальчик из повести «Белый пароход», живущий в своей системе пространственно-временных и этико-эстетических координат, в мире физическом оказывается одиноким, несчастным; в итоге, оставаясь верным себе, ребенок осуществляет переход туда, где нет места злобе, предательству и так далее, то есть в сказку, которую он создал. Финал повести сильнее, чем инвектива обличает мир, в котором гибнет ребенок.

Незаурядный взрослый человек, наделенный, как шульмейстер Бах, романтическим сознанием, преобразует в своем творчестве феномены реального мира в надежде изменить таким образом этот мир. Однако разрастающаяся стихия насилия не оставляет места сказке, шульмейстер Бах, прозревая, вынужден искать способы скрыться от хаоса действительности.

Роман Г. Яхиной «Дети мои» и повесть Ч. Айтматова «Белый пароход» вступая в своеобразное диалогическое взаимодействие между собой, расширяя посредством сказки и мифа смысловое поле произведений, позволяют встроить судьбы героев в контекст общечеловеческой истории. То, что происходит «после сказки», как в повести, так и в романе, заставляет задуматься не о наивности и абсурдности миров, созданных героями, а о вечности проблемы противостояния добра и зла, о том, как вернуть гармонию в мир реальный, что в целом способствует углублению социально-философской проблематики произведений.

Список литературы

1. Айтматов Ч. Т. Собрание сочинений : в 3-х т. Т. 2. М. : Мол. гвардия, 1983. 495 с.
2. Гачев Г. Д. Чингиз Айтматов: (В свете мировой культуры). Фрунзе : Адабият, 1989. 483 с.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М. : Советский писатель, 1988. 445 с.
4. Далгат У. Б. Литература и фольклор: Теоретические аспекты. М. : Наука, 1981. 303 с.

5. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 272 с.
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-Пресс, 1999. 602 с.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М. : Академический проект: Мир, 2012. 301 с.
8. Мильчин К. Немецкие страшные сказки в Поволжье: «Дети мои», новый роман от автора «Зулейхи» // ТАСС. 2018. URL: <https://tass.ru/opinions/5193284> (дата обращения: 18.09.2020).
9. Мироненко Е. А. Фольклорно-мифологический контекст повести Чингиза Айтматова «Белый пароход» // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/folklorno-mifologicheskij-kontekst-povesti-chingiza-aytmatova-belyy-parohod> (дата обращения: 19.11.2020).
10. Мироненко Е. А. Фольклорно-мифологический контекст художественной прозы Чингиза Айтматова : дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2002. 24 с.
11. Мискина М. С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 206 с.
12. Павлова Н. И. Поэтика визуальности в романе г. Яхиной «Дети мои»: к вопросу о феномене литературного успеха // Культура и текст. 2018. № 3 (34). С. 52–66. URL: <http://www.ct.uni-altai.ru> (дата обращения: 16.05.2020).
13. Пропп В. Я. Фольклор и действительность : избр. статьи. М. : Наука, 1976. 325 с.
14. Токарева Г. А. Романтизм и романтический тип сознания // Литература Западной Европы XIX века. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-all/tokareva-romantizm-i-romanticheskij.htm> (дата обращения: 10.06.21).
15. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М. : Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
16. Тюпа В. И. Анализ художественного текста : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. М. : Академия, 2006. 336 с.
17. Чернявская Ю. Книги, о которых говорят. Гузель Яхина: от «Зулейхи» к «Детям» // TUT BY MEDIA. LLC. 2018. URL: <https://news.tut.by/culture/593657.html> (дата обращения: 29.01.2021).
18. Юзефович Г. Гузель Яхина выпустила роман о поволжском немце «Дети мои». С отсылками к Толкиену // Медуза. 06.05.2018. URL: <https://meduza.io/feature/2018/05/06/guzel-yahina-vypustila-roman-opovolzhskom-nemtse-deti-moi-otsylkami-k-tolkienu> (дата обращения 19.12.2020).
19. Шафранская Э. Ф. Фольклор как сюжетобразующий концепт в романе Гузели Яхиной «Дети мои» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. № 2. С. 101–110.
20. Яхина Г. Ш. Дети мои. М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 496 с.

Fairy tale vs reality in the story of Ch. Aitmatov's "White Steamboat" and in G. Yakhina's novel "My Children"

O. V. Meshkova

PhD in Philological Sciences, associate professor of the Department of Russian Language and Literature, Chelyabinsk State University. Russia, Chelyabinsk. ORCID: 0000-0002-3654-1939. E-mail: ru-tochka@mail.ru

Abstract. The article reveals the meaning – forming role of fairy tales in two works – in the story of Ch. Aitmatov's "White Steamboat" (1970), which has repeatedly become the subject of scientific research, and in the recently published, and therefore still little-researched novel by G. Yakhina "My Children" (2018). The principle of presumption of artistic integrity and unconditional artistic independence of the analyzed texts, on the one hand, and on the other – an integrated approach that takes into account the provisions of the comparative method, intertextual and mythopoetic analysis of texts, allows us to establish the features of the appeal to the fairy tale of authors whose creativity is shared by more than half a century, and answer the question of how both writers, resorting to the fairy tale, manifest their vision of reality.

The central characters of the works are the Boy from the story of Ch. Aitmatova and shulmeister Bach from the novel by G. Yakhina act as listeners and as creators of fairy tales, which determines the special, plot-forming role of motives associated with fairy-tale creation, which in the world of works turns out to be akin to myth-making.

The analysis of the texts gives the right to assert that the appeal to the fairy tale allowed the authors, firstly, to reveal the peculiarities of the psychology of extraordinary heroes: in the story "The White Steamboat" this is the thinking of a child, which, in fact, is mythological and is associated with an intuitive comprehension of the world; in the novel "My Children" – the consciousness of a creative person striving for the creation and preservation of a harmonious world; secondly, through antinomies real / fictional, real / fabulous to reveal the profanity of the real world. The destruction of a fairy tale, the triumph of chaos in the empirical (physical) world can cause a tragic de-

nouement. What is happening "after the fairy tale", both in the story and in the novel, makes us think about the eternity of the problem of the confrontation of good and evil, about how to return harmony to the real world, which in general contributes to the deepening of the socio-philosophical problems of the works.

Keywords: Ch. Aitmatov, G. Yakhina, fairy tale, myth, context, sacred, profane.

References

1. *Ajtmatov Ch. T. Sobranie sochinenij: v 3-h t. T. 2* [Collected works: in 3 volumes. Vol. 2]. M. Mol. guardia (Young guard). 1983. 495 p.
2. *Gachev G. D. Chingiz Ajtmatov: (V svete mirovoj kul'tury)* [Chingiz Aitmatov: (In the light of world culture)]. Frunze. Adabiyat. 1989. 483 p.
3. *Gachev G. D. Nacional'nye obrazy mira* [National images of the world]. M. Sovetskij pisatel' (Soviet writer). 1988. 445 p.
4. *Dalgat U. B. Literatura i fol'klor: Teoreticheskie aspekty* [Literature and folklore: Theoretical aspects]. M. Nauka (Science). 1981. 303 p.
5. *Kuz'mina N. A. Intertekst i ego rol' v processah evolyucii poeticheskogo yazyka* [Intertext and its role in the processes of evolution of poetic language]. M. Book House "LIBROCOM". 2009. 272 p.
6. *Levi-Brull. Sverh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Supernatural in primitive thinking]. M. Pedagogy-Press. 1999. 602 p.
7. *Meletinskij E. M. Poetika mifa* [The poetics of myth]. M. Academic project: Mir. 2012. 301 p.
8. *Mil'chin K. Nemeckie strashnye skazki v Povolzh'e: "Deti moi", novyj roman ot avtora "Zulejhi"* [German scary tales in the Volga region: "My children", a new novel from the author of "Zuleikha"] // TASS – TASS. 2018. Available at: <https://tass.ru/opinions/5193284> (date accessed: 09/18/2020).
9. *Mironenko E. A. Fol'klorno-mifologicheskij kontekst povesti Chingiza Ajtmatova "Belyj parohod"* [Folklore and mythological context of the story of Chingiz Aitmatov "The White Steamer"] // *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Herald of Kazan State University of Culture and Arts*. 2012. No. 2–3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/folklore-mifologicheskij-kontekst-povesti-chingiza-ajtmatova-belyy-parohod> (date accessed: 19.11.2020).
10. *Mironenko E. A. Fol'klorno-mifologicheskij kontekst hudozhestvennoj prozy Chingiza Ajtmatova : dis. ... kand. filol.nauk* [Folklore and mythological context of Chingiz Aitmatov's fiction : dis. ... PhD in Philological Sciences]. Almaty. 2002. 24 p.
11. *Miskina M.S. Fol'klorno-mifologicheskie motivy v proze Chingiza Ajtmatova : dis. ... kand. filol. nauk* [Folklore and mythological motifs in the prose of Chingiz Aitmatov : dis. ... PhD in Philological Sciences]. Tomsk. 2004. 206 p.
12. *Pavlova N. I. Poetika vizual'nosti v romane g. Yakhinoy "Deti moi": k voprosu o fenomene literaturnogo uspekha* [The poetics of visuality in G. Yakhina's novel "My Children": to the question of the phenomenon of literary success] // *Kul'tura i tekst – Culture and text*. 2018. No. 3 (34). Pp. 52–66. Available at: <http://www.ct.uni-altai.ru> (date accessed: 16.05.2020).
13. *Propp V. Ya. Fol'klor i dejstvitel'nost': izbr. stat'i* [Folklore and reality: selected articles]. M. Nauka (Science). 1976. 325 p.
14. *Tokareva G. A. Romantizm i romanticheskij tip soznaniya* [Romanticism and the romantic type of consciousness] // *Literatura Zapadnoj Evropy XIX veka – Literature of Western Europe of the XIX century*. Available at: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-all/tokareva-romantizm-i-romanticheskij.htm> (date accessed: 10.06.21).
15. *Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. The ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic]. M. Publishing group "Progress" – "Culture". 1995. 624 p.
16. *Tyupa V. I. Analiz hudozhestvennogo teksta : ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb.* [Analysis of the literary text : manual for students of philol. fac.]. M. Academy. 2006. 336 p.
17. *Chernyavskaya Yu. Knigi, o kotoryh govoryat. Guzel' Yahina: ot "Zulejhi" k "Detyam"* [The books they talk about. Guzel Yakhina: from "Zuleikha" to "Children"] // TUT BY MEDIA. LLC. 2018. Available at: <https://news.tut.by/culture/593657.html> (date accessed: 29.01.2021).
18. *Yuzefovich G. Guzel' Yahina vypustila roman o povolzhskom nemce "Deti moi". S otsylkami k Tolkienu* [Guzel Yakhina has released a novel about the Volga German "My Children". With references to Tolkien] // *Meduza – Jellyfish*. 06.05.2018. Available at: <https://meduza.io/feature/2018/05/06/guzel-yahina-vypustila-roman-opovolzhskom-nemtse-deti-moi-s-otsylkami-k-tolkienu> (date accessed: 19.12.2020).
19. *Shafranskaya E. F. Fol'klor kak syuzhetoobrazuyushchij koncept v romane Guzeli Yakhinoy "Deti moi"* [Folklore as a plot-forming concept in Guzel Yakhina's novel "My Children"] // *Palimpsest. Literaturovedcheskij zhurnal – Palimpsest. Literary journal*. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky National Research University. 2019. No. 2. Pp. 101–110.
20. *Yahina G. Sh. Deti moi* [My children]. M. AST: Publishment of Elena Shubina. 2020. 496 p.

Феноменология рок-культуры как предмет современной гуманитаристики

С. Г. Дюкин

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь. E-mail: dudas75@mail.ru

Аннотация. Несмотря на укорененность в научном дискурсе понятий рок-музыка и рок-культура, их дефиниция остается размытой и неопределенной. В современной гуманитаристике можно выделить целый ряд направлений, в рамках которых ведется исследование этих феноменов и, соответственно, предлагается то или иное их понимание. Цель данной статьи заключается в актуализации и систематизации различных подходов к пониманию рока, бытующих в рамках как научного подхода, так и обыденной рефлексии субъектов рок-культуры. В зарубежной и отечественной науке неоднократно предпринимались попытки подобной классификации. При минимальном обобщении рок понимается как совокупность биографических нарративов, либо как современный этап в развитии молодежной музыки. В тех же случаях, когда исследователь ставит своей целью осмысление особой феноменологии рока, последний может пониматься как выражение высокой культуры, принявшей форму развлекательной музыки, либо как совокупность определенных стилевых феноменов, либо как средоточие определенных этических качеств. Социологам свойственно считать рок-проявлением суб- или же контркультуры. Музыковеды могут ограничиваться установлением корреляции между роком и блюзовыми формами современной музыки. Множественность подходов и выводов подводит к необходимости поиска общего знаменателя, позволяющего подвести общую черту под разными позициями. В качестве такового может быть предложена идея рок-культуры как социокультурного механизма, служащего посредником и транслятором старых и новых ценностей с целью их примирения в условиях радикальной трансформации культуры при переходе к обществу постиндустриального типа. В процессе реализации функций, предусмотренных заданной ролью рок-культуры, формируется та многоплановость, которая описана в рамках множества дисциплинарных подходов.

Ключевые слова: нарратив, высокая культура, массовая культура, стиль, субкультура.

С одной стороны может показаться, что очередное обращение к теме рок-культуры и рок-музыки в дискурсивном аспекте – это не более чем теоретическая спекуляция на тему, присутствующую в исследовательском поле по инерции, потерявшую матрицу актуальности. Однако, по нашему убеждению, попытка обнаружить смысл понятий рок-музыка и рок-культура продиктована их поразительной живучестью и современностью. Претерпевая жанровые изменения, рок остается важной частью мировой культуры, переживая кризисные и ренессансные периоды. В частности, на протяжении последних 5–10 лет наблюдается подъем интереса к этому явлению в России. Причины этого возрождения не определены. Однако не исключено, что обращение к рок-культуре предопределено актуализацией ее культурно-социальных функций. Данный факт инициирует интерес к феноменологии явления, стремление выявить сущность самого понятия рока в контексте современной культуры. Цель данной статьи заключается в актуализации и систематизации различных подходов к пониманию рока, бытующих в рамках как научного подхода, так и обыденной рефлексии субъектов рок-культуры.

Базовая исследовательская проблема заключается в отсутствии четкого и определенного феноменологического статуса, которым обладала бы рок-музыка и рок-культура. На сей счет предложено множество идей, однако каждая из них нейтрализует другую, из-за чего формируется ситуация теоретической неопределенности. На сегодняшний момент предпринято множество попыток систематизировать и классифицировать концепции и дефиниции рока. В нашем случае необходимость подобной операции выводится из гипотезы, связанной с

пониманием рок-культуры как инструмента введения социума в постиндустриальную культуру [8] и как метода формирования идентичностей нового типа [7]. Обоснование данной концепции предполагает обращение к философским, антропологическим, социологическим, музыковедческим дефинициям рок-культуры, в рамках которых актуализируются ее отдельные функции. Помимо того, что актуализация различных подходов к пониманию сущности рок-культуры обоснована авторским подходом к изучению данного явления, дефиниции, предложенные собственно учеными, дополнены определениями рока, данными музыкантами. В данной статье впервые на основе имеющихся подходов к пониманию сущности рок-культуры формулируется дефиниция, в рамках которой устанавливается корреляция между роком и культурой постмодерна.

Существенный вклад в понимание рока внесли К. Бельц, А. Беннетт, Д. Бэнсон, Э. Джеймс, Н. Кон, М. Кэмпбелл, Р. Мельцер, Б. Поллок, С. Фрит. В отечественной науке, в силу особого социального статуса рок-музыки и традиций теоретизирования, сформировался особо востребованный дискурс, связанный с рефлексией на тему понимания сущности рок-культуры. Среди наиболее важных авторов, уделивших внимание вопросу определения феноменологии рока, можно назвать А. Громакова, В. Доронина, С. Жарикова, Г. Квятковского, Г. Кнабе, А. Козлова, Е. Мякотина, И. Набока, Л. Переверзева, Е. Савицкую, В. Сырова, М. Цапко.

Начало исследованиям рок-музыки было положено в конце 60-х гг. Н. Коном, не ставившим своей целью определение феноменологических границ рок-н-ролла, содержание которого представлялось автору определенной аксиомой. Согласно общему контексту книги «Рок с самого начала», Н. Кон мыслил содержание рока как нечто очевидное, не нуждающееся в дополнительном особом понимании. Данный феномен сводился автором к совокупности частных музыкально-поэтических явлений, выстраиваемых в нарратив, а также к субкультурным особенностям [32].

Н. Кон зародил традицию описания рок-музыки через нарратив, в основу которой ложатся мифологемы, связанные с фактами биографий музыкантов, либо с историко-культурным фоном явлений рок-культуры. В ироничной форме подобная модель описана И. Стоговым, заметившим: «То, что сегодня изучают в университетах как культуру XX века, изначально было лишь приятельскими компаниями» [26, с. 5]. Автор отразил представление о роке как о нарративе, являющимся результатом мифотворчества неформализованных социальных кругов.

Осознание феномена рока через нарратив характерно для работ Г. Маркуса, Д. Робба, А. Житинского, Т. Невской. В текстах этих авторов сущность рок-музыки и рок-культуры отражается в творческом пути отдельных коллективов и исполнителей. Рок, таким образом, определяет характер определенного контекста, в котором разворачиваются биографии его отдельных представителей, наделяемых исключительными чертами и характеристиками.

Романтизация рок-музыкантов достигает своеобразной кульминации в концепции В. Доронина, в представлении которого рок-н-ролл является культурным пространством, в котором воплощается сущность исключительных субъектов, называемых автором рок-героями [6].

Более высоким уровнем обобщения при понимании рок-культуры становится совокупность дефиниций, основанных на музыковедческом подходе. В данном случае актуализируется видение рок-н-ролла в качестве одной из стилистических разновидностей современной молодежной музыки. В рамках исследовательской проблемы выстраивается бинарная оппозиция *молодежная музыка, массовая музыка – серьезная музыка*. В контексте отнесения рока к массовой развлекательной музыке может утверждаться идея блюзовости как сущности рок-музыки. В законченной форме данная мысль высказана А. Козловым, выводящим рок из блюза, госпелс и кантри [19]. При анализе музыкальных корней рок-культуры музыкант подробно разбирает отличительные особенности блюзовой гаммы, видя именно в ней воплощение рок-н-ролла [19, с. 10]. Впервые в отечественном музыковедении с подобной идеей выступил Л. Переверзев, выведший рок-н-ролл из упрощенных танцевальных форм джаза [24].

В качестве продолжения джазовой традиции рассматривает рок-музыку Э. Уолд, который отказывает рок-н-роллу во всяких дефинициях, поскольку видит в нем всего лишь одно из воплощений джаза, либо музыкальную маргиналию, в которой отражается кризис планового развития «черной» музыки. По мнению Э. Уолда, The Beatles законсервировали европейскую ретро-музыку в том контексте, который объединяет ее с «черной» музыкой. Тем самым они затормозили появление инноваций в аспекте дальнейшего движения молодежной танцевальной культуры. Именно в этом заключается смысл рок-музыки [37].

Музыковедческий дискурс, связанный с исследованием рока, может допускать редукцию его джазово-блюзовой составляющей. В частности, установка на актуализацию формальных средств исполнения актуализируется субъектами рок-культуры в рамках обыденной рефлексии. Пермский рок-музыкант Иван Степанов говорит по этому поводу: «Рок – это музыка, которая определяется гитарами. Иногда гитары уходят на второй план, но все равно остаются звукообразующим элементом» [14].

Более последовательное игнорирование жанровых особенностей рок-музыки вообще снимает проблему его специальной дефиниции. Так, автор одной из наиболее влиятельных работ по теории рок-музыки социолог С. Фрит редуцирует проблематику феноменологии рока, признавая за ним всего лишь одну из форм популярной музыки [33]. Американские музыковеды М. Кэмпбелл и Д. Броди устраняют даже ограничения, связанные с отнесением рока к массовой музыке, оставляя лишь хронологические пределы и определяя рок как «богатую музыкальную традицию последнего полувека» [31, p. 2].

Обозначенный выше подход отражается на уровне обыденной рефлексии в высказывании бывшего пермского панк-музыканта Бориса Бейлина, утверждающего, что рок – это «слово-паразит и зонтичный термин для обозначения жанра поп-музыки второй половины XX века» [9]. В этом случае рок лишается всякой специфики, теряется смысл использования понятия и концептуального выделения самого феномена из спектра современной культуры.

К музыковедческой парадигме понимания сущности рок-музыки близка парадигма стиля, в рамках которой за роком закрепляются определенные стилистические особенности, включающие в себя как музыкальные, так и внемузыкальные факторы.

В законченной форме данная позиция выражена Е. Савицкой, видящей в рок-музыке проявление определенной совокупности стилей, на основе которой выстраивается архетип рок-н-ролла, который представляет собой способ мировосприятия, характеризующийся стремлением к безграничной свободе, отрицанием условностей, стиранию граней между жизнью и творчеством, между жизнью и смертью [25].

В качестве стилевого феномена рассматривает рок немецкий музыковед П. Вике, предложивший понимать под стилем в рок-музыке «организованную семиотическую систему с особым механизмом формирования» [38, p. 24]. Анализ стилистических особенностей рока П. Вике осуществляет, уделяя внимание почти исключительно музыкальным факторам. С близкой исследовательской установкой выступает российский музыковед В. Н. Сыров, представивший в отечественной науке одну из наиболее законченных теоретических концепций рок-музыки. Ученый характеризует рок как стиль, для которого характерна центробежность, через противопоставление поп-музыке как жанру со свойственной ему центростремительностью. Также В. Н. Сыров видит качественное отличие рока в его национальном колорите. «Существо генетического бытия» рок-музыки автор видит в ее «блюзовости», дающей знать о себе в той или иной степени в различных жанрах рока [27, с. 14–17]. Внемузыкальную качественную сущность рока ученый выразил в таких понятиях, как *творческая индивидуализация, следование принципу сочинительно-исполнительского единства*. Рок, таким образом, представляет собой возрождение духа коллективно-индивидуального творчества европейской музыки [27, с. 14–17]. Данная позиция сопоставима с идеей Г. Кнабе о тесной связи рока с «голосом низов», со «скоморошьей традицией» [17, с. 36]. Обыденное сознание агента рок-культуры предлагает следующую упрощенную версию понимания сущности рока в рамках описанной парадигмы: «Рок – это макрожанр поп-музыки, объединяющий огромное количество самого разного искусства, не только, кстати, музыкального. Это жанр многогранный и культурно разнообразный настолько, что может объединять абсолютно разных людей, от гопника до эстета» [11]. Пермский поэт и музыкант Семен Соснин, предлагая музыкальное понимание рока, редуцирует при этом жанрово-стилистические коннотации, сводя содержание определяемого понятия к аффективности, реализуемой через музыку: «Рок – это музыка, быстро выводящая исполнителя и слушателя на экстатическое состояние, чистый драйв, не отягощенный рефлексией. Если же выход не получается, то перед нами околорок или еще что-то» [10]. Налицо объединение в понятии стиля как музыкальных, так и внемузыкальных факторов, что становится основой для понимания рока через актуализацию его философских и социальных функций.

В рамках обобщенного культурологического подхода можно выделить еще ряд дисциплинарных направлений: философское и антропологическое. В научном дискурсе, связанном с изучением рока, данное направление является определяющим, по крайней мере, в количе-

ственном отношении. Причиной этому служит многоплановость и сложность исходного понятия. Сочетание музыкальных и немusикальных факторов, характеристик субкультуры и черт, присущих субкультуре, изымают рок в качестве исследовательского объекта из музыкально-исследовательской сферы, вводя его в культурологическое поле.

Если говорить о контексте философии культуры и философско-социальной антропологии, то в этом дисциплинарном поле наблюдается стремление придать рок-н-роллу статус немusикального явления, занимающего особое место в структуре современной мировой культуры. Функциональный смысл рок-культуры обнаруживается, таким образом, во введении человечества в реальность постмодерна, в *форсированном осовременивании* социума, в углублении гуманизма. Данный подход получил максимально широкое распространение в современной отечественной науке. Так, например, М. Цапко предложила видеть в рок-музыке, в первую очередь, новую форму трансляции «старых» идей, преломленных через доминанту рок-эстетики, заключающейся в «придании особой ценности идейному содержанию создаваемых композиций» [28, с. 19]. Данное представление о сущности рок-н-ролла базируется на идее корреляции между роком и «фаустовской» культурой, понятием, которое для обозначения западноевропейской христианской культуры ввел в начале XX в. О. Шпенглер [30]. Предлагая данное понятие для контекста исследования рок-культуры, М. Цапко максимально расширяет функциональные характеристики рок-н-ролла, заключающиеся в гипертрофированной эмоциональности, слиянии музыканта и слушателя [28].

В концепции Е. Касьяновой рок также приобретает максимально широкий смысл. Согласно авторской концепции, рок не укладывается в последовательность прочих форм культуры современности. Рок является итогом предшествующего развития всевозможных культурных тенденций, представляя собой «результат вбирания экзистенциального опыта многих людей», а также «центровое звено межкультурных коллизий второй половины XX века» [15, с. 21–22].

В категориях дискурса немецкой философии описывает рок-культуру Е. Мякотин, актуализирующий ницшеанскую идею аполлонического и дионисийского искусства [21]. Рок-музыку он определяет на основе категорий *становления*, через *позицию устремления в будущее*, через *такой характерный признак, как недосказанность и незавершенность смысла* [21, с. 9]. Субъект рок-культуры характеризуется Е. Мякотиним через понятия *неоднозначности* и *амбивалентности*. В конечном счете, жанр определяется автором как эстетическое пространство усиления авторского начала, основанного на особой точке зрения в отношении мира как потенциальной категории, основанной на «постоянном ускользании «последнего слова о мире», рассеивании его в стилевой игре «третьей музыки», провоцирующего появление открытых форм, где нет монологически твердого, неразложенного авторского слова, необходимого для финального заключения» [21, с. 12]. Смысл рок-культуры в подобном контексте концентрируется вокруг процесса индивидуализации, сопровождающей всю культурную эволюцию человека, и, в частности, его вхождение в культурную эпоху постмодерна. Рок осмысливается в качестве катализатора преобразования субъекта, для вхождения последнего в реалии постмодерна.

С таким пониманием рока предельным образом коррелирует попытка дефиниции, предложенная пермским музыкантом Виктором Моисеевым: «Рок – это творчество, подчеркивающее самоценность, индивидуальность (переигрывать каверы – это не рок). Композиция должна нести в себе некий манифест, statement, порой торжественный даже в увядании. Рок – это осознанность и уверенность, как при управлении тяжелым транспортом или перфоратором (нельзя вяло перфорировать – это не рок, и самокат – не рок, а мотоцикл – рок). Рок – это значит иметь свое мнение, а играть в оркестре по нотам – не рок, в то время как быть солистом, интерпретировать текст оригинально – рок» [12]. В данном высказывании акцентируется внимание на индивидуализирующей функции рок-культуры, которая абсолютным образом может быть гипертрофирована, как, например, в словах еще одного пермского музыканта, лидера группы «Танцы на траве» Игоря Трахтенгерца. «Рок – это юношеская мечта, один из способов отделиться и выделиться, показать и доказать, состояться. Рок – это потаенная страсть, питающая тебя всю жизнь» [13]. Именно в обыденной рефлексии максимально последовательно способен, таким образом, выразиться философский подход к пониманию рока. Лишаясь теоретической матрицы и обретая почти художественную форму, подобная попытка уловить и выразить сущность рок-н-ролла выглядит наиболее радикальной в рамках обобщенного представления о рок-культуре, нацеленного на усиление в ней индивидуального начала.

Близкий вариант понимания рок-культуры к концепциям М. Цапко, Е. Касьяновой и Е. Мякотина предлагает И. Ковальчук, акцентируя внимание на генетической связи рока с общекультурным контекстом, не сводящемуся к музыкальному искусству [18, с. 13]. Описанные концепции базируются на внемзыкальности рока, на его самостоятельности в отношении музыкальной матрицы, которая актуальна лишь на стадии формирования рок-н-ролла в его широком понимании.

Еще дальше уводит рок от его музыкальной первоосновы А. Васильева, обозначающая рок-культуру через ее общекультурные доминанты, наиболее общая из которых есть мифология, а более частная – смех. Из данного положения следует подобие дефиниции рока как «своеобразной лаборатории, в которой были «опробованы» многие психологические и социально-культурные ситуации» [2, с. 19].

Коннотация, связанная с немецкой культуркритикой начала XX в., выстраивается вокруг рок-н-ролла С. Шаповаловым, который видит в роке современный способ воплощения дионисийского искусства. Смысл исследуемого им явления культуры обретается в контексте противопоставления его же суррогатным маскультовым формам [29, с. 18–19]. Определяющими категориями дефиниции рока выступают, по С. Шаповалову, коммуникативность и театрализация жизненного пространства [29, с. 21–22].

Риторика, базирующаяся на противопоставлении *рока* другим культурным феноменам, берет в России свое начало в эпохе перестройки. В данный период в публицистике в гипертрофированной форме актуализировался вопрос о феноменологических пределах рока, а также о том, что роком не является. Большей частью, рассуждения на сей счет носили оценочный характер. Однако именно оценочная природа данного дискурса позволила выстроить аксиологическое отношение к природе рок-музыки и рок-культуры – в отечественной публицистической риторике закрепилось понимание рока как средоточия социальной позиции, креатива, таланта, искренности, честности. Противоположный полюс сформированной публицистами и самими рок-музыкантами бинарной оппозиции представляет поп-музыка. Этот жанр определяется через негативные ценностные характеристики – предсказуемость, лживость, лицемерие, антиинтеллектуализм, беспринципность.

В книге А. Козлова противопоставляемое *року* явление оформлено как *антирок*, в структуру которого он вводит самые разные музыкальные направления, в том числе стилевые варианты рок-музыки, как, например, панк-рок [19]. В подобном подходе можно увидеть оценочную позицию. Рок выводится из системы стилей и жанров, превращаясь в эталон эстетического вкуса, объединяя в себе несопоставимые жанры и направления и, напротив, исключая генетические родственные музыкальные и субкультурные явления.

Наиболее объемный сегмент исследований, связанных с рок-музыкой и рок-культурой, включающих в себя дефиниции данных понятий, представлен социологическими работами. Базовыми понятиями при определении рока служат в данном случае *субкультура* и *контркультура*.

Н. Гончарова уравнивает понятие рок-музыки с субкультурой, являющейся средством противопоставлений молодежи в отношении доминирующей культуры [4]. По Г. Кнабе, «рок – это не столько музыка, сколько стиль жизни и общественная позиция» [17, с. 21]. Также в социологическом русле, но с акцентом на ментальные механизмы, определяет рок как «форму молодежного умонастроения» К. Курленя [20].

Один из пионеров социологии молодежных субкультур Д. Хэбридж однозначно закрепляет за роком субкультурную природу, называя его семиотической системой, сформированной для выстраивания коммуникаций в рамках определенной группы, желающей отграничить себя от «враждебного мира» [34]. На контркультурную сторону *рока* как определяющее его качество с точки зрения его же дефиниции обращают внимание некоторые отечественные исследователи [3; 5]. Последние двое при этом уравнивают рок как контркультуру с маскультом, которая тоже понимается ими как одно из проявлений контркультуры. Предельно скрупулезное видение тесной взаимосвязи рок-культуры и контркультуры предложил Э. Джеймс, устанавливающий тождество между отдельными жанрами рок-музыки и конкретными контркультурными проявлениями. Он пишет: «Музыка была частью каждого аспекта контркультуры, играя важную роль в жизни каждого молодого человека, который был частью движения» [35, р. 7].

В описании американской контркультуры 60-х американский социолог Ф. Боноски наделяет рок-культуру сугубо политизированной коннотацией, положительно оценивая ее в

качестве инструмента протеста. «В лучших своих образцах рок-н-ролл обнаружил дух анархизма, безумия, даже преступности, выразившейся в подчеркнутом тематическом разном – откровенной реакции, то неистовствующей, то глумящейся, а то и откровенно наглой, – реакции на социальную коррупцию, теперь явную повсюду» [1, с. 68]. Подобная оценка рока в социально-политическом контексте устраняет эстетическую ценность явления, редуцирует его рекреационную функцию, превращая рок-н-ролл исключительно в разграничитель аксиологических систем поколений.

Именно такая традиция понимания рок-музыки и рок-культуры была заложена еще в 60-е гг. Т. Росаком, выстроившим устойчивую корреляцию между новым для того времени жанром молодежной музыки и контркультурой, понятие которой собственно им и было сформулировано [36].

Субкультурную и контркультурную привязанность рок-культуры в рамках социологического подхода попытался преодолеть Г. Ю. Квятковский, предложивший видеть в объекте исследования конгломерат субкультур, пронизанный единством с позиций внешнего наблюдателя [16, с. 86].

На этом фоне выделяется позиция И. Набока, предлагающего видеть в рок-музыке также субкультуру, но основанную не на музыкальной, а на аксиологической матрице, в основе которой, в свою очередь, лежат идеологемы «новой чувственности», «неорелигиозности и мистицизма», «назад к природе», «музыкацентризма» и «свободы» [22, с. 19–20]. Музыка в данном случае берет на себя роль катализатора эмоциональности, востребованной ее субкультурным началом.

Актуализированные и обозначенные выше теоретические концепции рок-культуры и рок-музыки представляют собой в совокупности огромный спектр позиций, отчасти дополняющих, а отчасти противоречащих друг другу. Рок предстает в том или ином аспекте в зависимости от исходной исследовательской позиции, либо от контекста, в котором работает автор, либо от целей и задач, ставящихся ученым. Каждая из концепций так или иначе выглядит убедительной. Множественность подходов и выводов подводит к необходимости поиска общего знаменателя, позволяющего подвести общую черту под разными позициями. В качестве такового может быть предложена идея рок-культуры как социокультурного механизма, служащего посредником и транслятором старых и новых ценностей с целью их примирения в условиях радикальной трансформации культуры при переходе к обществу постиндустриального типа. В процессе реализации функций, предусмотренных заданной ролью рок-культуры, формируется та многоплановость, которая описана в рамках множества дисциплинарных подходов. Названный механизм, в зависимости от ситуативных рамок, а также от области анализа, характеризуется либо как биографический нарратив, либо основанный на блюзовой форме сегмент современной молодежной массовой музыки, либо как средоточие философских смыслов в контексте высокой культуры или совокупность этических качеств, как суб- или контркультура или определенная стилистическая форма. Именно в силу своей полифункциональности и мультивариантности рок и является столь заметным понятием в современной полидисциплинарной гуманитаристике.

Список литературы

1. Боноски Ф. Две культуры / пер. с англ. В. Болотникова. Москва : «Прогресс», 1978. 438 с.
2. Васильева А. А. Российская рок-музыка 1970–1980-х гг. как социокультурное явление. Опыт культурологического анализа : дисс. ... канд. культур. наук. Челябинск, 1999. 21 с.
3. Власова Г. Б. Рок-культура – феномен XX в. : дисс. ... канд. филос. наук. Ростов н/Дону, 2001. 26 с.
4. Гончарова Н. Б. Специфика социализации подростков современного крупного города: вхождение в рок-культуру : дисс. ... канд. соц. наук. Ростов н/Дону, 2002. 26 с.
5. Давлетшина Д. М. Музыкальная культура как фактор формирования духовных ценностей студенческой молодежи в современных условиях : дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 1998. 24 с.
6. Доронин В. В. Рок-герой – фигура, лицо или тень / В. В. Доронин // Вестник Челябинского университета. 2018. № 2 (412). С. 66–73.
7. Дюкин С. Г. О структуре идентичности в рок-культуре / С. Г. Дюкин // Ценности и смыслы. 2019. № 6 (64). С. 18–36.
8. Дюкин С. Г. Рок-культура как инструмент вхождения в постиндустриальную культуру / С. Г. Дюкин // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 4. Ч. 2. С. 394–411.
9. Интервью № 1. Мужчина 1959 г. р. Записано на диктофон 11.07.2017. Из личного архива автора.
10. Интервью № 2. Мужчина 1974 г. р. Записано на диктофон 17.07.2017. Из личного архива автора.

11. Интервью № 4. Мужчина 1989 г. р. Записано на диктофон 08.08.2017. Из личного архива автора.
12. Интервью № 9. Мужчина 1984 г. р. Записано на диктофон 19.06.2018. Из личного архива автора.
13. Интервью № 12. Мужчина 1972 г. р. Записано на диктофон 19.08.2018. Из личного архива автора.
14. Интервью № 27. Мужчина 1980 г. р. Записано на диктофон 28.03.2020. Из личного архива автора.
15. Касьянова Е. В. Рок-культура в контексте современной культуры : дисс. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2003. 22 с.
16. Квятковский Г. Ю. Рок-культура как объект социологического исследования / Г. Ю. Квятковский // Вестник Челябинской академии культуры и искусств. 2005. № 1 (7). С. 82–91.
17. Кнабе Г. С. Рок-музыка и рок-среда как формы контркультуры / Г. С. Кнабе // Избранные труды. Теория и история культуры. Москва, Санкт-Петербург : Летний сад, 2006. С. 20–50.
18. Ковальчук И. В. Влияние рок-музыки на формирование стиля жизни российской молодежи : дисс. ... канд. соц. наук. Москва, 2002. 24 с.
19. Козлов А. С. Рок: истоки и развитие / А. Козлов. Москва : МегаСервис, 1998. 191 с.
20. Курленя К. М. Парадигмы развития региональной отечественной культуры : дисс. ... докт. иск. Новосибирск, 2008. 503 с. (на правах рукописи).
21. Мякотин Е. В. Рок-музыка. Опыт структурно-антропологического анализа : дисс. ... канд. иск. Саратов, 2006. 24 с.
22. Набок И. Л. Рок-культура как эстетический феномен : дисс. ... докт. филос. наук. Москва, 1993. 42 с.
23. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / пер. с нем. Г. Рачинского. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. 201 с.
24. Переверзев Л. От джаза к рок-музыке / Л. Переверзев // Конен В. Д. Пути американской музыки. Москва : «Советский композитор», 1977. С. 365–391.
25. Савицкая Е. А. Принципы стилиобразования в рок-музыке. На материале зарубежного хард- и арт-рока : дисс. ... канд. иск. Москва, 1999. 24 с.
26. Стогофф И. Бронзовый век от «Санкт-Петербурга» до «Ленинграда». Антология / И. Стогофф. Санкт-Петербург : Амфора, 2004. 287 с.
27. Сыров В. Н. Стилиевые метаморфозы рока или путь к «третьей» музыке / В. Н. Сыров. Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского университета, 1997. 209 с.
28. Цанко М. С. Рок как социокультурный феномен : дисс. ... канд. культур. наук. Москва, 1998. 23 с.
29. Шаповалов С. В. Динамика социокультурных ценностей рок-музыки : дисс. ... канд. филос. наук. Ростов н/Дону, 2010. 27 с.
30. Шпенглер О. Закат Европы / пер. с нем. К. А. Свасьяна. Москва : Мысль, 1998. 663 с.
31. Campbell M. Rock And Roll. An Introduction / M. Campbell, J. Brody. New York : Schirmer Books, 2008. 491 p.
32. Cohn N. Rock From The Beginning / N. Cohn. New York : Stein and Day, 1969. 256 p.
33. Frith S. The Sociology of Rock / S. Frith. London : Constable&Robinson, 1978. 255 p.
34. Hebrige D. Subculture: the meaning of style / D. Hebrige. London – New York : Methuen, 1991. 195 p.
35. James E. Perone Music of Counterculture Era / E. P. James. London : Greenwood Press, 2004. 226 p.
36. Roszak Th. The Making of counter culture: reflections on the technocratic society and its youthful opposition / Th. Roszak. New York : Random House, 1969. 303 p.
37. Wald E. How The Beatles Destroyed Rock'N'Roll: An Alternative History of American Popular music / E. Wald. Oxford : Oxford University Press, 2009. 323 p.
38. Wicke P. Anatomie des Rock / P. Wicke. Leipzig : VEB Deutscher Verlag fur Music, 1987. 237 p.

Phenomenology of rock culture as a subject of modern humanities

S. G. Dyukin

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy,
Perm State Institute of Culture. Russia, Perm. E-mail: dudas75@mail.ru

Abstract. Despite the rootedness of the concepts of rock music and rock culture in scientific discourse, their definition remains vague and uncertain. In modern humanitarianism, a number of directions can be distinguished, within the framework of which the study of these phenomena is conducted and, accordingly, one or another understanding of them is proposed. The purpose of this article is to actualize and systematize various approaches to the understanding of rock that exist within both the scientific approach and the everyday reflection of rock culture subjects. Attempts of such classification have been repeatedly made in foreign and domestic science. With minimal generalization, rock is understood as a set of biographical narratives, or as a modern stage in the development of youth music. In the same cases, when the researcher aims to comprehend the special phenomenology of rock, the latter can be understood as an expression of high culture, which has taken the form of entertainment music, or as a set of certain stylistic phenomena, or as a focus of certain ethical qualities. Sociologists tend to consider rock as a manifestation of a sub- or counterculture. Musicologists can limit them-

selves to establishing a correlation between rock and blues forms of modern music. The multiplicity of approaches and conclusions leads to the need to find a common denominator that allows you to draw a common line under different positions. As such, the idea of rock culture as a socio-cultural mechanism serving as a mediator and translator of old and new values in order to reconcile them in conditions of radical transformation of culture during the transition to a post-industrial type of society can be proposed. In the process of implementing the functions provided for by the given role of rock culture, that diversity is formed, which is described within the framework of a variety of disciplinary approaches.

Keywords: narrative, high culture, mass culture, style, subculture.

References

1. Bonoski F. *Dve kul'tury* [Two cultures] / transl. from English by V. Bolotnikov. M. "Progress". 1978. 438 p.
2. Vasil'eva A. A. *Rossijskaya rok-muzyka 1970–1980-h gg. kak sociokul'turnoe yavlenie. Opyt kul'turologicheskogo analiza : dis. ...kand. kul'tur. nauk* [Russian rock music of the 1970s–1980s as a socio-cultural phenomenon. The experience of cultural analysis : dis. ... PhD in Cultural Sciences]. Chelyabinsk. 1999. 21 p.
3. Vlasova G. B. *Rok-kul'tura – fenomen XX v. : dis. ... kand. filos. nauk* [Rock culture – a phenomenon of the XX century : dis. ... PhD in Philos. Sciences]. Rostov-na-Donu, 2001. 26 p.
4. Goncharova N. B. *Specifika socializacii podrostkov sovremennogo krupnogo goroda: vhozhdenie v rok-kul'turu : dis. ... kand. soc. nauk* [The specifics of the socialization of teenagers in a modern large city: entry into rock culture : dis. ... PhD in Social Sciences]. Rostov-na-Donu. 2002. 26 p.
5. Davletshina D. M. *Muzykal'naya kul'tura kak faktor formirovaniya duhovnyh cennostej studencheskoj molodezhi v sovremennyh usloviyah : dis. ... kand. soc. nauk* [Musical culture as a factor in the formation of spiritual values of student youth in modern conditions : dis. ... PhD in Social Sciences]. Kazan. 1998. 24 p.
6. Doronin V. V. *Rok-geroj – figura, lico ili ten'* [Rock hero – figure, face or shadow] / V. V. Doronin // *Vestnik Chelyabinskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk University*. 2018. No. 2(412). Pp. 66–73.
7. Dyukin S. G. *O strukture identichnosti v rok-kul'ture* [On the structure of identity in rock culture] / S. G. Dyukin // *Cennosti i smysly – Values and meanings*. 2019. No. 6 (64). Pp. 18–36.
8. Dyukin S. G. *Rok-kul'tura kak instrument vhozhdeniya v postindustrial'nuyu kul'turu* [Rock culture as an instrument of entry into post-industrial culture] / S. G. Dyukin // *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 2020. Vol. 12. No. 4. Part 2. Pp. 394–411.
9. Interview No. 1. A man born in 1959 was recorded on a dictaphone on 11.07.2017. From the author's personal archive.
10. Interview No. 2. A man born in 1974 was recorded on a dictaphone on 17.07.2017. From the author's personal archive.
11. Interview No. 4. Male born in 1989 Recorded on a dictaphone 08.08.2017. From the author's personal archive.
12. Interview No. 9. A man born in 1984 was recorded on a dictaphone on 19.06.2018. From the author's personal archive.
13. Interview No. 12. A man born in 1972 was recorded on a dictaphone on 19.08.2018. From the author's personal archive.
14. Interview No. 27. A man born in 1980 was recorded on a dictaphone on 28.03.2020. From the author's personal archive.
15. Kas'yanova E. V. *Rok-kul'tura v kontekste sovremennoj kul'tury : dis. ... kand. filos. nauk* [Rock culture in the context of modern culture : dis. ... PhD in Philos. Sciences]. SPb. 2003. 22 p.
16. Kvyatkovskij G. Yu. *Rok-kul'tura kak ob'ekt sociologicheskogo issledovaniya* [Rock culture as an object of sociological research] / G. Yu. Kvyatkovskij // *Vestnik Chelyabinskoy akademii kul'tury i iskusstv – Herald of Chelyabinsk Academy of Culture and Arts*. 2005. No. 1 (7). Pp. 82–91.
17. Knabe G. S. *Rok-muzyka i rok-sreda kak formy kontrkul'tury* [Rock music and rock environment as forms of counterculture] / G. S. Knabe // *Izbrannye trudy. Teoriya i istoriya kul'tury – Selected works. Theory and history of culture*. M., SPb. Letniy sad (Summer Garden). 2006. Pp. 20–50.
18. Koval'chuk I. V. *Vliyanie rok-muzyki na formirovanie stilya zhizni rossijskoj molodezhi : dis. ... kand. soc. nauk* [The influence of rock music on the formation of the lifestyle of Russian youth : dis. ... PhD in Social Sciences]. M. 2002. 24 p.
19. Kozlov A. S. *Rok: istoki i razvitie* [Rock: origins and development] / A. Kozlov. M. Megaservice. 1998. 191 p.
20. Kurlenya K. M. *Paradigmy razvitiya regional'noj otechestvennoj kul'tury : dis.... dokt. isk.* [Paradigms of development of regional national culture : dis.... Dr. of Art] Novosibirsk. 2008. 503 p. (on the rights of the manuscript).
21. Myakotin E. V. *Rok-muzyka. Opyt strukturno-antropologicheskogo analiza : dis. ... kand. isk.* [Rock music. The experience of structural and anthropological analysis : dis. ... PhD in Art]. Saratov. 2006. 24 p.
22. Nabok I. L. *Rok-kul'tura kak esteticheskij fenomen : dis. ... dokt. filos. nauk* [Rock culture as an aesthetic phenomenon : dis. ... Dr. of Philos. Sciences]. M. 1993. 42 p.
23. Nietzsche F. *Rozhdenie tragedii iz duha muzyki* / [The Birth of tragedy from the spirit of music] / transl. from German by G. Rachinsky. SPb. ABC Classics. 2005. 201 p.

24. Pereverzev L. *Ot dzhaza k rok-muzyke* [From jazz to rock music] / L. Pereverzev // *Konen V. D. Puti amerikanskoj muzyki* [Paths of American music]. M. "Soviet Composer". 1977. Pp. 365–391.
25. Savickaya E. A. *Principy stileobrazovaniya v rok-muzyke. Na materiale zarubezhnogo hard- i art-roka : dis. ... kand. isk.* [Principles of style formation in rock music. Based on the material of foreign hard and art rock : dis. ... PhD in Art]. M. 1999. 24 p.
26. Stogoff I. *Bronzovyy vek ot "Sankt-Peterburga" do "Leningrada". Antologiya* [The Bronze Age from "St. Petersburg" to "Leningrad". Anthology] / I. Stogoff. SPb. Amphora. 2004. 287 p.
27. Syrov V. N. *Stilevye metamorfozy roka ili put' k "tret'ej" muzyke* [Stylistic metamorphoses of rock or the path to the "third" music] / V. N. Syrov. Nizhny Novgorod. Publishing House of Nizhny Novgorod University. 1997. 209 p.
28. Capko M. S. *Rok kak sociokul'turnyj fenomen : dis. ... kand. kul'tur. nauk* [Rock as a socio-cultural phenomenon : dis. ... PhD in Cultural Sciences]. M. 1998. 23 p.
29. Shapovalov S. V. *Dinamika sociokul'turnyh cennostej rok-muzyki : dis. ... kand. filos. nauk* [Dynamics of socio-cultural values of rock music : dis. ... PhD in Philos. Sciences]. Rostov-na-Donu. 2010. 27 p.
30. Spengler O. *Zakat Evropy* [The Decline of Europe] / transl. from German by K. A. Svasyan. M. Mysl' (Thought). 1998. 663 p.
31. Campbell M. *Rock And Roll. An Introduction* / M. Campbell, J. Brody. New York: Schirmer Books, 2008. 491 p.
32. Cohn N. *Rock From The Beginning* / N. Cohn. New York: Stein and Day, 1969. 256 p.
33. Frith S. *The Sociology of Rock* / S. Frith. London: Constable&Robinson, 1978. 255 p.
34. Hebrige D. *Subculture: the meaning of style* / D. Hebrige. London – New York: Methuen, 1991. 195 p.
35. James E. *Perone Music of Counterculture Era* / E. P. James. London: Greenwood Press, 2004. 226 p.
36. Roszak Th. *The Making of counter culture: reflections on the technocratic society and its youthful opposition* / Th. Roszak. New York: Random House, 1969. 303 p.
37. Wald E. *How The Beatles Destroyed Rock`N`Roll: An Alternative History of American Popular Music* / E. Wald. Oxford: Oxford University Press, 2009. 323 p.
38. Wicke P. *Anatomie des Rock* / P. Wicke. Leipzig: VEB Deutscher Verlag fur Music, 1987. 237 p.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 1 (25) (2022)

16+

Редактор *А. В. Мариева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 04.03.2022 г.
Дата выхода в свет 05.05.2022 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 17,09. Тираж 100 экз. Заказ № 113.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36